

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 9 (48)

сентябрь, 2020

Содержание журнала для лиц
18+
старше
18 лет
Содержание журнала для лиц

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

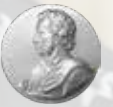
Сентябрьский номер литературно-исторического журнала «Александръ» представляет вашему вниманию творчество писателей Донбасса.

Однажды я отметил интересный факт: в учебных учреждениях Новороссии ребята пишут сочинения на тему «Донбасский характер», призванную воспитывать у школьников любовь к родной земле. По моему глубокому убеждению, «донбасский характер» в современном мире стал ярким примером героизма, стойкости, настоящего патриотизма и врождённого чувства справедливости. И это как нельзя лучше проявляется в произведениях, опубликованных в сентябрьском «Александре», которые поражают задушевностью, красочностью, ясностью.

Шесть лет нечеловеческого напряжения (Великая Отечественная война длилась четыре года), боль от утраты близких людей и при этом сохранение человеколюбия и милосердия – вот что читается в каждой строчке авторов-донбасцев.

Низкий поклон Людям с донбасским характером!

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

НЕ ОБМЕЛЕЕТ РЕКА ПАМЯТИ

Администрация и коллектив Луганской республиканской универсальной научной библиотеки им. М. Горького искренне поздравляет Вас и весь коллектив редакции с выходом в свет очередного номера литературно-исторического журнала «Александръ»!

Примите сердечную благодарность от имени библиотечного сообщества Луганской Народной Республики, широкого круга общественности и многочисленной армии читателей за возможность публикации произведений луганских авторов в Вашем журнале, которая обрела особую значимость в год празднования 75-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне, священной даты для всех живущих на луганской земле!

Это ещё один шаг в развитии культурно-гуманитарных связей между творческой интеллигенцией Луганской Народной Республики и Российской Федерации, весомая лепта в укрепление мира и духовности на Донбассе.

В течение последних шести лет доброй традицией стало проведение на базе луганской «Горьковки» многочисленных презентаций новых изданий, встреч с писателями Российской Федерации и Луганщины, литературных чтений, круглых столов, открытых литературных фестивалей и конкурсов, научно-практических конференций.

Мы искренне заинтересованы в продолжении нашего сотрудничества и организации совместных мероприятий в рамках перечисленных форматов.

От всей души поддерживаем начинания журнала «Александръ» в деле сохранения достоверной исторической памяти, патриотического воспитания молодёжи, продвижения идей мира и гуманизма, нерушимого единства луганской земли и России.

Желаем редакции и авторскому коллективу журнала новых творческих достижений, талантливых авторов, надёжных партнёров, мира и благополучия!

Н. А. РАСТОРГУЕВА,
директор Луганской республиканской универсальной
научной библиотеки им. М. Горького

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 9 (48), сентябрь 2020 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 20.09.2020 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, «Союз писателей России».

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск», 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.

E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

НАРОДНЫЕ ГЕРОИ

- 6** Алексей Шорохов.
Че Гевара Донбасса

НАВЕЧНО В ПАМЯТИ

- 10** Марк Некрасовский.
За други своя

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 21** Елена Заславская.
Стихи, которые поют!

- 24** Людмила Гонтарева

МУЖСКАЯ РАБОТА

- Владимир Казмин.
27 Затопим печь....
28 Четвертая смена

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

- 35** Нина Ищенко.
Вирус, который изменил нашу жизнь

ЛИКИ ВОЙНЫ

- 38** Александр Сигида

ДУХОВНЫЕ ЗЁРНА

- 40** Татьяна Никитина.
Икона Божией Матери «Призри на смирение»

ЛУГАНСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

- 43** Лариса Бекрешева

- 45** Анна Вечкасова.
Ларин

- 46** Любовь Шамардина

- 48** Нина Дернович.
Гражданином быть... непросто

- 53** Монолог нерождённого ребёнка

- 54** Ирина Черниенко

- 56** Алеся Казмерчук

- 57** Сергей Таран.
Эхо войны

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- 58** Вадим Кулинченко.
Реальности геополитики

ПОБЕДЕ — 75

- 65** Василий Киляков.
Знак

ПОЭЗИЯ

- 69** Иван Макаров

- 70** Игорь Лысый

ПРОЗА

- 72** Владимир Серяков.
Землячок

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 80** Валерий Румянцев.
Михаилу Анищенко

- 81** Александр Савенков

- 83** Александр Сурнин

СУДЬБЫ

- 85** Николай Иванов.
Однажды или никогда

ДРУЗЬЯ «АЛЕКСАНДРА»

- 94** Военизированные учения

Алексей ШОРОХОВ

ЧЕ ГЕВАРА ДОНБАССА

**АЛЕКСЕЙ МОЗГОВОЙ
И ДИКТАТУРА ОЛИГАРХАТА**

Четыре года, как не стало раба Божьего Алексия. Убиенного. Сказать, что невинно убиенного, – оскорбить память погибшего. Трусливо – да, предательски – да, из кустов – да. Но не невинно.

Мозговой был виноват. Перед торгашами углём и гуманитарной помощью там и перед торговцами русским будущим и Новороссией здесь, перед свежееявленными «своими» на Луганщине и перед закоренелыми чужими в России. Он поразительным образом не устраивал никого. Он раздражал госпатриотов с окладом и оптимистов в штатском, лощёных крупье при любых геополитических пасьянсах и бомжеватых политехнологов из машин с мигалками. Мозговой не вписывался в клоунаду русской политической жизни, доставшуюся нам в наследство от XX века. С потомственными клоунами в погонах и внучатыми палачами на кафедрах.

Со своей монархической правдой и прямым народовластием он не нужен был никому. Кроме собственного народа. Именно поэтому ему поверили не только по обе стороны границы, но и по обе стороны Чёрного моря и океана.

Именно благодаря ему в Алчевске в начале мая 2015 года удалось провести форум международной солидарности «Антифашизм, интернационализм, солидарность», в котором приняли участие делегаты из России, Украины, Беларуси, Италии, Испании, Греции, Великобритании, Германии, Турции и других стран. При прямом противодействии структурных управленцев и фактурных назначенцев.

Потомственный казак, воин и поэт, он был точно так же неуместен в постмодернистском аквариуме современной политики, как строки Тютчева или Есенина неуместны в свальном грехе современной культуры. Со своим боевым товарищем, казачьим атаманом Павлом Дрёмовым, он за несколько дней до гибели обратился к руководству России с просьбой

поддержать «Русский проект». Они заявили, что конфликт на Украине возник, в частности, ещё и потому, что в России на государственном уровне отсутствует национальная идея и на законодательном уровне никак не закреплены права самого большого в мире разделённого народа – русского народа. Совместное обращение Мозгового и Дрёмова было направлено 19 мая председателю Государственной Думы РФ Сергею Нарышкину и председателю Совета Федерации Валентине Матвиенко.

Это в чём-то сродни публикации книги «Диалектика мифа» другого потомственного казака – одного из крупнейших русских религиозных философов XX века А. Ф. Лосева – в 1930 году! Посреди троцкистского шабаша и марксистского аутсорсинга! С незамедлительной конфискацией тиража и самого философа. На десять лет лагерей.

Только вот Мозгового конфисковали уже вместе с жизнью...

Не успели остыть обломки расстрелянного в упор автомобиля комбрига, как появились версии убийства. Первая и главная (официальная): враги хотят рассорить командиров ополчения с руководством республик, и поэтому они, враги, подкараулили именно Мозгового и сделали своё чёрное дело. Следуя этой версии, всесильные и вездесущие враги в любой момент могут уничтожить всё руководство ЛДНР скопом и по отдельности, но почему-то тянут с этим. А вот с Мозговым тянуть не стали и, обладая всей информацией о перемещениях руководства непризнанных республик, подкараулили, расстреляли и незаметно ушли. Но рассорить не смогли и теперь кусают локти. Поэтому давайте же сплотимся и так далее.

Вторая, появившаяся благодаря первой (вражеская): это диверсанты из алтайской бронетанковой ордена хана Батыя бригады спецназа ГРУ по заданию руководства ЛНР уничтожили неуправляемого командира в результате внутренних разборок в ополчении. Поэтому давайте же сплотимся, Запад нам поможет, в стане врага разброд и шатание и так далее.

Остальные версии застыли между, около или в непосредственной близости от первых двух.

Алексей Алексеевич ШОРОХОВ

Современный русский поэт, публицист, арт-критик.

Родился в городе Орле 8 ноября 1973 года. После школы поступил на филологическое отделение Орловского педагогического университета, затем – Литературный институт имени А. М. Горького в Москве и аспирантура там же. Участник событий октября 1993 года, гуманитарных миссий на Донбассе. Женат, имеет четверых детей. Живёт в Москве и, по возможности, в своём деревенском доме на Орловщине. Автор семи книг стихов, трёх книг публицистики и культурно-философских эссе, двух книг прозы. Лауреат международных и всероссийских премий. Стихи и проза переведены на сербский, болгарский и якутский языки.

Постоянный автор журналов «Москва», «Наши современники», газет «Завтра» и «День литературы», интернет-изданий «Свободная пресса» и «Русская народная линия».

Секретарь правления Союза писателей России, член приёмной комиссии Союза писателей России.

Но дело не в версиях. Я думаю, что Мозговой погиб, потому что не мог победить. Потому что он бросил вызов не только шизофрении «укросвидомости» и агрессии «евронацизма». Он единственный, кто последовательно и до конца повторял январское 2014 года: «Банду геть!» Подразумевая под «бандой» не только Януковича со сродники, но и весь транснациональный интернационал современного мироустройства.

Русский Че Гевара, не дождавшийся своего Фиделя.

Впрочем, как и Че, он может победить. Если с рабочего стола твоего компьютера, с твоей футболки или постера на стене будет смотреть Алексей Мозговой. И под его спокойным взглядом они будут ёжиться.

КАЧЕЛИ

Снова в небо взлетает малыш,
На земле воцаряется тишь.
Ни разваленных миной домов,
Ни налившихся тьмой проводов –
Только тишь, и малыш, и весна...
Почему ж твои ночи без сна?
Почему, прикрывая блокпост,
Он, не ты, поднялся в полный рост?
И теперь его юная мать
Будет в памяти долгой качать –
Сквозь года, и стрельбу, и метель,
Раз за разом – пустую качель...

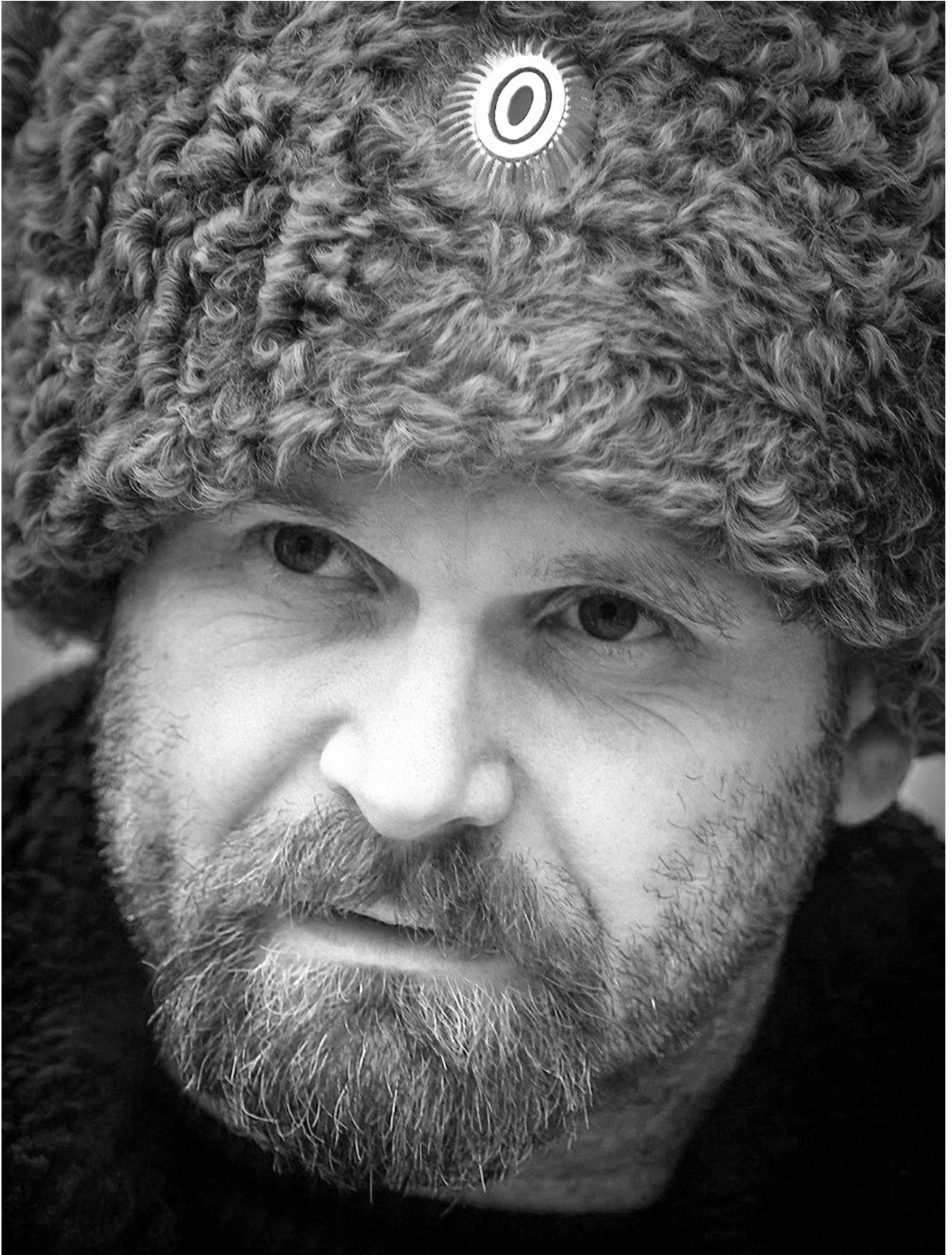
ЧЁРНЫЙ ВОРОН ГОРЛОВСКИЙ (песня)

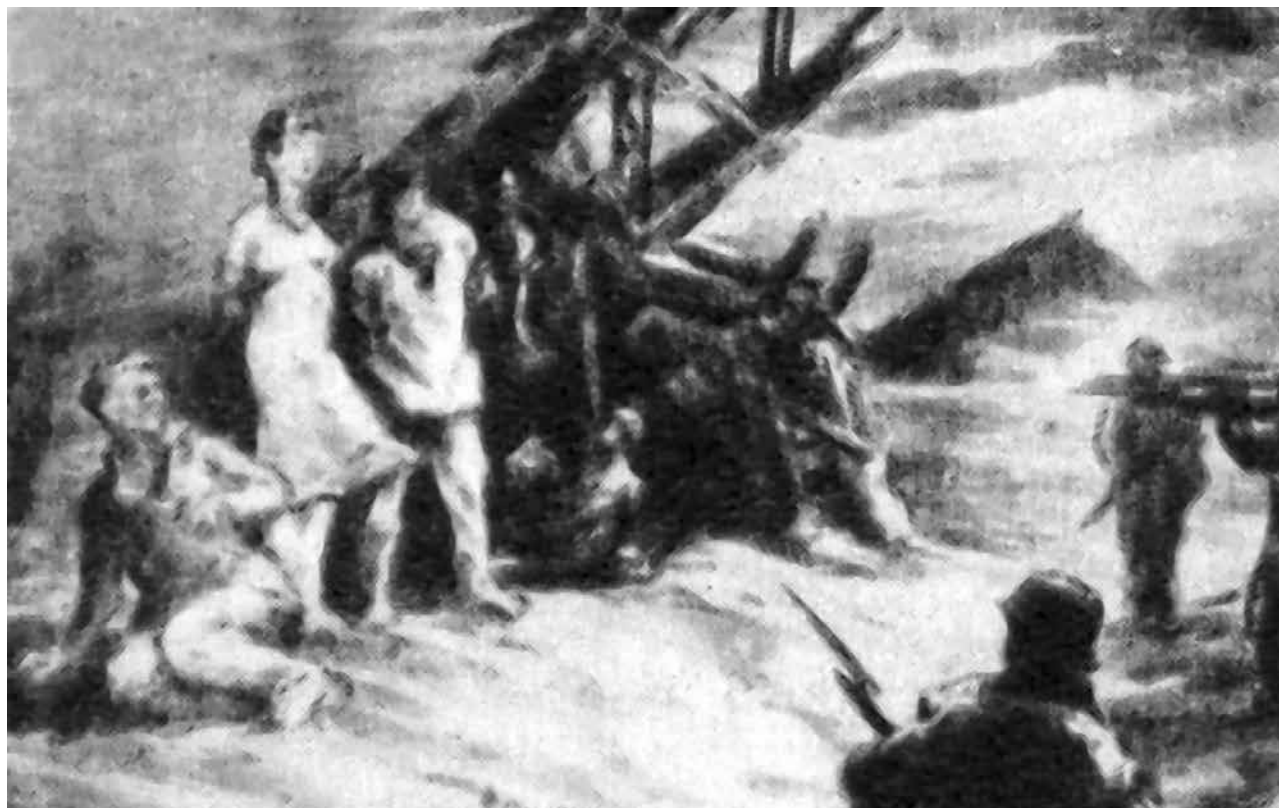
Что ж ты вьёшься, что ж ты кружишь,
Чёрный ворон, надо мной?
И кому ты, ворон, служишь –
Беспилотник иль живой?
...Ох, не клюй ты, чёрный ворон,
Очи чёрные мои!
Не от злобы они чёрные –
А от угольной пыли...
Что ж ты вьёшься, что ж ты кружишь,
Чёрный ворон, надо мной?
И кому ты, ворон, служишь –
Беспилотник иль живой?
...Да, не знал я, чёрный ворон,
Что за Кальмиус-рекой
Буду я лежать недвижим
Со кровавой головой...
Что ж ты вьёшься, что ж ты кружишь,
Чёрный ворон, надо мной?
И кому ты, ворон, служишь –
Беспилотник иль живой?
...Ты не вейся, не надейся!
Моего не трогай рта!
То не громы в поднебесье –
То работает арта...
Что ж ты вьёшься, что ж ты кружишь,
Чёрный ворон, надо мной?
И кому ты, ворон, служишь –
Беспилотник иль живой?

...Ты увидишь, ты дождёшься,
Как у Бахмутки-реки
Навсегда придут и встанут
Наши русские полки...
Что ж ты вьёшься, что ж ты кружишь,
Чёрный ворон, надо мной?
И кому ты, ворон, служишь –
Беспилотник иль живой?
...Вот тогда меня поднимут,
Бросят в кузов на мешки.
А тебя с винтовки снимут
Мои снайперы-дружки...
Что ж ты вьёшься, что ж ты кружишь,
Чёрный ворон, надо мной?
И кому ты, ворон, служишь –
Беспилотник иль живой?

НОВОРОССИЯ

Сны стали яркие сниться,
Детские вещие сны.
Где-то пылают зарницы
Близкой по крови войны.
Где-то становится летом
Парень, сгоревший в броне.
Только ведь я не об этом,
Я не о том совсем...
Не понимая, откуда
В нас эта вечность течёт,
Наспех прощаемся с чудом,
Свой не жалея живот.
Что же нас встретит на древнем
И бесконечном мосту?
Домик над речкой в деревне?
В детстве уроненный стул?
Жизни мелькнувшей начало?
Тёмные волны извне?
...Старый отец у причала
С парнем, сгоревшим в броне.

ЗА ДРУГИ СВОЯ

Нет любви больше той, если кто душу свою положит за други своя.

1

Избитого Анатолия бросили в камеру. Анатолий, не обращая внимания на боль, поднялся с пола и прислонился к стене. Камера не освещалась, и ничего не было видно, но судя по спёртому воздуху и стонам, была забита людьми до отказа.

– Кто ты? – спросили из темноты, и Анатолий по голосу узнал спрашивающего – Сергей Тюленин.

– Это я, Анатолий Ковалёв.

– Анатолий, ты же ушёл из города, зачем ты вернулся?

– Как зачем? Мы же клятву давали – помогать друг другу. Я хотел собрать ребят, напасть на полицейский участок и отбить всех арестованных.

– Помог? Ты нарушил приказ уходить из города. Приказ! И теперь ты погибнешь вместе с нами. Кто за нас отомстит врагам? Эх ты...

Анатолий и сам понимал, что всё сделал не так, как надо. Не надо было идти домой. Кто-то из соседей донёс в полицию, и вот теперь он вместе с ребятами в тюрьме и разделит их участь. А участь у всех одна – пытки и смерть.

– Я им ничего не сказал.

– Они и так всё знают. Кто-то нас предал и всё им рассказал. Всё. А пытаются они нас ради удовольствия и чтоб сломить наш дух. Не дождутся!!!

Анатолий присел на пол и, облокотившись на стену, попытался заснуть – надо сохранить силы. Били его впятером во главе с начальником полиции Соликовским. Потом душили,

пока Анатолий не потерял сознание. Пришёл в себя – опять били и опять душили. Били, пока сами не устали бить. Мечтают его сломать – не дождутся. Так просто они его не убьют – хоть одного, но он придушит. Надо лишь выбрать момент, а он будет. Обязательно будет. Знает он этих полицейских. Дисциплина показная – когда немцы или начальство рядом. Сам был полицаем. По заданию организации Анатолий устроился в полицию, чтоб предупредить ребят о готовящихся против подпольщиков операциях. Предупредил о бирже труда – там собирали списки молодёжи Краснодона для отправки их на работы в Германию. Сожгли они тогда биржу вместе со всеми списками. Предупреждал об облавах. Правда, «служил» Анатолий недолго – выгнали за нерадивость. Эх, если бы не арестовали, нашёл бы он двух или трёх ребят с оружием да, зная полицейские порядки, отбил бы всех арестованных, а если бы и не отбил, то отомстил бы так, чтоб враги Краснодон надолго запомнили.

Утром, когда лучи солнца проникли в камеру через маленькое решётчатое оконце, Анатолий понял, что его план освобождения молодогвардейцев был неосуществим. Изуродованные пытками ребята передвигались по камере с трудом, и, чтобы их спасти, нужен был транспорт. Два или три грузовика. Почти все подпольщики были арестованы и сидели в тюрьме. Не нашёл бы он себе ребят с оружием. Не нашёл...

День, ночь и день пролетели страшным кошмаром – ребят выволакивали из камеры, пытали и бросали бесчувственные тела обратно. Несмотря на то, что его избили при аресте и последующем допросе, Анатолий чувствовал в себе силы к сопротивлению – тренированные мышцы, как корсет, защищали кости. Долгие годы тренировок закалили его тело. К ночи второго дня ареста дверь камеры открылась, и полицейские по списку стали вызывать заключённых: «Вас переводят в Ровеньки». Все понимали – их ведут на казнь. Но никто не стал просить палачей о пощаде. Сергей Тюленин, попавший в расстрельный список, выходя из камеры, крикнул на прощание товарищам: «Наши

близко. Они освободят город и отомстят за нас». На крик заглянул помощник начальника полиции Захаров. Увидев знакомое лицо (Анатолий «служил» до увольнения под его началом), он приказал, указывая на Анатолия: «И этого добавьте, будет у меня восьмидесятым». 79 человек он расстрелял собственноручно, а Анатолию оказал «честь» стать 80-м. В расстрельный список попало восемь человек. Семь парней и одна девушка. Ребята были избиты так сильно, что до места казни сами бы не дошли, поэтому были выделены две телеги. Каждому смертнику связали телефонным проводом за спиной руки и бросили в телегу. Анатолию повезло – его вязал не местный полицейский, который ничего не знал о нём и о его силовых представлениях на сцене. Когда его вязали, Анатолий напряг мышцы рук и расслабил их лишь на телеге. Провод уже не впивался в кожу, и он стал пытаться его разорвать. Холодно на улице – зима, мороз, – на ногах тряпичные чуни, а из одежды трусы, рубашка да вязаная кофта – штаны у Анатолия забрали, чтоб унижить, – без штанов побег не сделаешь, но, несмотря на холод, по лицу скапывались крупные капли пота от напряжения. Провод поддался, и Анатолий освободил кисти рук. Незаметно для конвоиров он шепнул Мише Григорьеву, который лежал рядом с ним: «Миша, давай бежать. Я сейчас развяжу тебя. У нас получится». Но Миша прошептал в ответ: «Беги сам. Я не могу бежать. Еле хожу. Отомсти за нас. Отомсти...»

Телеги остановились. Конечная остановка – шурф шахты № 5. На фонарном столбе висела лампочка, освещающая место казни. Здесь их казнят, а тела сбросят вниз. Полицейские начали стаскивать обречённых с первой телеги и ставить на краю шурфа. Сергей Тюленин, Аня Сопова, Виктор Лукьянченко и четвёртый молодогвардеец, имя которого Анатолий не знал, были взяты первыми на казнь. Прежде чем их скинуть в шурф, полицейские с явным удовольствием стали их избивать.

Полицейский, охранявший телегу, на которой приехал Анатолий, отвернулся от охраняемых и стал смотреть на избиение. Анатолий понял – надо бежать. Резким ударом, вложив

в него всю свою силу и ненависть, он сбил полицейского с ног и кинулся в темноту. Он выиграл несколько секунд, и это был его шанс на спасение. Анатолий слышал хлопки выстрелов и свист пуль. Те, что свистят, не его – эти мимо.

«Только не в ногу. Только не в ногу...» – молил он. Кого? Бога, маму, любимую? Анатолий не знал. Он бежал так быстро, как никогда до этого не бегал. Кофта мешала бежать, и он скинул её на землю. Тряпичные чуни слетели с ног, и дальше он бежал босиком. Одна из пуль ударила его в правую руку чуть выше локтя, и Анатолий почувствовал, как кровь тёплой струйкой побежала по руке. Только не в ногу! Выстрелы прекратились, и он понял – враги его уже не видят. Никто его не преследовал – побоялись оставить свои жертвы без присмотра. Анатолий повернулся лицом к шурфу. Там в темноте одиноко светилась электрическая лампа, и там были его товарищи, которых эти нелюди казнят.

– Я отомщу! – крикнул Анатолий и побежал в сторону города. Первые дома он пропустил, понимая, что будет облава и его будут искать именно в них. Чем дальше он убежит – тем лучше. Когда он бежал от смерти – сердце вылетало из груди и пот струился по всему телу. Но сейчас Анатолий стал замерзать. Если он не найдёт убежище, то погибнет – замёрзнет насмерть. Анатолий постучал в окно ближайшего дома. На стук отозвался хозяин:

– Чего тебе?

– Пустите, товарищ, а то замёрзну.

Хозяина аж передёрнуло:

– Какой я тебе товарищ, иди отсюда Христа ради.

В следующем доме на стук даже не отвели, и только в третьем домишке ему открыли дверь. Хозяева покормили и согрели Анатолия, а утром дали ему одежду. Женскую. Надев её, повязал голову платком, скрючился. Бабка бабкой. Мама родная не узнает. Куда идти? Конечно, к Тоне, к своей любимой. Как радовалась Тоня, когда он пришёл к ней.

– Нам сказали, что вас всех убили. Но я знала, что тебя не убьют, что ты придёшь ко мне. К себе домой тебе идти нельзя. Там будут искать в первую очередь.

Через день отец Анатолия пришёл к Тоне домой. Обнял он сына и заплакал от радости.

– Три раза полиция приходила. Тебя искали. Здесь тебе тоже отсиживаться нельзя. Надо идти к моим друзьям в деревню. Спрячешься там и дождёшься прихода наших.

Фронт приближался. Немцы стали злее. Не сегодня завтра начнётся их отступление, а значит, будут угонять трудоспособное население с собой. В Германию Анатолий не хотел. Из деревни надо уходить, пока не поздно. Схорониться. Дождаться прихода наших. Место у него было такое – заранее подготовил. В балке, прямо на склоне, он вырубил пещерку – и от непогоды прикрытие, и костёр развести в ней можно – никто и не заметит. А наши скоро придут. Слышно, как пушки бьют – значит, наши уже рядом. Анатолий шёл по степи и уже приближался к своему схрону, как услышал за спиной крик: «Стой, стой, падла!» Он обернулся и увидел вооружённых всадников с белыми повязками на правой руке. Полицаи! Попался! От коней не убежишь. Был бы пистолет или хотя бы граната – куда бы Анатолий не побежал, а встретил бы смерть лицом к лицу. А так... он побежал. Бежал не чувствуя под собой ног. Храп лошадей приближался – ещё минута и поймут, но вдруг перед ним оказался карьер. Небольшой, старый, с копанкой. Копанка ещё дореволюционная – деревянные стойки на входе покосились – вот-вот рухнут. Рискую сломать ноги, Анатолий прыгнул вниз. Повезло – цел. Ещё несколько секунд, и он влетел в копанку, но в это последнее мгновение почувствовал сильный удар в спину. Попали, гады...

Ноги сразу же стали ватными, но он продолжал идти вперёд, уже ни на что не надеясь. Пройдя ещё несколько шагов, опёрся на шахтную стойку и сполз на землю. Метрах в пятидесяти светился вход и раздавались голоса:

– Я, кажись, в него попал...

– Точно попал, гляди, кровь на снегу...

– Нужно добить коммуняку. Николай, добей его.

– Нет, я не пойду. А вдруг у него пистолет или граната? Сам иди и добей.

– Да ладно, не спорьте, братцы, всё равно он сдохнет: в спину попали. А ещё кинем пару гранат. Там ему и будет смерть...

Что-то влетело в выработку и рвануло. Рвануло так, что Анатолий потерял сознание...

Очнулся он оттого, что услышал стук. Такой стук ни с чем не спутаешь: кирка шахтёрская бьёт по угольку. Значит, в шахте он не один. Анатолий пополз на этот звук, не понимая, слышит ли он его или это предсмертная галлюцинация.

2

Проснулся Анатолий на сбитой из необструганных досок лежанке. Ничего не болело. Ни голова, ни спина. Как и не было контузии и ранения в спину. На нём вместо одеяла лежала заячья шубейка. Небольшая комната была зашита досками, а посреди комнаты из красных кирпичей, обмазанных глиной, была сложена печка, в которой весело трещал огонь. На печке что-то варилось в чугунном котелке. Пахло чем-то очень вкусным, как в детстве. «Кулеш», – догадался Анатолий.

Рядом с печкой сидел старичок с лохматой бородёнкой. Сидел не без дела: то уголь подбросит, то варево помешает.

– Проснулся? – спросил он, не оборачиваясь к Анатолию. – Давно я этого ждал. Долго же ты лечился. Чуть не умер... и всё в бреду говорил, что тебе надо то ребят спасти, то за них отомстить. Кого спасти? Кому отомстить? Рассказывай, не бойся. Меня все зовут Шубиным, и живу я в шахте...

И сам того не ожидая, Анатолий рассказал старичку о ребятах, о том, как они боролись с фашистами и как попались по глупости, а может, и по предательству. Как дан был приказ всем членам организации уходить из города, а он его не выполнил – хотел спасти ребят, организовать побег из тюрьмы. Как зашёл домой, а кто-то из соседей донёс на него, и немцы его арестовали. Как пытали его и друзей в тюрьме и как убивали друзей у шахты № 5, а он убежал. Как прятался у знакомых в деревне, дожидаясь наших. И как бежал по степи от полицаев. И чу-

дом спрятался в копанке. Старик слушал, не перебивая, а когда Анатолий закончил, спросил:

– А кто же вас так мучил и убивал? Немцы?

– Если бы немцы, дедушка, – свои. Я с которыми учился, а другие соседи, знакомые.

– Никакие они не свои. Предатели не могут быть своими.

– Да, не могут, – согласился Анатолий.

– Значит, не зря я тебя от смерти спас и лечил. Я чувствовал, что человек ты хороший.

– Дедушка, а немцы уже ушли?

– Ушли, давно ушли.

– И наши в городе?

– Наши в городе, только опять наступают на город фашисты. Предатели и полицаи.

– Значит, мне в город нужно. Помогать нашим. Только как я пойду? Одежда моя где?

Одежды на Анатолии действительно было мало: трусы семейные и майка.

– Одежда, говоришь, где твоя? Нет её. Посекло осколками гранаты. Не одежда, а ветошь. Но ты не расстраивайся. Есть у меня шахтёрская роба и кирзачи. Тебе будет в самый раз. Много их, бесхозных, осталось после закрытия шахт.

Полез дед в скриню и достал обещанное. И действительно, всё подошло Анатолию, будто ему на складе по его размерам выдавали. А дедушка его и спрашивает:

– Мечта есть у тебя, Толя?

– Была у меня мечта ребят освободить и спасти, но не смог. Убили их всех. Теперь я мечтаю за них отомстить.

Дедушка полез в карман своих штанов и достал бутылочку из тёмно-зелёного стекла. Старинная бутылочка.

– Ну, тогда выпей со мной на прощание моей настойки. На всех донбасских травах настаивал. Даже на той, что и ботаники не знают. Я её в честь себя шубинкой называл. Сила в ней огромная. Воля к жизни. Динозавры вымерли, а она живёт. Если сердце честное и доброе, то все желания настойка исполнит. Всё случится.

Глотнул Анатолий из бутылочки. Ох и хороша настойка! Глоточек маленький, а ощущение – будто идёт он по степи, пряный запах полевых цветов и трав и сила во всём теле, кажется, и гору свернуть готов. Повёл его дедушка

Шубин по выработкам и штольням. Долго шли да и вышли как раз там, где спрятался Анатолий от полицаев. А вокруг лето. Бежал зимой, а вышел летом.

– Сколько же я болел?

– Долго, очень долго. Зато вовремя проснулся. Как раз тогда, когда ты Родине нужен.

Попрощался с дедушкой Шубиным Анатолий и зашагал по степи. Где идёт, а где и пробежит. Сила так и прёт из него. А возле лесополосы на повороте на Краснодон его остановили парни, одетые по гражданке, с винтовками в руках. На одном была пилотка со звёздочкой. Значит, свои. Хозяин пилотки и был командиром в группе. Посмотрел он на Анатолия и спрашивает:

– Откуда идёшь, парень?

– Из шахты, – ответил Анатолий.

– А я думал, что на танцах был, – пошутил командир. И все ребята засмеялись шутке. Какие танцы в робе и кирзачах?

– Куда идёшь? – продолжил командир.

– Нашим помогать с фашистами драться.

– А сколько тебе лет?

– Двадцать один, – соврал Анатолий, прибавив себе два года.

– Врёшь ты, парень. Тебе лет девятнадцать. Не больше. Ну да ладно. Если в шахте работаешь, то и воевать можешь. Правда, оружие у нас дедовское, но ничего, добудем себе новое.

Так Анатолий стал бойцом краснодонского ополченческого батальона. Шло лето 2014 года.

3

Как он попал из 1943 года в 2014-й, Анатолий старался не задумываться. Читал он когда-то рассказ про Рипа Ван Винкля, который тоже заснул и проснулся через сто лет. И он лёг и заснул на семьдесят с хвостиком лет. Зато как вовремя проснулся – время бить фашистов. А может, его просто контузило, он забыл своё настоящее имя и взял себе имя героя-молодогвардейца? Но если это так, то он как минимум доктор наук, специализирующийся на «Молодой гвардии». Молодой, никому не известный доктор наук. Или после контузии

он впал в кому, а когда человек в коме, то он не стареет.

А дедушка Шубин? Да кто же не знает Шубина? Шахтный домовой. Плохих людей наказывает, хорошим помогает. Хотя, если разобраться, никакой здесь мистики и нет. И Шубин не домовой, а старый шахтёр, оставшийся на старости лет без собственного дома и близких. Почему живёт он в шахте? Так там же тепло и платить за жильё не надо. Уголька мешок нарубит. Отнесёт в посёлок. И есть деньги на хлеб и кашу.

Воюет Анатолий с июня 2014 года. Хорошо воюет – родителям за него не было бы стыдно. Жаль, они не дожили до его возвращения. И девушка его не дожидается. Шутка ли, столько лет прошло. Говорят, долго его ждала. Надеюсь, что он вернётся...

А сегодня утром он получил осколочное ранение в правую ногу. Дотащили его братья до временного санитарного пункта. Здесь и оказали ему первую медицинскую помощь.

Ногу, в которую вколола обезболивающее медсестричка Ниночка, он уже не чувствовал. Хотя понимал – если её не ампутируют, то он всё равно останется на всю оставшуюся жизнь калекой. Хотя нет. Не останется. Ведь жить ему не больше пяти минут. Ему, медсестре и всем раненым, лежавшим вокруг него. Временный санитарный пункт находился в низине, прикрытый с трёх сторон от врагов холмами. А вот с четвёртой стороны к ним пришла смерть в виде новенького ВСУ-шного танка. Танк стоял, выжидая. Видно, ещё не верил в своё счастье – раненые ополченцы без прикрытия... Наконец решились – танк заревел мотором и поехал на них. Пули бережёт. Давить будет. Танк не каждое оружие остановит. Эх, сюда бы ручной противотанковый гранатомёт... Ручная граната не спасёт. Хотя нет. Если сделать связку из нескольких гранат и рвануть их под траком танка, то он остановится. А гранаты у него есть. Анатолий рванул из сумки три гранаты. Сорвал с себя бинт и, не обращая внимания на то, что из раны струйкой побежала кровь, связал бинтом гранаты – сделал связку. Сделал и пополз навстречу своей смерти...

– Тут такое дело, товарищ командир. Танк ВСУ-шный на наш лазарет наскочил, а он без прикрытия. Медсестра и семьдесят раненых. Танк по ним даже и не стрелял. Решил давить «вату». А один раненный в ногу боец лёг с гранатами под танк. Взорвал ему гусеницу. Сам погиб, но танк остановил. А тут наши подоспели. Сожгли танк вместе с экипажем. Таких в плен не берут.

– Откуда солдат? Надо родным сообщить.

– В том-то и дело. Никто не знает, кто он и откуда. Прибился он к ополченцам летом 2014 года под Краснодоном. Бился за Новосветловку и Хрящеватое, на Иловайском направлении. Хорошо бился – за спины товарищей не прятался. Говорил всем, что он из Краснодона, молодогвардеец и зовут его Анатолий Ковалёв. Смотрел по соцсетям в интернете – нет такого. Вернее, есть такой молодогвардеец. Бежал с места казни в 1943 году и пропал без вести. И фотография есть в виртуальном музее. Правда, эта фотография не его, а его двоюродного брата. Но те, кто знал Анатолия, говорили, что они были похожи. Да и наш Анатолий очень похож на музейное фото. Так что мы не знаем, где его родственники живут и кто они.

– Не мог он, видимо, назвать своё настоящее имя. Наверное, его близкие под нациками – боялся их подвести. Говорил, что он молодогвардеец? Все мы здесь молодогвардейцы. И ты, и я. Будет победа – узнаем имя героя, и будет его имя золотыми буквами сиять на обелиске. И его, и других... Герой – себя не пожалел, а товарищей спас. Погиб за други своя... **А**

Марк НЕКРАСОВСКИЙ

218. 38

Побег. Ковалёва.

Анатолий (Валентин)
Ковалёв, молодогвардеец

Марк НЕКРАСОВСКИЙ

РИО-РИТА

Ожидая атаки, беззвучно молился.
Тут бежать метров триста, но как добежать?
А над ними сапсан в высь небесную взвился.
Он им духом родной, будет их охранять.

Закричали: «Атака!!!» Они побежали.
Мишка справа бежал, рядом слева Сергей.
А по ним пулемёты прицельно стреляли,
Белый снег весь в крови – кумача стал красней.

И на небо душа улетела, как птица.
Это к Богу солдат улетел на постой.
Пусть победа ему над врагами приснится
И что он наконец возвратился домой.

Будут рядом друзья, и они не убиты.
И вокруг нет калек, нет и вдов, и сирот.
Он танцует, кружась на мотив «Рио-Риты»
С той, которая верно с войны его ждёт.

Падал снег на глаза, что смотрели на небо.
И в воронку с другими его сволокли.
Мишка справа лежал, а Серёжка был слева.
Стали частью они нашей русской земли.

И летел над землёй тот мотив довоенный.
Он кружил и кружил всех погибших в бою.
Вся их жизнь – только миг для огромной
Вселенной,
Но предателей нет в их бессмертном строю.

* * *

Осень сыплет листья на дорогу,
Ветер их разносит по стерне.
Листья, листья... это письма к Богу
От солдат, погибших на войне.

От солдат, убитых, не зарытых,
На полях чьи косточки лежат.
От солдат, убитых и забытых,
Жизнь отдавших за страну солдат.

Боже, Боже, как же так случилось,
Что реванш фашизма на Земле?
Боже, Боже, окажи нам милость –
Дай потомкам победить в войне.

Осень сыплет листья на дорогу,
И горит земля моя в огне.
Листья, листья... это письма к Богу
От солдат, погибших на войне.

* * *

Эта пыль под ногами. Кровавая пыль –
Это всё, что осталось от нас после боя.
Кем я был, я забыл, что любил, я забыл.
Не осталось тревог, не осталось покоя.

Время пыль разметёт. Мы травой прорастём.
Станем облаком, лесом, цветком зверобоя.
И на землю прольёмся весенним дождём,
Чтобы смыть все следы от смертельного боя.

Сколько нас полегло в безымянность могил!
Каждый ветром кричит: «Я ведь жил,
я ведь жил...»

Ветер гонит волной серебристый ковыль,
Что ни век, то война и кровавая пыль.

ШТРАФБАТ

Звучит сигнал, и мы идём в атаку.
Ужасен умирающего крик.
Искусство боя превратилось в драку.
Мы рвём зубами вражеский кадык.

Да, страшен враг, но мы его страшнее,
И сгинем мы, когда не сгинет он.
И трупами забита вся траншея.
Вперёд идёт штрафной наш батальон.

Вперёд идёт, потери не считая.
Ведь главное – нам выполнить приказ.
Не обещайте за победу рая.
За прошлые грехи простите нас.

Кому-то счастье, может, улыбнётся.
Домой с победой возвратится он.

От счастья, как от горя, пусть напьётся
И вспомнит наш погибший батальон.

Как шли вперёд, потери не считая.
Как гибли, чтобы выполнить приказ.
Нам не давали за победу рая.
Но Родина за всё простила нас.

* * *

Ополчение погибало первым,
Не имели опыта войны.
Ополчение погибало первым,
Были плохо вооружены.

Скрипачи, студенты, профессура –
На троих винтовка лишь одна.
Пуля – дура... Против танка дура.
Погибали, но врагу стена.

И сгорали с экипажем танки,
Молотова получив коктейль.
Здесь Россия – не в Европе пьянки.
И фашизма остановлен зверь.

Ополчение погибало первым,
Зная это, в ополчение шли.
Шли, зажав в кулак и страх, и нервы.
Шли защитники своей земли.

* * *

Николаю Сиротину

У войны жестокие законы –
Жизнь солдат за время отдавать.
В отступление главное – заслоны,
Чтоб врага подольше задержать.

Хорошо, когда с тобою рядом
Будет кто-то, кто тебе под стать.
Вместе трусость не отравит ядом.
На миру и легче умирать.

А один, конечно же, не воин.
Одному врага не удержать.
Только так наш человек устроен,
Если надо – будет он стоять.

Вопреки всей воинской науке,
Смерть поправ и смерти вопреки,
Никогда не поднимал он руки
И врагам не подавал руки.

Сколько их, блицкрига план сломавших,
Безымянно сгинувших в бою?
Славлю я героев, в битвах павших
За Народ и Родину мою.

* * *

По морозу шла разутой,
След кровавый на снегу.
Смерть, что примет, будет лютый.
Очень хочется врагу,

Чтоб пощады попросила,
На коленях чтоб ползла.
Только честь не сломит сила,
Хоть и время силы зла.

«Как ты стойко терпишь пытку? –
Удивлялись палачи. –
Спрячь презрения улыбку,
Легче будет – закричи».

Не кричала, не молила.
Шла без слёз на эшафот.
Подлость смертью победила,
Погибала за народ.

Для девчат ли поле брани?
Ребятишек им рожать!
Зои, Любы, Оли, Тани...
Сколько их? Не сосчитать.

Безымянные герои –
Дома ждёт напрасно мать.
Но и с переменой строя
Подвиг ваш не оболгать.

* * *

Где спартаковцы? Тельман? Рабочий-камад?
Где вчерашние рассуждения?
Умирает от голода Ленина град,
Задыхаясь в петле окруженья.

Сколько братских могил! Как нам всех
сосчитать,
Кто от ран и от голода умер?
Победили, но как нам фашизм не проспать,
Чтоб тревогу подал сердца зуммер?

* * *

Палачам Бабьего Яра

И что им слово Господнее?
С тех, кого звали друзьями,
Срывали даже исподнее
И голыми гнали к яме.

И там в них, не целясь, стреляли.
И падали в яму люди.
Стреляли и прибыль считали.
Лишь прибыль важна Иуде.

А вечером после акции
Подарки дарили близким:
Платья, трусы, комбинации
(Правда, нуждаются в чистке)...

Будь проклят, кто это забудет.
Впишите это в скрижали.
Когда вроде добрые люди
Соседей своих убивали.

* * *

Немцы – они же не звери.
Ведь были и раньше войны.
И, сами себе поверив,
Шли добровольно на бойни.

Согласно нацизма вере,
Казнили их очень быстро.
Немцы – они же не звери,
Пока они не нацисты.

А там, где были деревни,
Поля и пасутся кони.
Чтоб вновь не поддаться скверне,
Всегда ты о прошлом помни.

Дом профсоюзов, на двери
Льётся бензин из канистры.
Люди – они же не звери,
Пока они не нацисты...

ХУДОЖНИКУ А. М. ГЕРАСИМОВУ

Он портреты писал так умело.
Что ни вождь, то в нём ум, доброта.
Но любил лишь он женское тело –
В нём божественная красота.

На полотнах вожди, и парады,
И знамёна великих побед.
Ну а в бане такие наяды –
Красивей наших девушек нет!

Власть приходит и снова уходит.
И её одобренья не жди.
Красота только женская в моде.
Кто вас вспомнит, бывлые вожди?

Пусть порой не хватает полочки
И терзает томленье души.
Но стоят у картин женщин внучки.
Ах, как бабушки их хороши!

Стихи, которые поют!

Елена ЗАСЛАВСКАЯ

ЭТИ РУССКИЕ

Эти русские мальчики не меняются:
Война, революция, «русская рулетка».
Умереть, пока не успел состариться,
В девятнадцатом, двадцатом,
Двадцать первом веке.

Эти русские девочки не меняются:
Жена декабриста, сестра милосердия.
Любить и спасать,
Пока сердце в груди трепыхается,
В девятнадцатом, двадцатом,
Двадцать первом веке.

Ты же, мой русский мальчик:
Война, ополчение, умереть за Отечество.
Ничего не меняется,
Ничего не меняется.
Бесы скачут,
А ангелы ждут на пороге вечности.

Я твоя русская девочка:
Красный крест, белый бинт, чистый спирт.
В мясорубке расчеловечивания
Будет щит тебе
Из моих молитв.

Донбасский поэт, писатель, журналист. Родилась в Лисичанске. Живёт в Луганске, ЛНР.

Автор семи поэтических сборников.

Автор книг для детей.

Лауреат II Корнейчуковского фестиваля детской литературы (Гран-при) 2014 года. Лауреат Международной литературной премии имени С. Есенина «О Русь, взмахни крылами...»

2015 года в номинации «Слово Победы». Лауреат Международной литературной премии имени Павла Беспощадного «Донбасс никто не ставил на колени» 2016 года. Награждена серебряной медалью Второго Всероссийского фестиваля фестивалей «ЛиФФт» в 2017 году.

Заславская представляла Донбасс на чтениях Literaturwerkstatt в Берлине (2008), на Лейпцигской книжной ярмарке (2012) и на поэтическом фестивале в Берлине (2014, 2016).

Стихи переведены на немецкий, французский, испанский, английский, литовский и болгарский языки.

Песни на стихи Елены Заславской вошли в альбомы московской рок-группы «Зверобой»: «Война за мир» (2016), «Родина» (2018).

Заславская – редактор газеты «Камертон» Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского.

А весна наступает. Цветущие яблони
Поют о жизни, презревшей тлен,
Так, будто они – православные,
Русские и после молитвы встают с колен.

ЕДУТ-ЕДУТ БТРы

По донбасской стороне,
И наследники Бандеры
Все расселись на броне
И сверкают касками,
Лица скрыты масками,
На шевронах свастики,
Ищут, где здесь «ватники»,
Не спасать, не защищать –
Едут-едут зачищать:
«Москаляку на гілляку,
І на палю комуняку!»

Если так, то я здесь первый,
Первый русский коммунист,
Дед не сдрейфил в 41-м,
Да и я не пацифист!
По ту сторону прицела
Поднял голову фашизм,
Не проедут БТРы,
Я отдам за это жизнь.
Русский – значит, не сдаётся,
Всё поставлю я на кон,
Ради мира, ради солнца,
Что зашло за террикон.

В НАШИХ ДИКИХ ПОЛЯХ

В наших диких полях маков цвет да ковыль,
И окопы змеятся, как чёрные ленты,
И вырастает солдат телом в новую быть,
Стал героем. Посмертно.

В наших диких полях лебеда да полынь,
Буйны головы, буйные ветры,
Мы с курганами рядом поставим кресты,
И мы новые сложим легенды.

В наших диких полях, что седы от золы,
Почернели бессмертников стебли,

Вместе с нами здесь лягут и наши враги,
В наши степи, в донбасскую землю.

В наших диких полях маков цвет да ковыль,
И окопы змеятся, как чёрные ленты,
И мы все как один жизнь свою отдадим,
Чтобы ввысь вознеслось наше знамя Победы!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ СОЛДАТА

Спит солдатик молодой
На Донбассе под горой,
В сердце дырочка от пули,
Спи, родимый, люли-люли.
Был ты папин,
Был ты мамин,
А теперь
Ты безымянный,
Ни в каких
Не найден списках,
Ни креста, ниobelиска.
Как над юным фараоном,
Нависает над тобой
Только конус террикона,
Молчаливый и родной.

ОПОЛЧЕНЕЦ

В густой траве и мягких ковылях,
Средь баб окаменевших скифских,
Этих степных грудастых сфинксов,
Заснула крепко Родина моя.

И снились ей совсем дурные сны
В хрустальном саркофаге государства,
Как новый царь венчается на царство
И шепчет ей сакральное: «Усни».

И спит она уж много лет подряд.
И звёзды оплывают, будто свечи.
И где ж её царевич-ополченец?
Её солдат?

Вот он идёт! Неистов! Юн и груб!
От крови свежей сладким поцелуем,
Войною, революцией, бунтом
Касается её горячих губ.

И он её разбудит, как всегда.
 – Проснись! Вставай! Твой сон не будет вечным!
 И как когда-то поправлял он меч свой,
 Калаш поправит на своём плече.

У ПРИЗРАЧНЫХ ГРАНИЦ

У призрачных границ
 Непризнанных республик
 Стоят на блокпостах
 Простые пацаны.
 И ты один из них,
 Ты прикрываешь грудью
 Покой в людских домах
 От ужасов войны.

У призрачных границ
 Непризнанных республик
 Порою стынет кровь,
 Всё в пепле и золе
 От вражеских зарниц.
 И в этой мясорубке
 Тебя хранит любовь
 К своей родной земле.

МАЖОРНЫЙ АККОРД

Ноябрь туманный.
 Город Стаханов...
 Мы выступали
 В старом ДК,
 И были печальны
 Глаза у комбата:
 Сегодня не стало
 Мотострелка.
 И говорил мне суровый комбат:
 – Возьми же мажорный аккорд, музыкант!
 Возьми же, возьми же мажорный аккорд –
 Пусть никто не умрёт!
 И песня из зала
 Лилась и звучала,
 Миную преграды,
 Вселяясь в сердца.
 И оказалось, как мало нам надо,
 Чтоб, не сдаваясь, стоять до конца.
 Правда и Вера. Любовь и Надежда.
 Хорошая песня. Мажорный аккорд.
 И будет Победа. И мир, как и прежде.
 И больше никто не умрёт.

* * *

Мы войну объявим только завтра,
На рассвете, когда солнце всходит.
...На муку талоны, спички, сахар
И моя записка на комод.

Добровольцем ухажу – смотрите –
В регулярные войска санчасти.
Занимай места в партере, зритель:
Я спасаю раненое счастье,

Извлекаю день из-под обломков.
...Красный мак и белые одежды...
Бинтовать разлуку так неловко,
Так туга повязка – струны режет.

Приручив дыханье тёплых пальцев,
Ощуаю боль как неизбежность.
В организме убывает кальций.
В перестрелке убивают нежность.

После взрыва – гулкое затишье,
Крика своего уже не слышу.
Вспоминаю лето: вишни, вишни,
И закат багровым соком вышит.

Пусть зима забьёт крест-накрест ставни,
Осень взглядом мой состав проводит.
Я уйду внезапно, но оставляю
Для тебя записку на комод.

* * *

Лечь в траву и закрыть глаза.
Вжаться раной открытой в почву.
Снились алые паруса.
Оказалось – земля кровоточит.

Тих Господь... Только он с креста
Видел мир без прикрас и фальши.
Ветер укусом жег уста,
Шли иуды победным маршем.

Сквозь меня прорастёт трава.
Мир с войною в хмельном застолье.
Мы теряем в бою слова,
Чтоб разлиться немой болью...

Людмила ГОНТАРЁВА

г. Краснодар, ЛНР

Филолог по образованию. Член Союза писателей России, Союза писателей Луганской и Донецкой Народных Республик, Межрегионального союза писателей.

Организатор I Всеукраинского поэтического фестиваля «Краснодонские горизонты – 2009», фестиваля «Муза Новороссии» (2014–2019).

Лауреат премии им. «Молодой гвардии» (2011).
Лауреат литературной премии имени Владимира Гринчукова (2015).

* * *

Эти умные мальчики с крепким словарным
запасом,
Что бесстрашно в атаку рвутся всем смертям /
всем чертям назло...

На груди – Че Гевара, в наушниках –
«Сектор газа».

Пуля-дура – понятно, случайно опять повезло.

А затем – ренессанс тоски и триумф бессонниц.
Безутешной рыбой становится вдруг песок.
Ни елейный тон, ни надрывный хор богомолиц
Не уменьшат боли. И снова вишнёвый сок

На седом снегу. И опять беспощадна память
Для солдат, что в небесном / земном строю
своём до конца.

На ладони – жизнь. Остаётся взлетать иль падать,
Погружаясь в облако страсти / печали /
забвения / веры / свинца...

* * *

* * *

Спаси вас Бог, мои друзья,
Разбросанные по планете.
Сегодня на планете – ветер.
И о прогнозах вслух – нельзя.

Храни Господь всех вас, простых,
И сложных, и молчащих всеу,
Чтоб в перезвонах «Аллилуйя!»
Родился чей-то новый стих.

Поверьте мне: я помню всех,
Легко даривших смех и слёзы,
Рифмосплетений передозы
И тишь в эфире средь помех.

Так хочется порой стереть
Свою нечаянную память,
Чтоб горький груз потерь оставить –
Чтоб не позволить вам сгореть

От тонкостенной острой боли
За то, что вы всегда в ответе –
За мир в доме и белом свете,
За игры на чужом престоле,

За то, что (трудно взять мне в толк)
Мы в разных оказались стаях...
Твержу, страницы лет листая:
Храни вас Бог, храни вас Бог...

Я построю поэтам ковчег: каждой строчки –
по паре,
Каждой рифме – попутчик и каждому слову –
певец...

Где-то падает медленный снег, хвалит
сладкую дыню татарин,
Лето плачется в тучи, пастух собирает овец...
За спиной – рюкзак, ещё дальше – солёные
волны,

На вершине Медведя-горы без прописки
живут облака...

Равнодушно встречает вокзал, без эмоций
проводит... но полно –
Безголосы стихи до поры и бескрылы пока...

Бесполезны всенощные споры и шорох
за печкой,

Где в убежище верит наивно народный
сверчок...

Эта зыбкая точка опоры, горячие речи:
Приходилось уже коллективно –
огнём и мечом...

Длится каменный век, уж который по счёту?!
Создатель
Слово «вечность» опять набирает нетвёрдой
рукой.

Я не верю в эфир без помех, что под маской
героя предатель

Никогда не скрывается, «ять» без сраженья
ушла на покой...

Я не верю... и брёвнышко к брёвнышку
ценною ношей

Собираю изученный вдоль / поперёк алфавит.
Выпить лето до донышка, рухнуть –
волнением скошен,

Это страшно, когда у поэта внутри не болит.
Или странно... медтпункт на ковчеге –
пустая затея,

Ни к чему чёрно-белый покой,
где молчанье кладут на весы.

...А поэты, как птицы, на юг, взявшись за руки,
улетели,

И Господь помахал им рукой,
улыбаясь в седые усы...

Владимир КАЗМИН

* * *

Лава, лавина, стихия –
Кружится моя голова,
Об этом слагаю стихи я –
Пространство в этих словах!

Когда между кровлей и почвой,
Казалось, зажат, как в тисках,
Я брошусь в сияние ночи,
Раздвину пласты и века...

И я, проползая по лаве,
С друзьями сквозь время иду,
Не думают в шахте о славе –
С богами шахтёры в ряду!

Не боги, но люди простые,
Как черти, ни взять ни отнять,
Взрывают пласты вековые,
Всю жизнь мне об этом писать!

ГОСТИНЕЦ

Приходил с работы отец,
Приходил он чернее, чем смоль...
Стакан водки и огурец
Притупляли шахтёрскую боль.

Но усталость отцовской спины
В захмелевших глазах не укрыть...
Говорил, улыбаясь: «Сына!
Выше нос, детвора, будем жить!»

И затем доставал нам из брюк
Счастья миг, говорю без прикрас:
На поляне натруженных рук
Появлялся гостинец для нас.

Охраняя от бурь и ветров,
Мне от «зайчика» он приносил
Из далёких подземных миров –
Сахарок, леденец, апельсин...

И казалось в тот час мне тогда,
Что мой батя волшебник и маг.
Я гостинец от «зайчика» ждал
И улыбку на хмурых устах...

ДОНЕЦКИЕ ДОСТАНУТ ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ!

ЗАТОПИМ ПЕЧЬ...

ЭССЕ

Кто в лес, а кто по дрова...

Всё хорошо, когда печурка загудела и в казанке варится картошечка, да ещё если с салъцем, да ещё если под рюмочку... Да ещё если не стреляют... Да ещё если уголёк честно заработанный привезли шахтёру неустанному...

– Санька, разжигай печь, гости на дворе! – крикнула сестра, бросившись в объятия мои.

– В посадку надо идтить, дровишек нетут, – раздался хрипловатый басок зятя с огорода.

Отворилась калитка, и мне навстречу вышел не по годам приземистый мужичок с голым торсом, на его груди и спине отчётливо виднелись полосы синеватых шрамов – отметины «ласковых» прикосновений земной стихии.

– Привет, дядька!

– Здорово живёте, дорогие мои...

– Живём – выживаем... Это тебе не в москвах шляться! Пошли по дрова в посадку... Вот так и кантуем мы, не живём, а выживаем... Угля не везут уж второй год, зимой купили две тонны, да весь истопили уж... Седьмой год болтаемся между небом и землёй, всё ждём, когда нас Россия к себе домой заберёт. В печёнках уже эта война у всех стоит...

Я заглянул в угольный сарай и ужаснулся – до самой почвы пустота, и это в угольном Донбассе...

– Саня, тебе же шесть тонн угля положено бесплатного, да Валентине, как вдове шахтёра, ещё три тонны. Куда-то подевали уголёк?

– Смеёшься, дядька? Попробуй выбей привоз льготного, говорят, нету уголька, да ещё зарплату дают по десять процентов в месяц, кинут пару тысяч, чтоб не сдох где-нибудь в забое, и это от заработанных несчастных восемнадцати тысяч рубликов. Вот и живи как хочешь...

– А почему зарплату не дают?

– Говорит начальство, что нет реализации

нашего угля, хотя я знаю, что все шахтные склады пустые почти под ноль. Ты слышал, что «Комсомолка» бастовала? Две недели бригада добычного участка из-под земли не выходила. За льготный уголь и зарплату бастовали братцы, активистов закрыли, если бы не российские профсоюзы, представители которых приехали в Антрацит, сидеть бы забастовщикам на подвале...

– Что-то я не пойму, ты говоришь какие-то небылицы...

– Какие небылицы? В посадке сухостой спилить нельзя, люди озлобленные, друг дружку сразу закладывают, а если с бензопилой вышел, так тебя сразу повяжут блюстители порядка. За улицей Матросова в посадке тополиные древние сухие деревья стоят, а попробуй спилить что, легче пластиковыми бутылками топить печку... Вот и топим старыми заборами и чем под руку попадётся... Да ещё и воды у нас нету, качают два часа в сутки, с полпятого утра до полседьмого, говорят, насосы старые... Ты бы сходил в летний душ с дороги, я сегодня успел закачать полный бак.

– Братик, ты уж голодный небось, пошли накормлю, – перебила наш разговор сестра.

Я молча сидел на лавочке во дворе некогда благодатного шахтёрского подворья, на котором шумели весёлые компании, лились залихватские песни, смех и радость душевная, и мне показалось, что даже каменный дом сгорбился, ушёл в землю, пригорюнился, он как бы стонал: «Какие ещё нужно пережить испытания этим людям, живущим рядом со мной и во мне, что ещё нужно вытерпеть им?»

Саня завёл старенькие «Жигули» и, отворяя ворота, прервал мои грустные мысли:

– Дядька, поехали в Долгую балку, дровишек наберём и в кринице водички... С тобою небось не тронут, как-никак, московская птица залетела... А

Владимир КАЗМИН

ЧЕТВЁРТАЯ СМЕНА

На дворе стояла поздняя осень. Тихая кривая улочка шахтёрского посёлка затеялась в куцей балке. Она начиналась у крутого оврага, а заканчивалась возле перегоревших и слежавшихся красных глыб отработанного терриконика. Небольшие огороды сиротливо прижимались к густой посадке, где росли акации и вишняки. Разбросанные хозяйские постройки липли к покрытым черепицей мазаным хатёнкам. Кое-где были дома и побогаче, крытые шифером и обложенные белым кирпичом.

По тропинке из посадки вышел здоровенный мужик в сапогах, спортивных брюках и в полушубке на голое тело. Его небритое лицо, огромный кривой нос и растрёпанная копна светлых волос придавали мужику разбойничий вид, но, несмотря на всё это, ему нельзя было дать больше тридцати лет. Он минуту постоял около свалки мусора на краю посадки, справил малую нужду, покачал головой, глядя на мусорник, сплюнул и сказал: «Форменное безобразие, однако, ёлы-палы!..»

Мужик тихо поплёлся по дорожке через огород в сторону небольшой низенькой хаты. Неухоженный сад состоял из нескольких ябло-

невых, вишнёвых и грушевых деревьев, которые уже сбросили листву в ожидании холодов. Из-за покосившегося забора выглянул сосед. Он был одет в старенькую фуфайку и тельник. Сосед поправил фуражку, которая лихо венчала коротко стриженную голову, выкрикнул:

– Привет, Сэмэн! Чего нудишься, ходишь-бродишь в огороде?

– Здорово, Кузя, вот смотрю, посадку всю загадили, ты, небось, тоже хламь своё туды таскаешь, а?

– Да ты чё, Сэмэн, в моём хозяйстве хламу не найти, каждая щепочка и кирпичик место своё знает. Не то что у тебя, смотри, в саду твоём что творится, хуже, чем на помойке! А ты, Сэмэн, что, не носишь мусор в посадку?

– Нет, не ношу, а если увижу кого, голову отобью! И чем это тебе, Кузя, мой сад не нравится? Ты на свои коряги глянь, садовод хренов, одни пеньки трухлявые торчат, у меня груша такие плоды даёт, что как два кулака будет!

Кузьма улыбнулся и продолжал подзадоривать соседа.

– Ты ещё скажи, с бычьей голову груши у тебя зреют, никак, похмелился уж с утра по-

раньше, что-то глазки у тебя мутноватые?

Семён Иванович Боярышников запахнул потуже полушубок, помотал головой и зло засопел себе под нос.

– Что, кум, покалякать не с кем, давно не лаялись, что ли? Трогаешь меня вопросами больными с утра. В отпуске я, поэтому не грех стаканчик-другой опрокинуть. А ты чего ползаешь по двору, нюхаешь всё и на работу не идёшь?

Кузьма, зная крутой нрав Боярышникова и что можно нарваться на грубость, оставил свой язвительный тон, сказал:

– В четвёртую смену нонче мне, в ночь. Чё энт ты так интересуешься работой, неужто соскучился за шахтой?

– Да на кой она мне, чтоб беспокоиться, говорю же, в отпуске я, – успокоившись и позабыв обидные слова соседа, сказал Семён. – Ты, Кузя, если хочешь, заходи, печку натопил я, и брага созрела, пора гнать малышку. Первачку откушаем, а то одному пить противно. Заходи, что ли!

– А Валька твоя где, не нагонит взащей нас кочергой со двора? – спросил Кузьма.

– Да не бойся, уехала она в город дня на три с дочкой в гости к сестре, так что заходи, куманёк!

Семён Иванович недолго уговаривал Кузьму, уж больно пахла брага на печке, да и до работы было ещё далеко – целый день. Ночная смена и шахта родимая никуда не уйдут, а первачок может улизнуть из бутылка. Такая мысль промелькнула в голове Кузьмы. Одним словом, поманило зелье и сладко заныло под ложечкой. Друзья-соседи ещё минуту поболтали о том о сём, и Кузьма перемахнул через забор, оторвав при этом доску с ржавыми гвоздями, очутился в саду Боярышникова. Он кое-как приладил оторванный штакетник, подошёл к Семёну и протянул руку.

– Давай поближе поздороваемся, куманёк, – учтиво сказал Кузьма.

Семён Иванович улыбнулся:

– Ты скажи, что давай ещё и поцелуемся, харя твоя небритая! Забор по весне ремонтировать будешь, калитки для тебя нету, что ли, про

самогон услышал, и всё теперь нипочём, да?

– Ты на свою посмотри, рожа бандитская, хоть на большую дорогу выводил. Какой день-то не бреешься, а, Сэмэн, страшно на тебя смотреть.

– Кузя, не начинай, а то помну! Твоя-то где метёлка, не прибежит?

– Не прибежит, тоже подалась в город, ладно, медведь, пошли, а то брагулька с печи стрыгнет.

Друзья, обнявшись, направились к хате. По дороге Кузьма споткнулся о спиленный под корень пенёк, сплюнул и смачно по-шахтёрски выругался матом, при этом напомнил Семёну крепким словом о его захудалом саде.

Кумовья зашли в дом. Сладковатый запах браги уже наполнил всю кубатуру комнаты, пыхла печурка, расшурованная ловкой и сильной рукой Семёна Ивановича. Возле печки на табуретке было установлено корыто, в котором лежала, ожидая своего часа, самодельная спираль алюминиевого змеевика. Молочный бидон с брагой уже шумел, и Семён Иванович, вымазавшись в тесте, колдовал около бачка, замазывал липким тестом те места, где крышка неплотно прилегала к горловине бидона, замазывал с душой, чтобы, не дай бог, не вылетели драгоценные пары спиртные.

Прихожая комната, которая служила кухней и столовой, была обставлена бедно: стол, несколько стульев и табуреток да старомодный потёртый диван с откидными круглыми боковинами. На вешалке помимо верхней одежды висело несколько штанов и заплатанная клетчатая рубаха. На стене были старинные фото-портреты в рамах и под стеклом, их украшали вышитые рушники. На процесс самогоноварения строгими, но добрыми глазами смотрел дед Семёна Ивановича Боярышникова, Иван Иванович, старый шахтёр, и бабушка Евдокия Марковна, на фотографиях они были запечатлены молодыми и красивыми.

Из прихожей в дверной проём была видна большая чисто убранная комната, где стояло огромное трюмо и двуспальная кровать с пышной периной и большими пуховыми

подушками с кружевными накидками. В зеркале трюмо отражались заботливые кумовья, которые ворожили около аппарата.

Прошло несколько минут. Трубка змеевика обидно хрюкнула и выпустила струйку пара, как бы говоря: «Ловите, братцы, змия, он в гости к вам идёт...»

– Кузя, тащи быстро воды холодной из колонки, чего уселся, идол, давай мигом, брагулька проснулась! – сказал Семён.

Кузьма рассматривал старенький зачитанный до дыр журнал «Техника – молодёжи», встрепенулся, схватил ведро и выбежал во двор. Через минуту он притащил воду, вылил в корыто и тут же помчался за вторым ведром. Семён Иванович потирал мокрой тряпкой бачок, укрощал проснувшегося зелёного змия. Кузьма таскал воду и всё заглядывал в трубку, не пошла ли самогонка. Змеевик ещё раз хрюкнул, свистнул, и наконец-то появилась первая капля долгожданного зелья. Когда усмирённый бидон монотонно зашумел и тоненькая струйка первака, приятно урча, стала наполнять бутыл, друзья улыбнулись друг другу и закурили по сигаретке, усевшись около своего винокуреного производства.

– По капельке, по капельке полнеет бутылёк... – замурлыкал песенку про самогон Семён. – Кузя, ты помнишь историю про петуха бабы Фроси? Помнишь, как в прошлом году она живьём кочета ощипала?

Кузьма от души рассмеялся, припомнив петушиную историю.

– Это как баба Фрося на тебе держак лопа-ты обломала? Ха-ха-ха! – рассмеялся Кузьма. – Я на шахте историю эту рассказывал, так вся смена животы порвала...

* * *

Было это так. Семён Иванович поставил вишнёвку бродить по какому-то только ему известному рецепту. Играла вишнёвка плохо, и тогда Семён решил, чтобы не пропало добро, добавить в кисло-сладкую заварку спирта. Через день получился суррогат убийственной силы. Семён Иванович поил своим «произведением

искусств» (так он называл эту бурду) соседей и в местную пивнушку приносил. Все хвалили его, как говорится, на дурняк и уксус сладкий. Когда в кастрюле остались одни вишни, испускающие запах плесени и спирта, Валентина, жена Семёна Ивановича, вынесла всё это мессиво в огород и выбросила. Боевой любимый петух бабы Фроси, вездесущий разбойник и забияка, забрался в огород Боярышниковых и до отвала наклевал проспиртованных вишен, при этом закусив недавно высаженной рассадой. Валентина озорника бесславно изгнала хворостиной, петух перелетел в загородку к драгоценным несущкам. Недолго бравировал кочет перед своими подругами, в мучениях, обессиленный, свалился мертвецки пьяным под забором.

Баба Фрося пришла кормить птицу и пронзительным тоненьким старческим голоском созывала курочек: «Цып, цып, цып, цы-ып, цыпа, цыпа, цы-ыпа!..»

Она щедро насыпала зерно в кормушку и собралась было уходить, как вдруг обнаружила, что нет её любимого Пети-петушка. Баба Фрося забеспокоилась, пошла по загородке и обнаружила под забором бесчувственную птицу. Сердце у бабули оборвалось, она заохала, заахала, запричитала: «Ой-ёй-ёй, помер мой касатик, царство тебе небесное!..»

Она схватила ещё тёплую птицу и помчалась в летнюю кухню, где стоял бак с горячей водой. Баба Фрося решительно окатила кочета кипятком и, смахнув слезу платочком, принялась его ощипывать. Когда дело подходило к концу, тут-то петушок и ожил. Похмелье его было ужасным, кочет вырвался из рук хозяйки и помчался по двору, безумно кудахтал. Петух своим свирепым лысым видом загнал кобеля в будку, тот забился в уголок и пронзительно стал лаять с каким-то тревожным подвыванием.

Переполох во дворе у бабы Фроси был ужасным. Из хаты на шум выбежал дед Василий и, увидев старуху, бегающую за ощипанной птицей, решил, что бабка спятила с ума. Дед стал звать соседей. Баба Фрося продолжала гоняться за петухом, но лысый кочет не желал снова в кипящую кастрюлю, шараялся

от хозяйкиных рук, метался по двору, словно очумелый. Ошпаренный, ошипанный, пьяный от спиртовых Семёновых вишен петух наконец-то обессилел и забился между погребом и забором. Баба Фрося тоже устала, присела на пороге и тихонько захихикала. Дед Василий, решительно напуганный странным поведением старухи, окончательно пришёл к выводу, что бабка рехнулась. Он достал дрожащего кочета и понёс его в сарай, где пьяная петушиная феерия закончилась плахой. Соседи из уст в уста мигом разнесли по улице эту историю, приукрасив её невероятными подробностями. Уличные сплетницы, шушукаясь и лузгая семечки, сидя на лавочке, хихикали над бабой Фросей.

Семён вернулся с работы и решил угостить деда Василия оставшейся вишнёвкой. А когда узнал про пьяного петуха, смеялся до упаду. Он пришёл к деду Василию и стал подшучивать над старухой, предлагая и ей стаканчик вишнёвого суррогату.

– Ефросинья Матвеевна, не побрезгуйте стаканчиком за упокой души петушиной. Можно и под бульончик, уж сварился, небось, блаженный?

– Да иди ты, бес косматый! – отмахивалась Матвеевна.

Семён сидел с дедом Василием под яблоней на скамейках и глушил вишнёвое зелье. Дед искоса поглядывал на бабку, всё ещё не веря, что она в своём уме.

– Матвеевна, петух-то ваш даже вишенками не побрезговал, наших кровей был кочет. Правда, дедуля? Он бы, покойничек, присел с нами за стол, а потом и курам дал бы прикурить по-мужски, с перцем, а вы его, бедолагу, – в кипятке, жалко ведь красавца, Ефросинья Матвеевна? Вы так и деда одной тёмной ночью ошпарите и ошиплете, – не унимался Семён.

Баба Фрося не выдержала такого издевательства. Неутраченная печаль о невинно сгубленной птице вызвала ярость у старухи. Она схватила лопату и перетянула Семёна державком по горбу. Могучая шахтёрская спина выдержала, а вот старенький черенок лопаты лопнул пополам. Ярость Матвеевны была велика. Теперь уж лопату было жалко старухе, и

она с криками и воплями выдворила Семёна на улицу. Но и там баба Фрося не унималась, она ещё долго кричала вслед убегающему Семёну.

Дома Семён Иванович получил пару незаслуженных тумачков от жены Валентины, обиженно вздохнул и повалился спать на диван до следующей шахтёрской смены.

* * *

Вспоминая эту историю, друзья смеялись от души, но взгляды и чаяния их были там, в бутылке, который медленно, но уверенно наполнялся мутноватой жидкостью.

– Ну что, кумец, по первачку, что ли? Просится, просится водочка во чрево, – сказал Семён.

– По единой, по единой, Семён Иванович, для пробы, так сказать!

Решение было принято, оставалось только порезать салца и огурчик. После того как прозвучал гонг чокнувшихся гранёных стаканов и первые капли зелья влились в желудки, друзья-шахтёры покраснели и вмиг повеселели. Семён Иванович, смачно хрустя огурчиком, поглядывал на Кузьму.

– А помнишь, Кузя, другую историю?..

И пошла, и поехала беседа мужицкая, хмельно-весёлая, жизненная. После первой и второй промежуток небольшой, а третья скупает без четвёртой. А какая звезда без пятого луча? Перекурили. Выпили и снова закусили. Разговор бушевал, словно брага в бидоне: крутился, вертелся, захлёбывался и взлетал, темы мелькали, словно полустанки в окне мчащегося скорого поезда. Не было на всей земле такой темы, о какой не смогли бы поговорить в эти минуты кумовья. Космос – пожалуйста, история – пожалуйста, политика – да нет вопросов, все косточки любому деятелю было под силу перемолоть в этот час Кузьме и Семёну. Особая тема – шахта, работа, здесь уже компромиссов быть не могло у кумовьёв, говорили и спорили до криков и хрипоты.

– Кузя, ну до чего же ты противный и упёртый, как бык, я говорю, что ни хрена с двести четвёртой лавы не будет, я же бил разрез под

эту лаву, кровля там «ховайся в жито», и давить её будет как проклятую!

– А я говорю, что чулком пойдёт товар из двести четвёртой, Семён, ты же знаешь, какой там пласт, мощность больше метра и комплекс новый, рубай – не ленись, – Кузьма гнул свою линию, а Семён Иванович лукаво посматривал на кума.

– Башка твоя дырявая, в двести второй, помнишь, двадцать метров прошли, а потом порода как вылезла, хоть плачь! Что вышло? Новый разрез били! Олух ты царя небесного!

Кузьма задумался и тихо сказал:

– На то она и шахтёрская наша доля.

Семён Иванович увидел, что банка уже почти полная, поднялся и снова стал хозяйничать. Кузьма, следуя его примеру, старательно помогал другу. Закипела работа, работа приятная, весёлая, хмельная. Перекусили, перекурили, воды наносили, печку шуганули и снова сигаретку закурили, но спор шахтёрский ни на минуту не утихал, полыхала беседа о родимой шахте. Дело было сделано, бидон сняли с печи, тяжёлый спиртовой дух стоял в комнате, проникая в коридор, во двор и дальше, на улицу, окутывал хатёнку Боярышникова невидимыми кудрявыми лапами спиртных паров.

Семён Иванович достал из погреба мочёный арбуз, солёные помидоры и квашеную капусту, открыл гусиную тушёнку. Прибрали стол, нарезали хлеба, и Кузьма мигом налил в гранёные самогоночки, наполнил стаканчики да под «марусин пояс». Сменили тему задушевного разговора, загремела колесница, запряжённая зелёным змием, уже неслась она во весь опор, и погоняли его, трёхглавого, друзья-товарищи, кумовья Семён и Кузьма.

Всё! Повалились на диван мужички-субу-тыльники, уснули. И только храп, сладостный и печальный, раздавался из комнаты. Его клоко-чающие звуки и посвистывание перемешались со спиртовыми парами и улетели в окошко на улицу Лесную. Взлетели души мужицкие над хатами, над оврагом и куцей балочкой, над террикониками, над посадкой и мусорником в поисках видений сказочных, астральных...

Долго ли, не долго спали, но просыпаться надо. Первым очнулся Кузьма.

– Сэмэн, мне на работу в четвёртую смену! – встрепенулся он.

Семён Иванович, охая, постанывая и по-стариковски кряхтя, добрался к ведру с водой, наполовину опустив голову в ведро, жадно отхлебнул несколько глотков, прошептал:

– На дворе день ещё, а ты на работу собрался. Кузя, тебе же в ночь идти! Наливай-ка похмелиться, а то умру, внутри горит огнём всё. Изверг рода человеческого, слышишь, наливай!

Кузьма, поразмыслив хмельной головой, выглянул в окно, согласился с предложением друга и разлил проклятую по стаканам. И снова знакомый звон гранёных встрепенулся в душах горняков, и тепло первача шагнуло в мужицкие тела, воскрес дух и пыл. Захрустела капуста на зубах, и озарились лица улыбками. Спокойно было всё вокруг, блаженно. Переплетаясь с сигаретным дымком, полилась хмельная речь, и снова о шахте, о ней, родимой, шахте-кор-милице.

– Иваныч, ты же слышал, что и на четвёртом участке лаву зарядили, скоро уголёк блеснёт на-гора рекой по конвейерам. Директор обещал хорошие деньги, начальник участка бригаду набирает, а ты засиделся на печи в отпуске.

– Это тот разрез, что мы били с Королёвым в прошлом году? – спросил Семён.

– А то какой же, помнишь, как Горика присыпало там?

– Да я ж его и откапывал, как не помнить, был как волк на луну. Пришлось нам тогда туго, воздуха две шапки и говна полные штаны... А всё оттого, что давай-давай, вперёд! Подлапка-ми крепил, дурачок! Хорошо, что так обошлось, а могло бы так придавить, что и пискнуть не успел бы Горик-магорик. Давай за родимую поднимем рюмочку!

Друзья опрокинули по очередному стаканчику. Семён Иванович поджарил яичницу с салом. Выпили за милых и прекрасных жён по-гусарски, потом ещё, ещё и... изрядно охмелев, залив водки на старые дрожжи, повалились дружки на диван, уснув богатырским сном.

Первым на этот раз проснулся Боярышников. Он порылся на столе в поисках рассола, отыскал и с блаженной физиономией отхлебнул прямо из банки. Крякнул и забормотал под нос весёлую песенку.

– Кузя, тебе же на работу в четвёртую смену, лентяюга, вставай!

Голова у Кузьмы гудела, словно водосточная труба, опухшее лицо было похоже на сморщенный бочковой помидор. Кузьма, хрипя и постанывая, подлез к столу.

– Ну его на хрен, Иваныч, подкальываешь, что ли, смотри, на улице ещё светло, а мне же в ночь, дурила ты эдакая! Наливай лучше, а то башка моя может лопнуть, как граната!

И на этот раз кумовья стали потихоньку-помаленьку вливать самогонку в закалённые глотки. После второй рюмашки оживился народ, сами не ожидая такого прилива сил, затагнули любимую песню.

*Спят курганы тёмные,
Солнцем раскалённые,
И туманы белые ходят чередой,
Через рощи шумные
И поля зелёные
Вышел в степь донецкую парень молодой...*

Кузьма обхватил голову двумя руками, подвывал громкому и звучному баритону Семёна Ивановича, а потом, прослезившись, стал говорить о тревогах души печальной.

Время летело незаметно, но до четвёртой смены было ещё далеко, не вся самогонка была выпита, не все слова были высказаны и не все ещё были спеты песни.

Вечерело. Кузьма, шатаясь, попытался выйти из-за стола, но, обессиленный, повалился обратно на табуретку.

– Ты куда это, куманёк? Не-ет, так не по-людски, не положено! Давай на посошок, милый мой! – нараспев, почти по слогам говорил Семён. – Знай мою доброту, а то как же... а то ты думал, что Семёну Боярышникову жалко для друга водки! Не-ет! – Семён Иванович с силой ударил кулаком по столу. – Давай-ка, Кузя, за дружбу вечную нашу по стаканчику!

– Давай! – махнул рукой Кузьма и перевернул недопитый стакан.

Ловкой мужицкой лохматой рукой из-под стола на-гора был поднят бутылёк, и Семён Иванович, пошатываясь, но не разлив на стол ни капли водки, наполнил стаканы, тем самым сосредоточил внимание Кузьмы...

Виноват был последний стакан!..

Комнату куликовской битвы с зелёным змием снова заполнил благородный богатырский храп уставших мужичков. Подворье Боярышникова жило своей жизнью. В сарае, почти завывая, хрюкал кабан, злая и голодная собака металась на цепи, лаяла на любой шум, доносившийся до её чуткого уха. Собачонка то ожесточённо тявкала, то противно завывала, звала хозяина: «Тяв-тяв-тяв – у-у-у – ку-у-у-ушать хочется!..» Но кумовья сладко спали на поле брани среди разбросанной по полу квашеной капусты, яичной скорлупы и запаха сивушных масел.

Третья ночь самогонной баталии опустилась на Лесную улицу, и тихо падающий снег кружился над одиноким фонарём. Наступала четвёртая смена обычной дружеской попойки.

Кумовья проснулись почти одновременно от холода. Печка перегорела, и заряд бодрости иссяк в кровеносных артериях дрожащих мужичков. Четвёртая смена пришла, четвёртая смена борьбы с недопитым вторым бутылком!..

Семён Иванович, пошатываясь, подошёл к печи и удивлённо заглянул в поддувало, причмокнул языком.

– Странно, вроде засыпали хорошо, а перегорела. Кузя, вставай, алкаш ты несчастный. Не спи, замёрзнешь, на работу пора. Только я не пойму, что-то на дворе светло ещё, неужто проспали?!

Кузьма докарабкался к окну и громко выкрикнул:

– Ба-а! Сэмэн, зима на улице!!!

Семён Иванович выглянул в окошко.

– Ё-моё, сколько ж мы с тобой дрыхли!? Ё-пэ-рэ-сэ-тэ, я же кабана не кормил!

Боярышников схватил кастрюлю с помоями, накрошил в них свёклы и помчался во двор. Собака, чуя хозяина, заскулила и безудержно

завиляла хвостом. Семён пробежал мимо, бедный пёс рванулся с цепи вслед за Боярышниковым и чуть было не удавился, он хрипло закашлял и улёгся на передние лапы, жалобно сквозь слёзы стал наблюдать за Семёном Ивановичем. Весь снег, выпавший ночью, был вытоптан повсюду, куда доставала цепь, и вылизан голодным зверем.

Сарай содрогался от бушующего кабана, оттуда доносились инопланетные хрюкающие и визжащие звуки. Семён вторил кабану: «Вася, Вася, Вася, щас накормлю тебя, Вася, Вася, Вася...» Дверь сарая отворилась, и кабан с красными и свирепыми глазами, с поднятым трубой хвостом пулей выскочил во двор, чуть было не сбив с ног Семёна Ивановича. Голодная скотина, лязгая зубами, стала хватать снег, громко сопела и повизгивала. Семёну Ивановичу показалось, что кабан залаял по-собачьи и вот-вот бросится на хозяина.

– Вася, Вася, сдурел ты, что ли, не пугай меня! – вскрикнул Семён.

Боярышников вылил помои в кормушку и сухими похмельными губами позвал метавшегося по двору кабана: «Цу-цу-цу-цу-цу-цу-у... Иди сюда, дурак!» Обострённый нюх голодного кабана уловил запах еды, и он резво прыжками ворвался обратно в сарай, где тут же прилип к кормушке и стал жадно проглатывать помои. Сорванный голодной скотиной пол в сарае привёл Семёна Ивановича в бешенство:

– Ты что наделал, гад, скотина полосатая, кто теперь полы ремонтировать будет, сволочь?! – Семён сплюнул и захлопнул дверь сарая.

Собака жалобно смотрела на хозяина.

– Жучок, а ты куда смотрел, когда Васька полы рвал? Щас накормлю, бедолага ты цепная, был бы не на цепи, хоть бы поохотился за бабки-Фросиными курами, а то хоть помирай с голоду. Ну что ты смотришь, хороший пёсик, хороший!..

Семён Иванович насыпал в миску запаренной каши и подлил собаке кислого борща, досталась осчастливленному бедолаге и косточка.

Жучок, рыча и виляя хвостом, уплетал свою порцию еды. Семён набрал ведро угля

из кучи за двором и направился в хату. Кузьма жевал мочёный арбуз, чавкал и отрешённо смотрел в пространство.

– Алкаш проклятый, поднимайся! Уже, негодник, похмелился! Тунеядец, пьяница, прогульщик! – ругался Семён Иванович.

– А у меня семь отгулов есть, за доблестный непосильный шахтёрский труд. Как по две смены пахать, так Кузьма Егорыч, а как водочки чуточку выпить, так алкаш и прогульщик. Несправедливо, Иваныч! – Кузьма, рыская глазами, искал самогон и, найдя недопитый бутылёк, обрадовался.

– Так что, кумец, по единой!

Семён Иванович колдовал над печкой, не прекращая ругаться на Кузьму, но в большей степени слова его были обращены к самому себе:

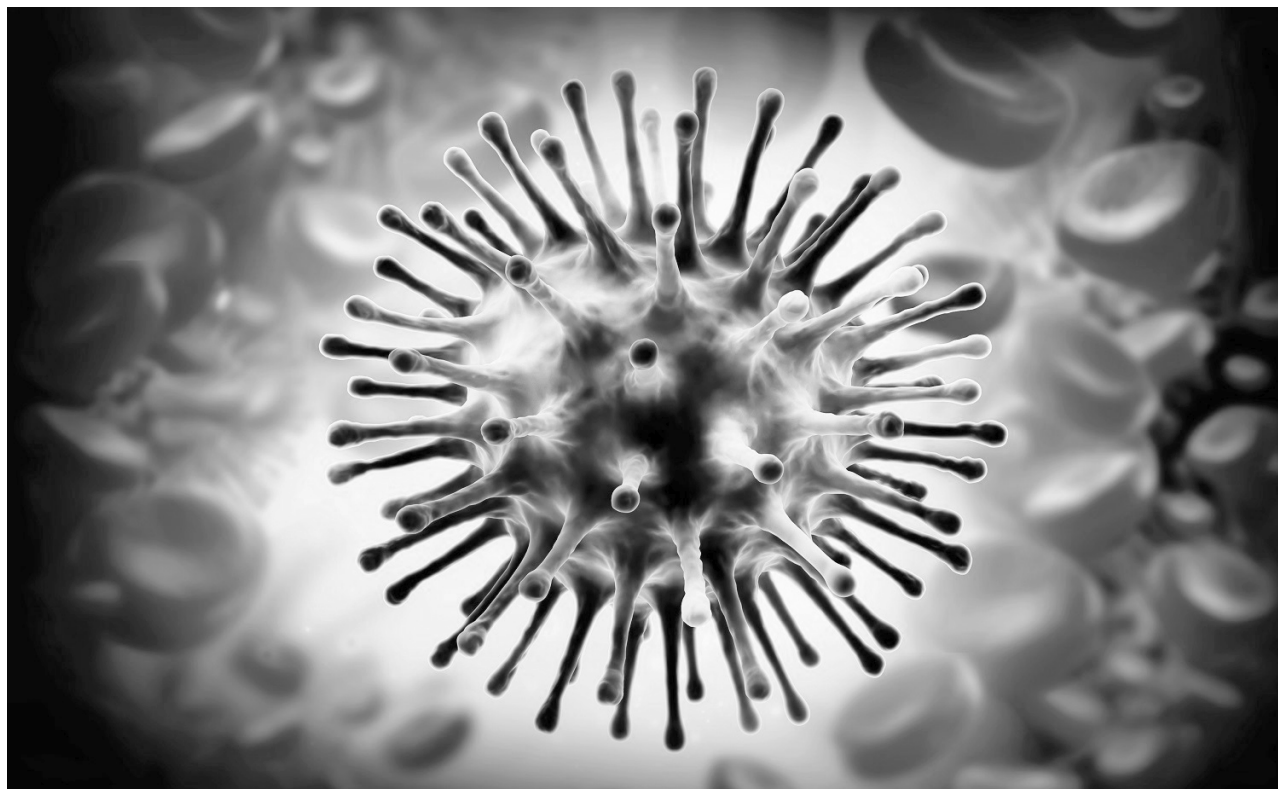
– Это ж надо, вторую банку самогона заканчиваем! Во ёлы-палы! И как она в тебя, Кузьма, лезет? Чего сидишь, подлец, наливай скорее!

Развязка наступила стремительно, как наступила зима. Во дворе радостно залаял Жучок, лязгнула щеколда входной двери, и на порог «мамаевого побоища» вступила жена Валя. Молчаливая сцена затянулась, Валентина подбирала слова и собиралась с духом, чтобы отрезвить собутельников. Молча созерцая хаос перевёрнутого вверх дном дома, она развела руками. Молчаливый грустный бачок на припечке, изрыгающий зловоние браги, и перевёрнутое корыто со змеевиком говорили сами за себя. Змий трёхглавый был убит могучим шахтёрским характером. Он испустил сивушный дух и превратился в разбросанные огрызки огурцов и другой мусор застолья. Семён Иванович, чувствуя неминуемую расплату и зная жёнин взрывной нрав, словно нашкодивший мальчуган, тихонько прошептал:

– Валюня, а чё, мы ничё. С Кузей вот тут выпили по рюмочке. Ты чего так быстро от сестры вернулась? Валюнь, ты проходи, присаживайся. Кузе в четвёртую смену сегодня, так что мы недолго тут...

– Да уж, это точно, кума, в ночь мне на работу нынче, ещё просплюсь. Наливай, Сэмэн!..

Владимир КАЗМИН

Вирус, который изменил нашу жизнь

Несколько лет назад мой город сильно пострадал от вирусной эпидемии. Те месяцы разделили жизнь на до и после. За лето город опустел почти полностью, множество людей уехали, бросив свои дома. Из-за этого остановились предприятия, закрылись магазины. Город на несколько месяцев остался без света, газа и воды. Оставшиеся в городе люди изредка появлялись на пустых улицах, переходили дорогу, не глядя на потухшие светофоры.

В начале это не казалось серьезным. Появились люди в масках, которые заявляли, что у нас вирус, и призывали не пропустить эпидемию на другие территории. Мы пожимали плечами и говорили друг другу, что здесь же

всё нормально, и любой может это увидеть. Они не хотели видеть. Они взяли в руки оружие, поставили кордоны, чтобы не выпускать никого из города, потом ввели спецпропуска, чтобы максимально ограничить выход. Люди в масках, в спецодежде, часто с оружием в руках за время эпидемии стали привычным зрелищем.

Когда пик остался позади и ситуация немного нормализовалась, город, проживший три месяца без света, газа и воды, перезапустился полностью. Тогда мы поняли, что оказались в новом пространстве. Наш когда-то тихий провинциальный город затопило волнами беды, которые вынесли его из сонной тишины, нанесли на карты, внесли в ленты новостей, и от-

хлынули, оставив людей среди руин их жизни. Эпидемия переформатировала нашу жизнь, изменила правила, ограничила возможности, отсекала множество видов деятельности, усложнила оставшиеся.

За прошедшие после пика эпидемии несколько лет город ожил и жизнь наладилась. Правда, темп и стиль этой жизни очень сильно изменился. Опустевшие сёла, пустые улицы, разрушенные дома, разбитые дороги стали частью повседневности. В то же время в городе работают предприятия, учебные заведения, магазины и учреждения культуры. Эпидемия не окончена, и теперь она принимает форму множества ограничений в повседневной жизни.

Например, транспорт. Раньше в городе был аэропорт, интенсивно работал железнодорожный вокзал. Во время эпидемии перестали летать самолёты и ездить поезда. В городе осталась всего пара пригородных поездов, которые ходили даже тем страшным летом. Поезд – мой самый любимый вид транспорта. Я люблю поезд, люблю лежать на верхней полке, слушать стук колёс, смотреть на мелькающие за окном столбы, посадки, речушки. Как и другие жители моего города, я потеряла возможность наслаждаться этим чувством дальнего пути, бесконечного покоя и включения в новый поток времени, когда поезд отходит от станции. Я не могу передать это ощущение и своим детям, потому что пригородные поезда доезжают куда нужно за пару часов, не увозят никого в другое пространство, а просто чуть быстрее перемещают в том странном мире, который и так окружает всех нас.

Наша связь с миром, почтовая и телефонная, также нарушена из-за эпидемии. Почта-льон не принесёт мне письма или посылки. Нашего города нет на карте. Чтобы отправить сюда письмо с других территорий, нужно писать на ненастоящий адрес, на абонентский ящик за границей, а оттуда письма доставят сюда и распределят внутри города по старым адресам. Это то, что осталось от реальной связи с внешним миром.

С телефонной связью тоже постоянные проблемы. Телефонные операторы или не ра-

ботают здесь, или работают очень плохо, не справляются с потоком данных из-за разрушений инфраструктуры, недостатка кадров, общего технологического отката назад. Бывают дни, когда с двумя карточками в телефоне ты не можешь никому дозвониться, и бывают города и посёлки, где по несколько дней нельзя дозвониться никуда.

Банковская система разрушена из-за эпидемии. Мы выключены из всех сетей, мы не можем платить картами в интернете или где бы то ни было, нам нужно открывать или продлевать карты за границей, а здесь есть только Госбанк, который перечисляет бюджетникам зарплату и не даёт кредитов.

В новом пространстве, где старые связи разрушены, постепенно, очень медленно и с большим трудом выстраиваются новые работающие механизмы человеческих отношений. Каждый выживает как может, но никто не выживает в одиночку.

Эпидемия приучила нас беречь ресурсы, в том числе духовные и душевные. Многие неосознанно живут по правилам: не тратить эмоции на рассуждения о ситуации, сколь бы авторитетным ни был аналитик, который берётся говорить о наших проблемах; реагировать на происшествия тогда, когда их уже нельзя игнорировать, а не тогда, когда их предсказывают знающие люди. Эти принципы позволяют распределить силы и делать что должно, не засоряя эфир постоянными жалобами на жизнь.

Мы видим людей, которые не следуют этим правилам, постоянно мониторят сеть, чтобы узнать, когда же это всё закончится, и слушают длинные ролики информированных специалистов с инсайдерской информацией о том, как быстро решить наши проблемы. Они читают одни и те же сайты годами, они живут не здесь, а где-то там, за гранью эпидемии, в будущем, которое наступит, когда эпидемия кончится. Между тем реальная жизнь вытекает у них между пальцев, оставляя их ни с чем, в постоянной тревоге, с невидящими глазами, слушающих голоса, отрезанными от всего, что может утешить и порадовать сейчас, в эту минуту, которая не повторится.

Приходя в себя после катастрофы, мы заметили, что разрушено далеко не всё. Некоторые вещи не выдержали напора и рухнули, но многое осталось. Мы не всё потеряли, мы даже стали богаче. Волной смыло много ненужного и лишнего, осталось настоящее, осталось то, без чего нельзя выжить – дружба, доброта, мужество, любовь. Так тяжкий млат, дробя стекло, куёт булат. И каждый вечер перед сном нам есть за что благодарить.

Из этого нового пространства, в которое внезапно переместился Луганск летом 2014-го года, когда его захлестнула эпидемия насилия, нацизма и войны, развязанной Украиной, мы смотрим сейчас, весной 2020-го, в другой мир, где бушует пандемия. Там люди страдают от самоизоляции, ограничения передвижений, отмены своих планов, необходимости делать уроки с детьми и постоянно общаться с родными. Город, переживший настоящую осаду в XXI веке, может поделиться опытом спасения от эпидемии.

Потрясение всех основ и внезапная смертельная опасность заставляют пересмотреть свои приоритеты, определить, что в жизни самое важное, от чего нельзя отказаться даже под угрозой смерти. Идеальные структуры человеческого бытия, дремлющие в тихой повседневности, актуализируются во время жестоких противостояний, судьбоносных решений, предельного выбора. Идеи и цели, которые позволяют нам держаться в трудную минуту, не появляются мгновенно на пустом месте, а существуют постоянно, незаметно определяя наше поведение, решения, готовность поднять ся над судьбой.

Лекарство от вируса, которое дадут медики, это лишь малая часть тех средств, которые нужны, чтобы общество выстояло во время кризиса. Самое главное лекарство – доброта, человечность, готовность помочь даже тем, кого не знаешь. Эти неосозаемые чувства создают связи, которые прочнее стали, неподвластны времени и держат нас всех над пропастью. Во время войны или эпидемии, сейчас, как и всегда, нужно делать что можешь на том месте, на которое тебя поставил Господь, с верой, надеждой, любовью. **А**

Нина Сергеевна ИЩЕНКО

Учёный, культуролог, литературный критик. Редактор сайта новостей культуры «Одуванчик». Член Союза писателей ЛНР с 2018 года. Кандидат философских наук. Член Философского монтеневского общества Луганска, Русского общества истории и философии науки. Автор книги литературно-критических статей «Локусы и фокусы современной литературы» (2020).

Редактор-составитель четырёх сборников Философского монтеневского общества Луганска. Автор портала «Луганский Информ Центр» с 2015 года.

Работает доцентом кафедры музыкального искусства эстрады в Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского (Луганск, ЛНР).

Александр СИГИДА

г. Молодогвардейск – Атамановка, ЛНР

Историк по образованию. Член Союза писателей России; Союза писателей Луганской и Донецкой Народных Республик, Межрегионального союза писателей.

Организатор I Всеукраинского поэтического фестиваля «Краснодонские горизонты – 2009», фестиваля «Муза Новороссии» (2014–2019).

Лауреат премии им. М. Матусовского, «Молодой гвардии». Автор 11 сборников стихотворений.

* * *

Открыты Веды и Авеста,
Как дар небесного Отца;
Земля – Господняя невеста –
Лежит в излучине Донца.

Равнина потеряла стыд!
Светя холмами и курганами,
Весной раздетая лежит,
Прикрывшись рваными туманами.

На краеведческом пути
Не прозябала недотрогою;
И с «чёрным золотом» в груди
Она идёт своей дорогою

(Минуя Индию... Иран)...
В рассветном сумраке увидели:
Горит огнями Русский СТАН
Источником святой обители.

РАЗВЕРНИ ВЕТЕР

Дай дождя по-хорошему, или я отрекусь.
Чтобы капли-горошины полетели под куст.
Ты, Всевышний, откликнулся и явил чудеса:
Летний ливень накинудся, и упала роса.
Поделился прохладой кучевых облаков.
Я отвечу балладою через двадцать веков.
Тебе, Боже, понравится, я по-своему рад!
Наконец-то поправятся огороды и сад.
Деревца и животные нападают на след,
Даже твари болотные выползают на свет.
Неземного Писания лучше правда в глаза.
Кто отдал приказание, чтобы с ливнем гроза?!
Поменяй направление! Откликается гром.
За Стрибога правление! Подпиши договор.

ЯЗЫЧЕСТВО

Наши боги – холмы, кипарисы и заводы,
Эти стены немые и оглохли без памяти.
Изгоняли огнём, разметаив ополчение,
Стало ночью, как днём... это только учение.
Засевали поля то костями, то кириллицей,
Наши боги – земля и корова-кормилица,
У которой сосок затвердел от бескормицы,
Уходила в песок белогривая конница,
Потекла молоком из могучего вымени.
Боги были рекой и не ведали имени,
Дожидались луча, приходящего издали.
Наши боги – луга, корабли или пристани.
Дни вставали из тьмы и не знали названия,
Наши боги – холмы, берега и развалины.

НА РАССВЕТЕ, 4:30

(04.07.2014, г. Краснодар, под обстрелом)

Громы побили все нормы – ради каких-то наград...
(Рвутся снаряды и бомбы – это работает «Град».)
Злые хозяева рады – раб добывает раба...
(Воют собаки да бабы, и догорают хлеба.)
Мины-патроны-гранаты рёвом пугают ворон.
(Лезут поганые гады танками с разных сторон.)
Взрывы и справа, и слева (или ну всё-таки гром?).
(Если расколется дерево, рухнет заброшенный дом.)
Строчки из старой анкеты или лихая судьба?
(Лишь полевые букеты да пулевая стрельба.)

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

I

Веришь фотоснимку или на словах?
 (...И лежат в обнимку в придорожных рвах.)
 Поворот на Счастье кто-то подсказал...
 (Самолёт на части – в дым автовокзал.)
 Лупит не по-детски горе-самолёт.
 (Парень из Донецка в Киев не идёт.)
 Помощь из Иркутска шлют на Волгоград...
 (Парубок из Луцка заряжает «Град».)
 Террорист жестокий не пошёл на Львов...
 (На юго-востоке всем хватает рвов.)

II

Лезут из Европы рыцари плаща...
 (Ямы да окопы роем сообща.)
 Вместо похоронки – червь получит корм.
 (...Водрузят обломки на могильный холм.)
 Эти обелиски на манер креста.
 (Ни к чему «зачистки», если пустота...)
 «Кто бомбил Тернополь? Пять шагов вперёд!»
 (Поезд в Симферополь больше не идёт.)
 Кто составил списки и готовил пир?
 «Сообщите близким, кто кого убил».

III

...Свежая воронка, где стоял блокпост
 (Там бензоколонка, кладбище и мост).
 Жителей пугали образом врага,
 Но не помогали вилы и рога...
 Ворогу в угоду жить под градом пуль?
 (Отключили воду – на дворе июль.)
 Закатал бульдозер в землю огород;
 Испарились слёзы и солёный пот.
 «Бомбовоз» уводят на второй заход.
 На Донбасс вернулся 41-й год?

IV

Авиатор видный, как тебе взбрело
 Под огонь зенитный подставлять крыло?
 Кто считал убытки, поощряя прыть?
 Удались попытки небеса закрыть.

«Грузовик» пузатый искупил грехи –
 Рухнул за посадкой, и десант погиб;
 Где-то в Павлодаре бабы голосят...
 (Авиаудары больше не грозят.)
 Вопли просочились кровью в вышину;
 По утрам учились слушать тишину.

V

Супостат проклятый лезет напролом
 (Заменил лопату примитивный лом).
 Что искал в обломках западный эксперт?
 (Чёрным похоронкам ни к чему конверт.)
 Догорает тополь прямо у ворот.
 (Добровольной «опой» тешится народ...)
 Родовая память правду говорит.
 (Добываем камень для могильных плит.)
 Рушили могилу древнего царя,
 Чтоб проверить силу камня-дикаря?

VI

Рядом с баррикадой догорел костёр.
 (Извели блокадой братьев и сестёр.)
 Поздно или рано – сколько съел пудов?
 (Поражают раны наших городов.)
 Требуйте свободу у своих властей.
 (Лопаются сходу крылья лопастей.)
 Корчивший дракона выронил штурвал
 (К нашим терриконам вас никто не звал).
 Прошлому нелепо карами грозят
 (Падающим с неба нет пути назад).

ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ПРИЗРИ НА СМирЕНИЕ»

За двухтысячелетнюю историю христианства прославились чудотворениями около тысячи образов Божией Матери. К их числу относится и редкая икона «Призри на смирение». Иконографически образ принадлежит к типу «Одигитрия» («Путеводительница»). На нём изображена Пречистая Дева, увенчанная короной, держащая в правой руке скипетр; левой рукой Она придерживает Младенца, стоя-

щего на Её коленях и держащего в левой руке державу – символ власти над миром.

Впервые икона явилась в 1420 году у Пскова, на Каменном озере. Обстоятельства чудесного явления неизвестны, но можно предположить, что это событие произошло в утешение и ободрение псковичей в период большого бедствия, «морового поветрия», свирепствовавшего на псковской земле в княжение Василия II

Дмитриевича, при архиепископе Новгородском и Псковском Симеоне.

В псковской летописи есть два свидетельства о святой иконе. Одно из них гласит: «В лето 6934 (1426) за старым Коложем, на Камене озере, бысть знамение: от иконы святыя Богородицы идяше кровь, месяца септевриа в 16 день; сие убо знамение прояви нахождение поганого князя Витовта и многое пролитие христианских кровей». В другом указании на кровавое мироточение от образа говорится: «В лето 6934 (1426), тоя же осени, бысть знамение от иконы святыя Богородицы, на Камене озере, у Василя у двора: шла кровь из правого ока, и на место капала, где стояла, и на пути шла кровь, как везли, от иконы в убрус, как в Псков проводили икону Пречистыя, месяца сентября в 16, на память святыя великомученицы Евфимии».

Это знамение стало предвестником трагических событий: в тот год во Пскове был голод от Ильина дня до Крещения, во время случившегося весной пожара сгорело 40 дворов, а литовский князь Витовт расторг мир со Псковом и пришёл с татарами завоёвывать псковские земли.

После чуда истечения от иконы кровавых слёз она была перевезена во Псков и хранилась в соборном Троицком храме. Празднование было установлено в память этого перенесения.

В псковском Троицком соборе пребывало множество православных святынь, среди которых можно упомянуть сохранившуюся до нашего времени чудотворную Чирскую икону Пресвятой Богородицы в драгоценной ризе, богато украшенной жемчугом и алмазами, Тихвинский образ Богоматери, множество ценной церковной утвари, княжеских грамот и других исторических и культурных памятников. Однако большинство этих реликвий до наших дней не дошло. Больше всего ризница страдала от частых опустошительных пожаров. Самый большой ущерб был нанесён пожаром 1609 года, в огне которого погибли многие бесценные святыни, и мало что сохранилось от прежнего убранства храма. В своих работах знаменитый исследователь отечественных

Троицкий собор во Пскове

древностей преосвященный Евгений (Болховитинов), впоследствии митрополит Киевский, а также граф М. Толстой говорят о том, что в нём удалось найти очень мало предметов глубокой древности. В XIX веке была составлена подробная опись ценностей, находящихся в Троицком соборе. Поскольку упоминания о древней иконе «Призри на смирение» в ней нет, можно предположить, что псковский чудотворный образ погиб во время одного из постигших соборный храм стихийных бедствий. Сейчас чтимая копия иконы находится справа от алтаря в Троицком кафедральном соборе псковского Кремля.

Других списков иконы «Призри на смирение» известно немного. Один из них, из Сретенского храма Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, был келейным образом всероссийски известного старца архимандрита Иоанна (Крестьянкина), после его кончины икону из кельи перенесли в церковь.

Один из чтимых списков конца XVII века находится и поныне во Флоровской Вознесенской женской обители в Киеве. Второй – список подлинной иконы, тоже почитаемый как чудотворный, – украшает в настоящее время главный храм в Киевском Свято-Введенском мужском монастыре.

По преданию, эта икона была написана в XIX веке некой княгиней, принявшей схиму с именем Мария, которая, трудясь над образом, непрестанно читала Иисусову молитву, строго постилась и ежедневно причащалась. Сохра-

нились свидетельства, что икону она писала не обычной кистью, а особой – сделанной из святых мощей, краски же для своей работы замешивала на святой воде.

Введенский монастырь в Киеве

В богоборческие годы советской власти этот образ удалось уберечь. В 20-е годы священником Введенского монастыря, тогда женского, был отец Борис Квасницкий, который вместе со своей семьёй проживал при обители, он и спрятал у себя святую икону. В 1937 году его репрессировали, но перед арестом он успел передать образ своей духовной дочери – насельнице Введенского монастыря монахини Феофании (в схиме Феодора, в миру Феодосия Дмитриевна Тоцкая, † 1994), которая 55 лет хранила у себя святыню. Когда в 1961 году Введенскую обитель разогнали, матушка Феофания переселилась во Флоровский монастырь, где святая икона стояла в её келье. Каждый год 29 сентября, в день памяти иконы, вечером перед ней читался акафист Пресвятой Богородице, а утром служился молебен с водосвятием. В 1992 году монахиня отдала её во Введенскую церковь бывшего Введенского мужского монастыря, в которой тогда возобновились богослужения.

Ещё во Флоровском монастыре от иконы исцелилась глухонемая девочка. Малышка ждала в келье свою бабушку, ушедшую по делам с монахиней Феофанией. Вернувшись, они обнаружили больного от рождения ребёнка говорящим и слышащим. Девочка указала на

икону и объяснила это, как могла: «Тётя на меня подула».

Чудо, которое широко прославило этот образ Божией Матери, было явлено летом 1993 года. Настоятель Введенской общины, игумен Дамиан, обнаружил, что икона Божией Матери «Призри на смирение», которая находилась в киоте за стеклом, потемнела. Было решено пригласить реставраторов. Когда с киота сняли раму, на стекле обнаружили серебристый отпечаток, в точности повторивший силуэты Богоматери и Младенца. Киевские учёные потребовали проведения исследования этого отпечатка, а также и чудотворной иконы. В храм была привезена специальная аппаратура, и сотрудники Института судебной экспертизы, Политехнического и других киевских научных институтов приступили к исследованию непонятного явления. Через год работы никто так и не смог объяснить, как и почему возник отпечаток, учёными было лишь подтверждено, что светло-серое изображение на стекле состоит из тонкого налёта органических кислот и является нерукотворным отражением иконной росписи, но с некоторыми отличиями: на чёрном фоне рисунок выглядит негативом, а на светлом – позитивом. Стекло с чудесным отображением было установлено в киоте рядом с иконой, после чего было зафиксировано большое количество исцелений. В 1995 году Священный Синод постановил считать Киевскую икону Божией Матери «Призри на смирение» чудотворной, с празднованием в её честь 29 (16) сентября. ■

Татьяна НИКИТИНА

ГЕОРГИЕВСКАЯ ЛЕНТА

Смешной, веснушек золотых разлив,
В руке тюльпан, сам – ниже постамента,
Но, свой тюльпан на мрамор положив,
Георгиевскую расправил ленту –

Победы знак на маленькой груди –
И снова к маме, гордый и серьёзный!
Давай, малыш! Смелей вперёд иди!
Хоть на глаза совсем некстати слёзы...

Мы помним всех, кто подарил нам тишь
И мирную лазоревость рассвета!
С георгиевской ленточкой малыш –
Он от фашизма защитит планету!

СПАСИБО

Моя луганская земля
Почти забыла рёв снарядов.
Звенели колосом поля
И зрели кисти винограда...

Но у врага на сердце зрел
Злой ярости побег жестокий,
И враг глядел через прицел
На мой рассвет зеленоокий!

В погожий предрассветный час
Любви прекрасна безмятежность,
Но с воем разорвал фугас
Мечту, надежду, радость, нежность...

И парни, сыновей обняв,
Поцеловав любимым руки
И автоматы крепче сжав,
Шагнули за черту разлуки!

И небо заслонив собой
На берегу родной Лугани,
Ребята шли в неравный бой,
Как в сорок первом, как в Афгане!

Спасибо всей моей стране
И этим воинам-мальчишкам
За то, что внук мой о войне
Узнает только лишь по книжкам!

Лариса БЕКРЕШЕВА

г. Луганск, ЛНР

Поэтесса, переводчик.

Родилась в с. Макарово Станично-Луганского р-на Луганской области. Автор книг стихов «Сентябринки», «Островок любви», «Симфония тишины». Публиковалась в ряде коллективных сборников и периодических изданиях Украины и России. Автор более 50 научных публикаций, в том числе об искусстве перевода. Лауреат многих поэтических конкурсов. Председатель Республиканского союза писателей (Луганского отделения Межрегионального СП). Лауреат литературной премии имени Владимира Гринчукова. В настоящее время – старший преподаватель кафедры иностранных языков Луганского национального университета имени Владимира Даля.

ЛУГАНСКОЕ СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ

Пью молоко – божественный напиток!
Рука ещё слаба после болезни,
Но мой стакан как драгоценный слиток,
А в нём – бальзам, что всех лекарств полезней.

Кому-то не понять, что это значит –
Пить молоко, обычное, простое,
В моём краю, израненном войною,
Где не сгоревший клоч травы уже удача!

Пью молоко, его смакуя долго,
И слушаю историю девчонки,
Что исцелившая меня бурёнка
Под сердцем носит два шальных осколка...

Пью молоко, глаза невольно пряча,
И так хочу всем сердцем и душою,
Чтоб вам вовек не знать, что это значит –
Вкус молока, приправленный войною.

С ДНЁМ РОЖДЕНЬЯ, ВЕСНА

Ранним утром залиистой трелью
Золотистая птица синица
Возвестила рождение апреля,
Распахнувшего робко ресницы.

Снег ерошится в дебрях укромных,
Ветер тучи колышет ветвями,
Небо смотрится в лужи бездомно
Высоко-высоко над страстями,

Будто где-то любовь заплутала
В зимних снах за неделей неделя...
Но синица уже насвистала
Хрупкий миг нарожденья апреля.

Значит, скоро отступит в бессилье
Серой слякоти нагроможденье,
Вспыхнут травы алмазной пылью...
С днём рожденья, весна! С днём рожденья!

МАЙСКАЯ ГРОЗА

Туча алая, страшная, грозная и грозовая,
Расползается жирною кляксой во все небеса.
Мне не хочется думать о прелести гроз
в лоне мая,
Мне бы где-то укрыться и лучше зажмурить
глаза.

Вот уже полыхает полнеба зелёной зарницей,
Злобным филином ухает хищного грома
раскат,
И накинулся ливень на землю голодной
волчицей,
А бежать-то куда, если поле и ясеней ряд?!

Боже правый, укрой! И лечу к этим ясеням
птицей!
Вдруг не верю глазам: среди веток –
заброшенный дом!

Разворочена дверь и незрячие окон зеницы,
Но ведь крыша накрыла от ливня надёжным
зонтом!

И стою я под крышей, небесной водой обтекая,
И гляжу на бесящийся ливень с шальнойю
грозой.

Знать, грехи не заполнили всё-таки душу
до края,
Если мудрый Всевышний накрыл меня
тёплой рукой.

ТАНЕЦ

Чарующе-сладостных нот над землёй
трепетанье,
В ладони ладонь и пугающе близко щека,
И в недрах души возникают хмельные
желанья,
Неясные, лёгкие, словно полёт мотылька.

Чужое дыханье ласкает озябшую шею,
Всё ближе и ближе упругость чужого бедра,
От этих касаний душа, замирая, немеет
И вся наливается жаром ночного костра.

Послушные ритму, сливаемся в плавном
движенье
И музыку тел ощущаем, как робкое «Да!».
Плывём на волнах удивительного опьяненья,
Пространство и время как будто ушли в никуда.

Последние звуки в пучину молчанья упали,
Всё снова, как прежде: толпа и с коктейлем
хрусталь.

Как странно: мы в танце как будто
влюблёнными стали.
Но сказка растаяла с музыкой вместе, а жаль!

ЛАРИН

Отвратительный затхлый запах одиночества заполняет всё пространство. В полутёмной, мрачной комнате общежития на кровати сидит высокий неухоженный старик. Беспорядок кругом, запущенность, грязь. И почему-то показалось, что от тоски и безнадёги вешалка у входа занавешена ещё не совсем поношенным женским платьем.

– Здравствуйте. На что жалуетесь?

– Меня уже возили в больницу, там сказали, что я совершенно здоров. Вы парень или девушка? – подслеповато шурясь, спрашивает он меня.

– Женщина.

– Мне уже восемьдесят три года, вижу плохо, а у вас стрижка. Я, знаете, из деревни под Перевальском. Мы жили с женой в Хрящеватом, пока фашисты наш дом не сожгли.

– Понимаю. У вас болит что-нибудь?

– Нет-нет. Голова кружится немного. Я две войны пережил. Я дом построил, ещё в семидесятых. Смотрел, как сделано у других, так и построил. В 2014-м сгорел весь. Бабку мою в Россию забрал сын на операцию, а я здесь остался из-за паспорта. Говорят, что нет фотографии, и теперь не выпускают. Моя метрика сгорела с домом, а новую не дают. Сказали: «Живи, сколько проживёшь, что там тебе уже осталось», – и ничего не дали. А как мне без паспорта теперь к родным попасть?

Он мечется по давно не стиранному покрывалу, то вскакивая на пол босыми ногами, то вновь присаживаясь на кровать, пытается всмотреться мне в лицо, словно ища понимания или помощи.

– Нет, вы не подумайте, я не болен. Голова чуть кружится и тошнит. А так я здоров.

Согласно кивая в ответ головой, набираю в шприцы лекарства.

Головокружения не бывают просто так, разумеется, здесь гипертонический криз, по-

этому мой пациент и не находит себе места.

– У меня груша растёт сорок четыре года. Всё сгорело. А она, красавица, стоит. Да что же это я! Вот, сейчас вам покажу.

С этими словами Ларин стремительно подходит к другой кровати и приподнимает расстеленное на ней полотенце. На старой газетёнке ровным слоем лежат полусгнившие незрелые груши, алыча и малина.

– Вот, ездил туда, у меня в этом году хороший урожай, и ещё где-то отличная смородина есть. Сейчас покажу.

– Да ведь они сгнили давно! Надо выбросить, – начала было я, но осеклась.

Ларин меня уже не видел и не слышал, он суетливо шарил по пакетам в поисках смородины. Наконец горестно покачал головой.

– Эх, наверное, потерял. Я устал. Да. Не спал всю ночь. А груши хорошие. Сожгли фашисты мой дом. Но груша, груша-то уцелела.

– Давайте всё же полечимся, – предлагаю наконец разговорчивому старику свой нехитрый арсенал.

– Я ещё поеду к ней завтра, проведать.

– Да-да, конечно, поедете. А сейчас прилягте, отдохните, набирайтесь сил перед дорогой.

«Погибнет старик», – думала я, спускаясь по обшарпанной лестнице прочь от жуткой комнаты, в разноцветный июльский день.

Сотни людей, проживших нелёгкую трудовую жизнь и к старости получивших заслуженный отдых, всё потеряли в один миг по воле шайки воинствующих самозванцев. Пережившим современный ад теперь негде свой век спокойно доживать и не с кем. И пропал смысл прежнего бытия, и цели в жизни больше нет, и осталось лишь навещать пепелище да плакать от воспоминаний около чудом уцелевшего старого дерева... **А**

Анна ВЕЧКАСОВА

БУНТУЮЩЕЕ СЕРДЦЕ

Во мне кричит бунтующее сердце!
Оно не хочет тихо, ровно биться,
Оно не может просто так смириться,
Когда беда к кому-то в дверь стучится.
В борьбе святой ищу единоверцев!

Нельзя ведь молча жить, не видя боли
Своей, чужой, что разрывает душу.
Я, может, криком ваш покой нарушу,
Цунами вызову на жизни вашей сушу!
В ком чувства есть, со мною будьте в доле!

МАЛЕНЬКОЕ СЧАСТЬЕ

Ну и что, что нет причёски,
Личико как смайлик?
Присмотритесь, я – девчонка,
А совсем не мальчик!

Папин, мамин я котёнок,
Маленькое счастье,
Зайка, солнышко, цыплёнок.
А ещё я – Настя!

Вот надену шапку мамы
И мамино платье,
И поймут все сразу сами:
Я – большое счастье!

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

А солнце в горизонт ручьём стекает,
Костром любви приветствуя зарю.
И зимний день, как снег, тихонько тает,
Последний взгляд бросая декабрю.

По краю фиолетового стяга
Малиновая кромка пролегла.
Уснул восток, спускает запад флаги,
На новый день оставив все дела.

Любовь ШАМАРДИНА

г. Антрацит, ЛНР

Родилась 12 сентября 1954 года в городе Антрацит Луганской (Ворошиловградской) области. Окончила Таганрогский государственный педагогический институт. Работала воспитателем, учителем, заместителем директора школы по воспитательной работе.

Стихи писала с юности, но серьёзно занялась литературным творчеством в 2014 году в связи с известными событиями на Украине.

Член Межрегионального союза писателей, Республиканского союза писателей ЛНР, руководитель литературного объединения «Горизонты» в городе Антрацит.

Лауреат фестиваля «Муза Новороссии – 2019».

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Выбрав пропись – линейки косые,
Ты писал на стене, на окне.
И все знаки твои водяные
Нам понятными были вполне.

Мы под струи твои выбегали,
Сбросив платья, рубашки, штаны,
Хоть ещё из мерцающей дали
Были грома раскаты слышны.

Ноги высвободив из сандалий,
Издавая пронзительный визг,
Мы с восторгом по лужам бежали,
Не боялись ни капель, ни брызг!

Эти нити живительной влаги
Сквозь златые ресницы-лучи
Очень нам придавали отваги,
Были строчки твои горячи!

Летний дождь, сяду в сень на скамейку,
Вот и знаков несметная рать.
Вновь ты пишешь в косую линейку...
Только я разучилась читать.

СОЛДАТ ПОБЕДЫ

*Посвящается моему свёкру Фёдору Ильичу
Шамардину*

Спит солдат, проснуться хочет. Не желает сон
уйти.

Снится дом, родные очи, вишни, спелые почти.
А потом – война: окопы, взрывы, кровь,
воронки, дым...
Почему солдату снится очень часто сон один?

Дальше вновь – родная хата, на крыльце –
два сапога...
И зачем, совсем некстати, разболелась вдруг
нога?

Крутит левую коленку, и мозоль горит опять,
Раззуделся палец слева – надо встать, чтоб зуд
унять.

Сон прошёл, глаза открылись, осмотрелся –
дома он.

– Победили, разгромили! – то уже совсем
не сон!

Улыбнулся. Солнце светит. Из окошка –
дивный вид.

У стены – протез с ботинком той ноги,
что так болит.

ДЕВЧОНКА

Сколько б ты ни пел мне серенады,
Знаю, больше любишь ты её –
Девочку с задорным, ясным взглядом,
Сердце покорившую твоё.

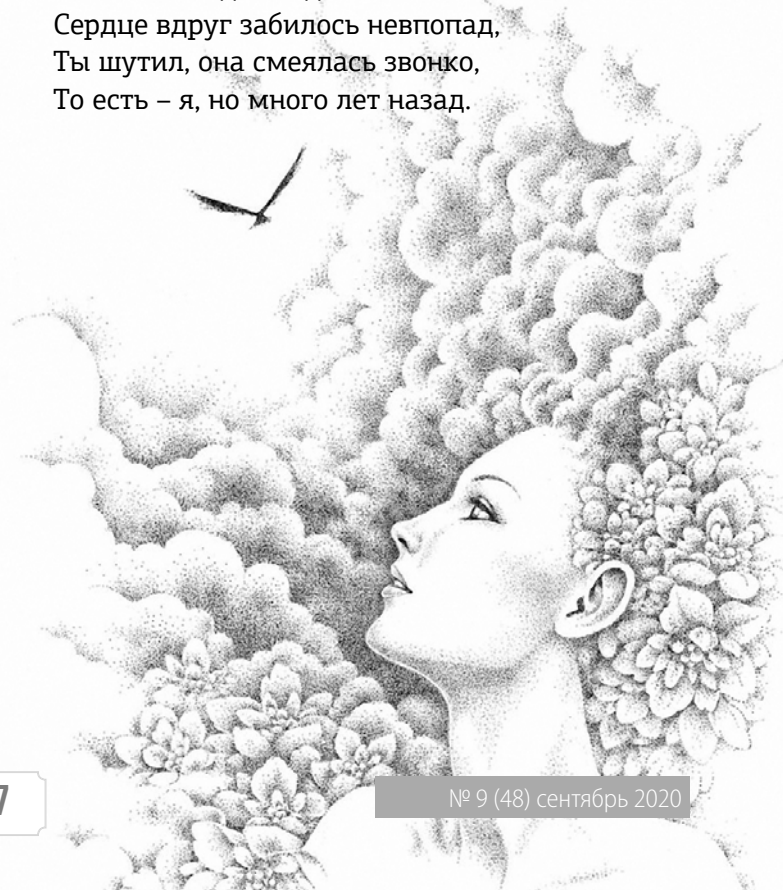
Губы – маки, брови – крылья птицы,
Без помад, теней, других прикрас.
Надо же такую уродиться!
Всё так ярко, будто на заказ.

Серых глаз лучистое волнение,
Как пруды, пугает и влечёт,
В волосах – морских русалок пенье,
А в мечтах – фантазии полёт.

Я совсем, совсем, совсем другая,
Я намного старше и мудрей.
Но за нею я не успеваю
И во многом уступаю ей.

Всё же ты со мной, моя награда,
Ты – опора главная моя,
Вместе мы. Я этому так рада.
Не коснулась нас разлук змея.

Как же та бедовая девчонка?
Сердце вдруг забилося невпопад,
Ты шутил, она смеялась звонко,
То есть – я, но много лет назад.

ГРАЖДАНИНОМ БЫТЬ... НЕПРОСТО

*«Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином...» непременно!*

Казалось, она впитала эти слова с молоком матери. Жизнь в довольно спокойном казачьем хуторке, утонувшем в степных ковылях далеко от города, с семилинейной керосиновой лампой в изголовье железной односпальной кровати, под светом которой она читала ночи напролёт, да огромная школьная библиотека в городе, до которой несколько километров, были её самыми любимыми местами. Но до библиотеки ещё надо было дойти, добежать, добраться в любую погоду. Как оказалось, всё это сослужило ей добрую службу. Запах библиотеки навсегда остался для неё волнующим и загадочным, одним из самых любимых, запахом её детства. И «...гражданином быть обязан» тоже. Правда, долго была убеждена, что эти стихи написал Некрасов, а Маяковский, потому что так пря-

молинейно и громко мог только он. Будучи на выборах, с ярким алым галстуком на шее, она салютовала каждому избирателю, подошедшему голосовать к урне. А потом плясала под гармошку – ну никак не могла удержаться.

Шли годы, меняя всё вокруг. Она была уже горожанкой, педагогом и однажды в начале 90-х годов попала на педагогические курсы в Киев. По стольному граду уже рядами и колоннами ходили какие-то люди в странной военной форме с трезубцами в руках, а ночью с факелами.

*Опять над страной полыхают костры,
Трепещут они, как обрывки на рее,
Над временем, бедами, что не добры,
Они разгораются злее и злее.*

*Костров не люблю, их слепой кутерьмы.
Неловко признаться – с огнём мы не пара.*

*Тревожат огни, будоражат умы,
Но страшно от предощущенья пожара.*

Подошла ближе, чтобы разглядеть, и ужаснулась. Все они были в возрасте. Показалось, что пахло нафталином. У них были странно недобрые, стянутые напряжёнными мышцами, перекошенные лица с горящими ненавистью глазами. Актёры, не иначе. Удивительно, такие мастера играют массовку...

Было тревожно, но интересно. Ей казалось, что это реконструкция каких-то исторических событий. На таких бывает, что русские бьются с немцами, белые с красными... А что это? Какие события восстанавливают, она не понимала.

Среди педагогов-курсантов были и учителя из Западной Украины. Они сообщили, что в здании Киевской филармонии вечером состоится съезд или собрание РУХа. РУХ – это не так давно появившееся новое национальное политическое движение на Украине. Идти туда собирались мужчины. Женщины (но только не она!) как-то не тяготели к политике. Она попросила мужчин взять её с собой. Те не возражали, они не были её врагами. Все дружили, уважая друг друга. И только попросили: что бы она ни услышала, не комментировать и вообще стараться не открывать рот там, где уже была под негласным запретом её русская речь. Она весьма удивилась, но согласилась. Уж очень хотелось туда попасть, понять, что это.

Круглый зал филармонии был набит, как гильза порохом. Они нашли себе места только на балконе. Подробно, что там говорили, она не поняла: далеко, плохо слышно, быстрая эмоциональная украинская речь – всё так сумбурно. Но то, что Украина «по-над усах» и что во всём повинны «москаля», это прозвучало вполне отчётливо. Правда, и тогда это воспринималось, как очередной анекдот:

– В этом году у нас низкий урожай. Давайте соберёмся...

– А в этом москаля виноваты.

– Может, потому, что у нас не хватает воды и надо протянуть...

– И в этом виновны проклятые москаля.

Нина ДЕРНОВИЧ

Поэт, прозаик, автор песен. Отличник просвещения, заслуженный работник образования Украины.

Член Союза писателей России, ЛНР, Межрегионального Союза писателей. Лауреат литературной премии им. В. Дая. Автор 22 изданных книг. Произведения печатались во множестве коллективных литературных сборников и журналов. Организатор I Всеукраинского поэтического фестиваля «Краснодонские горизонты – 2009», «Муза Новороссии» (2014–2019).

– Ну хватит уже про москалей. Давайте поговорим про экологию. Предлагаю посадить парк. Как будет красиво!

– И на каждом дереве повесим по москалю...

Анекдоты рассказывались на простом украинском языке. Смешно. И не было никакой опаски. Ведь к русским хорошо относились, явно любили.

Однажды поехала на Киевский рынок. Людей, даже в тамбуре, – не протолкнуться. Кажется, все выдохнули и запрыгнули в поезд, а вдыхать уже некуда. Держаться было не за что, держали тела соседей. Но никакой озлобленности – смех, шутки: «Титко, титко, чипайся за стип-кран».

И вот он, РУХ. И ни слова по-русски. Ведущий в президиуме съезда явно привлекал внимание всех: блестящие чёрные кудри, свободная шёлковая чёрная рубаша. А говорил... Яркое! Страстно! Как пел. Иногда он резко взмахивал рукой, словно отсекал сказанное, и переходил к

новой теме. А глаза... Они лучились горящими углями. Казалось, что крикни он сейчас: «Бабоньки (или жиночки), за мной!» – и все женщины ринутся следом, пойдут за ним, сметая преграды, в огонь и в воду. Она подумала тогда – настоящий вождь!

Из того, что она поняла, он говорил, прежде всего, о выборе:

– Мы должны сделать выбор. А выбора только два – в будущее, в наше самостоятельное плавание, или в прошлое, а значит, с Россией. Конечно, прошлое привычно. Но как заманчиво будущее. И мы должны рискнуть, не страшась трудностей. Мы должны всё преодолеть и т.п.

Она далеко не всё понимала. Но этот человек, оратор, гражданин, поразил её так, что ночью даже приснился.

Прошли годы. Злые ветра да злые люди многое перевернули в стране и в её сознании: революции, перевороты, развал страны... Уже пришло хотя и время майданов, но она, россиянка, ещё могла почти безбоязненно поехать в Киев. Её интерес к политике не пропадал. Вероятно, ей надо было быть политологом, а не педагогом. Как говорят, «на ловца и зверь бежит», так и она наткнулась на очередную «предвыборную кричалку», из которой всё-таки можно понять, кто есть кто, и не смогла пройти мимо. Зал был заполнен. Остановилась у раскрытой двери, расположенной рядом со сценой. У входа в зал стояла скамья. Но сидя не видно сцены. Она осталась стоять. К скамье стремительно подошёл мужчина в чёрном длинном кашемировом пальто, вальяжно накрученном красном кашне и широкополой чёрной шляпе. Он на ходу скинул пальто и шляпу и, бросив на скамью, быстро прошёл на сцену. На нём костюм мышинового цвета, светлая рубашка с галстучком, измятые волосы такого же, как и костюм, мышинового цвета. Если бы не пальто да шляпа, она даже не обратила бы на него внимания. Похоже, что опоздал, и его поджидали, потому что сразу же он подошёл к микрофону и начал говорить. И как только он заговорил, она сразу его вспомнила. Эти рубящие движения рукой, как будто начинающие новую тему после абзаца. Подумала: «Не зря говорят, что талант

не пропьёшь, ораторский тоже». На трибуне он был вождём, призывающим на последний смертный бой. Она знала, что за ним пойдут. Сколько страсти в голосе! Так говорить может только человек, безоговорочно верящий в свою идею.

Она не проронила ни одного слова, ни одного жеста. Когда он взмахнул рукою на окончании речи, рука зависла в воздухе и потом как-то тяжело упала, мол, «да пошли вы...». Мелькнула мысль: «Лидером РУХа он был, а лидером Майдана не стал. Его зовут говорить, но не зовут руководить. Почему? Наверно, не так уж он и верит в эту идею. Просто – ораторское искусство. А что же РУХ?» Вопросы вертелись в голове. Ей так захотелось получить на них ответы... Но она помнила, о чём её предупреждали ещё много лет тому назад, – на таких сходках ей, россиянке, раскрывать рот нельзя.

Он взял пальто, начал надевать, а она молча смотрела на него широко раскрытыми, любопытными и восторженными одновременно глазами.

– Вы щось бажаєте спытаты? – спросил он по-украински.

А у неё запор мысли – начисто забыла все украинские слова.

– Так. У мэнэ е запытання, – медленно, с трудом подбирая каждое слово, произнесла она, а сама уже решила проводить его и задать вопросы там, где нет посторонних ушей.

По её произношению он понял всё, взял её под локоток, и они покинули здание. Но это не означало, что их покинули люди. Они сновали, обгоняя, задевали сумками, локтями, она никак не могла задать вопрос на русском языке, а на украинском не могла сформулировать. Неподалёку он повернул в дверь здания. Она остановилась.

– Не бойтесь, здесь мой офис. А вы что подумали? Ай-я-яй. В моём-то возрасте... – сказал он с улыбкой совершенно обыденно на хорошем русском языке.

– Простите.

И она пошла. Поверила не ссылке на возраст. Просто она была убеждена, что раз на десять девчонок по статистике меньше ребят, то нормальный мужик для всяких ненормальных

дел найдёт желающих. А в том, что он нормальный, она была уверена.

Наконец они вошли в совершенно пустой коридор. Только слышались шаги, сзади кто-то шёл. Женщина обгоняла их. Она бы даже не взглянула на эту особу, но та вдруг окликнула её по имени-отчеству. Ну надо же, как тесен мир!

– А вы, Акси́нья Петровна, почему здесь? Извините, конечно, за бестактность.

С этой женщиной, которая из их города перебралась в Киев, у неё были сложные и не очень добрые отношения.

– Да вот, провожаю Василия Андреевича. Он выступал во Дворце культуры. Ошеломительно! Я в восторге от его выступления. Бунтарь-патриот. Но я по причине речевых проблем не всё поняла. Как писатель, как журналистка решила кое-что уточнить. Но на своей мове, как вы понимаете, я беседовать прилюдно не могу.

– А я уж подумала...

Вспомнила, как только что В. А. ссылался на возраст. Решила подшутить.

– Ай-я-яй, Клавдия Петровна. В моём-то возрасте... Как вы могли?

Она говорила легко, быстро, весело... Но заметила, что В. А. нахмурился. Он остановился у двери своего офиса.

К. П. пошла дальше.

– И что это было? – спросил он.

– А что я должна была ответить? Иду к незнакомому мужчине развлечься?

– Нет, вы правда журналистка?

– Да нет, конечно.

– Так, конечно, да или, конечно, нет?

– Каюсь, член Союза писателей...

– Ну влип...

– Ради Бога! Я вами так восхищена, что ни единым словом, жестом, намёком я не причиню вам вреда. Никогда!

– Свежо предание... Знаю я вас. Сам такой.

С той давней первой встречи в круглом зале филармонии она периодически интересовалась его жизнью, слышала отзывы о нём как о приспособленце, но не верила им.

– Ну разве вы не видите, как я отношусь к вам? Вы мой герой!

– Вот-вот, герой, этого-то я и боюсь.

Он взглянул на неё, у неё действительно в глазах плясали лучики восхищения, даже восторга. И вела она себя просто, с полным и безграничным доверием.

В офисе он предложил ей сесть рядом на диван. Но она удобно расположилась в кресле напротив за журнальным столом, достала тетрадь и ручку.

– Это что? Вы действительно собираетесь меня интервьюировать?

– Нет, конечно. Но наша попутчица... Она сама, конечно, не придёт, но подойдёт кого-то точно, к гадалке не ходить. Я её знаю.

Достала из сумки недавно изданный роман.

– Дарю, и у вас будет отговорка для «любознательных»: «Захотелось поговорить с их писателем, чем они дышат, о чём мечтают, на что уповают в своей Раше».

Он только присел за стол, разглядывая книгу, как дверь резко распахнулась и в комнату не вошла, а влетела официантка ресторана, расположенного в этом же здании. В её обязанности входило разносить по офисам завтраки, обеды...

– Простите, не постучала, думала, что дверь закрыта. Заказов не будет?

– Что будем пить-есть? – спросил он гостью.

– Если можно, кофе, и ничего больше.

– Тогда принесите два кофе, бутылочку приличного вина и какие-то фрукты.

– Будет сделано.

Официантка вышла. И сразу же за дверью послышался шёпот и какая-то возня. Похоже, сорвалось предвкушение громкой сенсации. Она даже заголовки в газетах представила: «Яркий политик и возрастная писательница-москалька». Хотя нет, сейчас главное, что она принадлежит к лагерю страны-агрессора: «Кошмар! Как же он рискует. Зря я это придумала». Пока им несли кофе, он спросил её:

– А вы из каких будете? Судя по фамилии, из Белой Руси?

– Нет, это предки мужа оттуда. А я донская.

– Видно, что отчаянная. Как там, на Дону?

– Да я не совсем на Дону. Я на Донбассе.

– Так вы наша? Слава Богу.

– Да, ваша, но москалька.

– И как вы оказались на Донбассе?

– Это не я, а мои предки вместе со своими куренями, хуторами и хуторянами. Пролетарский Донбасс понадобился Сталину, чтобы с его помощью утвердить на Украине советскую власть. Ах, как не хотели этого казаки, русские люди. Бастовали, писали, слали телеграммы. Всё попадало к Сталину. А если он сказал, что так надо, отступаться было не в его правилах. Знаете, что меня во всём этом поразило больше всего? То, что последняя телеграмма-прошение об этом была отправлена в Кремль в августе 41 года. Чудовищный каток войны надвигался на Донбасс, подминая под себя всё, что впереди, а люди просились домой. Они хотели умереть гражданами России.

– Да... А кто и когда слушал и слышал народ?

А потом они говорили обо всём, но больше о политике и литературе. Он и впрямь оказался патриотом. Но не националистом.

– Выбор – это хорошо, – вспомнив первую встречу, начала она свои вопросы. – Выбор будущего – это тоже не плохо. Но за любой выбор надо платить. Вы думали о цене, которую придётся заплатить за ваш выбор?

– Конечно, думали. Но вмешались совершенно другие люди и обстоятельства, нам помешали. Не предполагали, что цена будет такой дорогой. Так жаль людей...

– А ответственность? Вы же на заре РУХа должны были определиться, кто будет нести персональную ответственность за ваш выбор?

– Думали и об этом. Но не получилось. Причина та же. Майдан отодвинул, а потом и раздавил РУХ. Кого-то даже физически.

– Вы сейчас уверены, что РУХ – было дело (или движение) правое?

– Правильность выбора показывает только результат, а результат в будущем, которого в день выбора не знаешь.

– А если бы начать сначала, был бы снова РУХ?

– Возможно. Свобода, справедливость, национальное самосознание – это же как здорово! Да и вообще – либеральные идеи, они поначалу так кружат голову.

– Так вы либерал? Ах, как вы разочаровали меня. Не люблю либералов. Особенно наших.

*Либералы чернят святое,
Прикрываясь свободой слова.
Вольноречию – совести б малость,
Им бы не заплывать за буйки.
Говорильня их – ложь, пустое,
Лишь бы Запад пославословить.
Тянут вновь на себя одеяло,
Хоть тошнит от деяний таких.*

– Нет. Уже нет. Либералы разочаровали, РУХ тоже. И Майдан. Кругом ложь, и сплошь проблемы. Я понимаю, что вы сейчас скажете. Может, только другими словами: «Если у Боба проблемы со всеми...»

– «...обычно главной проблемой является сам Боб».

– О, вы даже не другими словами, а теми же. Интересно.

Они говорили раскрепощённо и доверительно, забыв о времени, будто знали друг друга сто лет. За серыми окнами один за другим загорались яркие огни. Она решительно встала.

– Мне пора. Спасибо вам.

– Вам спасибо, журналюга из страны-агрессора.

Он тепло улыбнулся и поцеловал ей руку.

Это был удивительный, славный, умный человек. Но... потерявшийся. Совсем растерявшийся человек. Уже не вождь. И даже не глашатай. Так, по привычке его приглашают. И по привычке он выступает. Как же непросто быть настоящим гражданином своей страны!

Время РУХа ушло. Когда же закончится время Майдана?..

МОНОЛОГ НЕРОЖДЁННОГО РЕБЁНКА

*В результате обстрела блокпоста погибли четыре человека, среди них – беременная женщина.
(Из новостного сообщения)*

Сегодня я появился...
Никто об этом не знает.
У мамы красивый голос.
Она очень любит цветы.
Щебечет, что я ей снился,
Она обо мне мечтает,
Так грезит поле про колос,
А люди у рек – про мосты.

Растут, шевелятся пальцы
И к свету ручонки тянут,
Смогу я погладить ими
Родителям косы, усы.
Они будут рады – мальчик!
Потом времена настанут,
Когда с любовью обнимут
Сыночка, лишь дни и часы.

И я уже ясно слышу,
Что голос у мамы сладкий,

Что папу зовут ополченцем,
Что вместе мы будем – семья.
Сердечко моё не дышит –
Стучится, и не украдкой.
Все будут рады младенцу:
И папа, и мама. И я!

На небо таращиться мне бы,
Но в небе волна взрывная.
А я человек безответный.
Я в маме. И буду Глеб.
Так малая крошка хлеба,
Пусть чёрная даже, ржаная,
Под серым блокадным небом
Она – настоящий хлеб.

Бомбят, а мама босая.
Стреляют... Она упала.
Мне холодно почему-то.
Кричат. Всё гремит. Беготня...
Мамулечка, замерзаю...
И сразу так страшно стало.
Смута... До смерти минута...
За что... убили... меня?
Ведь я ещё не родился... **А**

Ирина ЧЕРНИЕНКО

пос. Урало-Кавказ, г. Краснодар, ЛНР

Руководитель литературного объединения «Радуга» (Краснодон).

Участник всеукраинского фестиваля поэзии «Элита-2006» (г. Луганск). Организатор I Всеукраинского поэтического фестиваля «Краснодонские горизонты – 2009», «Муза Новороссии» (2014-2019).

Печаталась в альманахах ТО СТАН и «Радуга», журнале «Территория слова», сборниках «Час мужества», «Строки мужества и боли», «Время Донбасса».

* * *

Когда пронзительным порывом,
Холодным, зимним,
Под ноги бросится обрывок
Стихов наивных
И, заметая пеленой
Всеравнодушной,
Вдруг, сбросив скованность с лица,
Мир станет слушать.
И, удивлennю вопреки,
Из снов протяжных
Когда с протянутой руки
Листок бумажный
Вспорхнёт пичугой вразголос...
(Да кто б поверил,
Что иней сыплется с берёз,
Как птичьи перья.)

* * *

По минному полю
Иду добровольно.
Играет под кожей
Адреналин.
Я знаю, как больно...
Но небо намолено,
И заговорены правила мин...
А вдруг не поверили...
Белыми перьями...
Вдруг по сценарию
Надобен взрыв...
«Что ж, я – не первая», –
Думаю нервно я.
И потеряюсь среди травы...
Кто-то заплакал.
Дождь капал и капал.
К телу прилипла душа...
Знаете правду, хотите правду?
...Тогда перестаньте дышать.

* * *

Там, где степь да овраги,
Там, где заросли тёрна,
Моё детство-бродяга
Прошагало задорно.
До сих пор память держит
Запах сена степного.
То ли прель, то ли свежесть –
Смесь того и другого.
Тут же тонет и тает
В предвечернем тумане
Босоногая стая
Во главе с атаманом.
Эх, коснуться б губами,
Ощутить вкус согретый
И босыми ногами –
Снова в детское лето.

* * *

У времени несложный механизм,
И он понятен чуткому поэту.
Тик-так – взлетает в небо оптимизм.
Тик-так – швыряет в пропасть пессимизм.
И только тишина присуща свету.
И кажется, к нему летит душа...
Но слышишь?

Тикает всё где-то.
Жизнь по минуткам кружит не спеша:
То «да», то «нет», то «да», то «нет».
...И никаких советов.

* * *

Хвалу воздать хочу труду,
Любому действию во благо.
А лень, к великому стыду,
Прости, тебя хвалить не надо.

Ты усыпляешь и темнишь,
С тобою серо и тоскливо.
Собой довольна – не творишь,
Где ни придёшь – там некрасиво.

Всё оправдаешь для себя,
Не потревожить только б делом.
Но без движения всегда
Вмиг чахнет и душа, и тело.

* * *

Играть словами что играть с огнём.
Иного искра ослепит, и память
Слой пыли затхлой быстренько смахнёт,
Чтоб мир раскрасить светлыми стихами.

Пожар другому видится костром,
Безумство правит им, и пламя
Выводит знаки угольным перстом,
Чтоб через Вечность вывести стихами.

Смотрю замороженно: языки огня
Скользят по коже и... стихают,
Чтобы слова наполнили меня
И вознесли над бездною стихами.

* * *

В один из дней забытая побуду
Сама собой, забытая на срок.
И Бог простит немытую посуду
И неметёный с вечера порог.

В один из дней сгребу в охатку звуки,
Переберу, развешу, просушу
И растолку на буквы в медной ступке...
И Бог простит за то, что я грешу.

ЛУГАНСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

* * *

Мой город далёкий, выживешь, обещаю.
Я знаю, кровь сочится со всех сторон
От множества колото-взрыво-осколочных ран,
Не закончилась ещё война, ты уже герой.
Твой житель не горлопанил на площадях,
Подливая масла в рождающийся огонь.
Теперь этот неконтролируемый пожар
Бросает твоё будущее на кон.
На тебя, как на Древний Египет, чума нашла –
Паразиты летают, ползают и жествят.
Если б я могла, то ответ нашла,
Чего они вообще для себя хотят.
Мой город в коме. Город дрожать устал.
Задыхаясь в дыму и гари, ещё живой,
И все, кого за пределы ты провожал,
И все, кто остался держаться вместе с тобой.
Я знаю, обида гложет больше, чем страх,
Если бы строили они эти этажи,
Школы, сады, дороги, дома и мосты,
Они бы не смели рушить и всё решать.
Если бы за одним из окон твоих
Сидели бы матери их, как сейчас моя,
Или детей этих если рожали бы,
Город, поверь, они бы не стали ломать
Этих жизней. Я честно не знаю, город, сколько ещё
Лететь твоим стеклам, греметь твоим небесам,
Только верю, кончено всё, и мы мир начнём
Заново. Только выживи, город, – пообещай.

* * *

Вечерний город в февральских страницах
замер,
Истории книга написана им едва.
Каждая строчка подобна глубокому шраму,
Заново кровопролитные дни проживать.
Свободно ступая средь бывших некогда
пленных,
Домов и улиц, стойких всепомящих стен,
Я презираю антимирское племя,
Что преклонило камень градских колен.
Затмением света, затмением сердца и жизни
Дни в оккупации тянулись чёрной смолой.
Тысячи головы к кирзе вражеской сложили,
А скольким за горе душой заплатить пришлось?

Алеся КАЗМЕРЧУК

г. Луганск, ЛНР

В 2016 году – победитель, в 2018 году – финалист литературного конкурса «Молодые голоса», ЛНР; шорт-листер международного литературного конкурса «Большой финал 2017–2018»; победитель фестиваля «Муза Новороссии» в 2018 году (в номинации «Гражданская и духовно-философская лирика»); участник фестивалей «Берега дружбы», «Центр Европы», «Страна берёзового ситца».

Война – преступление против живых
и мёртвых,
Неужели способен на него человек?
Возведённые города жестоко лишая свободы,
Обращает исполинов в немых калек...
Но город воспрянул благодаря героям,
Не жалевшим себя и канувшим в злой борьбе.
Они и сейчас, но уже камнетелым строим
Стоят на защите и держат данный обет.
Придёт весна и кровь взбудоражит в жилах,
Жизнью ранена, водой разольётся Лугань.
Гордым будь за свой град, всадник Ворошилов!
Вечного никому не унять огня.

Сергей ТАРАН

г. Горловка, ДНР

Родился в 1960 году. Окончил Батумское мореходное училище (техник-судоводитель) и Горловское медицинское училище (зубной техник). Автор книги стихов «Детство моё, постой», книг прозы «Рождённый свыше», «Сила искусства», «Падение в бездну», «Последний рубеж». Лауреат городских литературных премий им. Евгения Легостаева и им. Николая Бишарева. Член литературных объединений «Забой» и «Стражи весны». С 2014 года в рядах Межрегионального союза писателей.

Эхо войны

Летом 2014 года в городе-герое Волгограде праздновали День Военно-морского флота. В воздухе витали мелодии строевых маршей и песни фронтовых лет. Повсюду развевались разноцветные флаги и шары. На Мамаевом кургане проводились экскурсии. Одну из них вела молоденькая девушка-гид по имени Виктория. Контингент группы – в основном женщины с детьми. Судя по виду и диалекту – приезжие с Украины.

– Перед вами памятник-ансамбль «Героям Сталинградской битвы», созданный выдающимся скульптором-монументалистом Евгением Викторовичем Вучетичем, – продолжала свою пояснительную речь Виктория. – Композиция, возле которой мы находимся, называется «Стоять насмерть». Автор талантливо изобразил патристическую решительность советского воина-богатыря. Видимо, он приготовился к своему последнему бою. Выражение лица защитника Родины передаёт такую непоколебимую смелость, от которой возникает впечатление, что он готов погибнуть, но врага не пропустит.

Ознакомившись с произведениями искусства на площади Героев, группа экскурсантов направилась в Зал воинской славы, где огромный фрагмент бетонной руки держал факел с Вечным огнём. Голос невидимого диктора перечислял имена и фамилии советских солдат, которые погибли при защите Сталинграда. Дети слушали очень внимательно.

– Какие воспитанные ребята, – экскурсовод Вика шёпотом выразила своё удивление одной

мамочке с ребёнком-дошкольником. – Они не по годам серьёзные. Прямо как взрослые.

Родительница взволнованно перевела дыхание и ответила тоже шёпотом:

– Всё не так просто, как вам кажется. Я потом вам всё объясню...

Затем группа экскурсантов приблизилась к скульптуре «Скорбь матери». Не успела девушка-гид начать своё очередное пояснение, как раздался оглушающий залп – гремел праздничный салют. Вечернее небо озарилось вспышками ослепляющего света. И вдруг, как по команде, дети упали ниц и закрыли головы руками.

– Что случилось? Чем они так напуганы? – Вика, потрясённая увиденным, спросила у знакомой родительницы, которая склонилась над лежащим на земле сыном и, пытаясь успокоить, заботливо гладила его по голове.

Смахнув слёзы с глаз, женщина ответила:

– Этих детей привезли из горячих точек Донбасса. Они пережили бомбёжку и не понаслышке знают, что такое «воздушная тревога». Для одних салют – символ праздника, для других – эхо войны...

Завершающим этапом экскурсии был колоссальный монумент в виде женщины с мечом в руке под названием «Родина-мать зовёт». Величайшая в мире статуя вселяла уверенность в победе. И взрослым, и детям хотелось надеяться, что справедливость восторжествует... **А**

РЕАЛЬНОСТИ ГЕОПОЛИТИКИ

Что касается самой задачи обеспечения войны всем материально необходимым, то при современном размахе последней (1-я мировая. – **В. К.**), при огромной роли в ней техники и при доминирующем положении артиллерии (сегодня – ракет. – **В. К.**), самого расточительного рода войск, эта задача дошла до исключительных размеров. Все расчёты государств о количестве огнезапасов перед мировой войной были наивным лепетом на фоне оказавшейся действительности. Но набросать полную картину экономических нужд, вызываемых непосредственно войной, это значит продумать всю войну во всех её подробностях и перипетиях до крайних результатов. А это трудно по размерам задачи, это трудно по невозможности предвидеть все формы и детали грядущей войны...

А. Е. Снесарёв. «Военно-экономические перспективы Германии», рукопись, опубликованная в «Военно-историческом журнале» в 2000 г.

Почему в эпиграф я вынес размышления одного из основоположников геополитики, одного из крупнейших мировых учёных, достаточно не оценённого и сегодня, Андрея Евгеньевича Снесарёва? Потому что в этой же неоконченной рукописи он делает вывод, вроде бы касающийся Германии, а на самом деле это вывод для всех: «... Военная экономика в этом вопросе (войне. – **В. К.**), пожалуй, играет главную роль, конечно, после политики, и когда прозвучит голос последней, приказывающей воевать, Германии придётся в первую голову адресовать свои запросы и со-

мнения не к какой-либо другой дисциплине, как именно к военной экономике...»

Что сегодня для России «военная экономика»? Не лукавствуя, нужно сказать, что это экономика вообще, и в частности ВПК (военно-промышленный комплекс), развалив который мы теперь хотим его восстановить, но пока неудачно. А что касается «великой войны» XXI века, её трудно назвать третьей мировой, исходя из нынешних предпосылок, она непременно созреет. В отличие от предыдущих двух мировых, она будет особой, более разрушительной и, как мне кажется, без победителей...

Не надо игнорировать объективные законы, их надо изучать и в какой-то мере направлять! Этим и занимается геополитика.

МЕСТЬ ГЕОПОЛИТИКИ

(Развал СССР и последующие бедствия народа)

Вопрос «Что есть Россия?» мы задаём себе слишком редко. Не надо сбрасывать со счетов и то, что в этот вопрос внутренними и внешними, не побоюсь этого слова, врагами России намеренно вносится путаница. Немало сделано в последнее время и для того, чтобы русский человек не занимался познанием сущности своего государства.

Ещё в 1897 году русский публицист Лев Тихомиров написал статью, которую озаглавил «Что такое Россия?». Вопрос этот казался странным во времена Тихомирова, странным кажется и сейчас. А между тем для большинства наших граждан вопрос о сущности страны, в которой они живут, остаётся нерешённым. Странность состоит в том, что и потребность в разрешении этого вопроса мало кем ощущается. «Постоянные же колебания русского правящего слоя в понимании того, что такое Россия, приводит к таким же колебаниям в направлении политики», – справедливо отмечал Лев Тихомиров. Вопрос настолько важен, что здесь страшно ошибиться. Кажется, единственным российским политиком, признавшимся в непонимании сущности своей страны, был Юрий Андропов, у которого хватило мужества сказать: «Мы не знаем общества, в котором живём». Политики стараются избегать подобных откровений, делая вид, будто геополитическая судьба их страны и менталитет народа не скрывают в себе ни малейшей загадки. Слова Андропова были призывом к изучению советского общества, но его никто не услышал. Современные «демократы» знают русский народ ещё хуже, ибо, во-первых, уровень их интеллекта, на мой взгляд, гораздо ниже, чем был у советских руководителей, а во-вторых, в самом обществе произошёл ряд болезненных внутренних изменений.

Если мы по-разному представляем себе, что такое Россия, то мы, следовательно, по-разному воспринимаем, что для неё благо, а что – зло.

Если мы считаем Россию частью Запада, то рецепты для её благополучия будут даваться одни, а если речь идёт о России как о восточной державе, то и историческую судьбу её в прошлом и будущем нужно воспринимать иначе, и если, наконец, мы согласимся признать Россию цивилизацией не зависимой ни от Востока, ни от Запада, то необходимо стремиться к неким третьим целям.

Компромисса в этих судьбоносных вопросах нет и сегодня. Поэтому не будем воспевать Восток и демонизировать Запад, хотя в нашем недавнем советском прошлом немало было сделано для обожествления западной цивилизации. Мы диалектику учили по Гегелю, а он проповедовал, что история западноевропейских народов составляет высшую точку мировой истории. Напрочь забыто то, что именно Россия спасла Европу и от Чингисхана, и от Наполеона, и от Гитлера. Выходит только одно, что русский обязан был лить кровь и пот только во имя спасения «великой западной цивилизации»? Но, как известно, Запад ценит русскую кровь дешевле простой воды. Но советские люди воспринимали идеи Гегеля о Западе как носителя «мирового духа». Но много ли знал советский человек о том, что писали о России русские философы Иван Ильин, Константин Леонтьев, Иван Солоневич и другие? О России мы знали очень мало, так что не стоит удивляться, что советские люди так доверчиво устремились на Запад, когда «железный занавес» дал трещину. Мы никогда не ощущали себя самобытной цивилизацией. И в этом состоит одна из причин нашей незащитности перед глобализационным процессом.

Одной из причин поражения Советского Союза в последнем этапе «холодной войны» была важная теоретическая ошибка. Это игнорирование геополитики, которая была названа лженаукой ещё при Сталине, который, по моему мнению, был самым выдающимся геополитиком XX века. Победа советского народа в войне с фашизмом была predetermined именно геополитически. От войны с Россией Гитлера отговаривал и его учитель, известный геополитик Карл Хаусхофер. В ноябре 1938 года Хаусхофер пытался отговорить Гитлера от его устремлений на Восток. Но фюрер

не стал слушать бывшего учителя: он уже уверовал в собственную гениальность и не нуждался ни в чьих советах. И результат налицо.

В СССР не читали Х. Макиндера, Ф. Ратцеля, Р. Челлена, которому и принадлежит термин «геополитика», но ведь знали и читали Монтескье, Канта, Гегеля, Бокля, которые много писали о географическом детерминизме истории, о роли климата, почвы, прочих природных условий в формировании общественного строя и национального характера. Не могли же эти великие умы проповедовать какую-то «лженауку». К несчастью, советский человек, скорее, готов был поверить, верит и сегодня, в учение марксизма, чем в геополитику, и не доверяет мыслителям прошлого. Не классовая борьба, а борьба за пространство – это действительно и есть основная цель геополитики, что и показало её вековое существование. За что борются США? За своё политическое и экономическое влияние на всём пространстве земного шара, а политика и экономика есть основные орудия геополитики.

Геополитика сурово мстит за незнание своих законов, о чём свидетельствует вся история человечества. Не будем обращаться в глубину колодца истории, достаточно взглянуть на недавнее прошлое – события 1991 года (распад Союза) и постсоветской эпохи доказали, что законы геополитики неумолимо действуют в мире, и горе тому, кто пренебрегает ими. Противостояние цивилизаций происходит не по экономическим и не по идеологическим причинам. Противостояние социализма и капитализма – это своего рода «вершина айсберга», и проблемы лежат в глубине. Социализм рухнул. Что же, примирились Россия и США? Внешне, может, да. Но на самом деле конфликт стал даже очевиднее, ибо обнажилась сама суть проблемы, ранее маскируемая бездумно усвоенными идеологическими постулатами. Понял ли это русский народ, а главное – его руководители? Вопрос сегодня только в одном – перейдут ли «лидеры» России от постоянного употребления термина «геополитика» к применению на практике законов, составляющих суть этого термина?

Александр Дугин в книге «Основы геополитики» объясняет противостояние цивилизаций

антагонизмом теллуократической (отрицание индивидуализма и неприятие торгашества) и талассократической (крайний индивидуализм и космополитизм) формаций – это противоборство и есть основная формула «холодной войны». Но А. Дугин не первооткрыватель этой теории. Первым был немецкий географ Ратцель, который заговорил о противостоянии континентальных и морских держав – «теллуократии» и «талассократии». Другой, шведский мыслитель Рудольф Челлен, изобрёл термин «геополитика», окрестив им нечто среднее между географией и биологией. По Челлену, государства – это живые организмы, которые растут, стареют и пожирают друг друга (*это подтверждается кругооборотом живого в природе.* – В. К.). Эту идею подхватил немецкий геополитик Карл Хаусхофер, который был учителем Гитлера в его молодые годы. Он соединил множество чужих идей в стройную теорию, стержнем которой было величие Германии. По Хаусхоферу, гегемония «атлантических» держав (Англия и США), основанная на торговле и плутократии, приходит в упадок. Ей на смену идёт власть «материковых стран» (хартленд), из которых Германия является главнейшей. Но победить она может только в союзе с другими державами «хартленда» – Россией, Китаем, Японией...

Не слушали и наши вожди геополитика и крупнейшего аналитика А. Е. Снесарёва, который опережал своё время. В отличие от западных геополитиков, А. Снесарёв во главу угла ставил, как бы сегодня сказали, человеческий фактор. Неоконченная статья, посвящённая анализу военно-экономических возможностей Германии после Первой мировой, предупреждала, что условия Версальского мира объективно создавали почву для военного реванша Германии: *«Ещё ужаснее этой смерти (политической) то ярмо раба, которое выносит ныне страна (Германия). Отсюда естественно, что взор измученного народа вынужден обернуться за спасением к тому же страшному оружию, которое свалило когда-то страну в пучину, к войне».* Звучали предупреждения о войне мирового масштаба и в других работах А. Е. Снесарёва. Но кто к ним прислушался?

Подобное происходит и сегодня. Например, наша современная военная политика берёт себе в

учителя и советчики зачастую недобросовестных «друзей». Они-то знают, что на самом деле представляет собой Россия, поэтому и прилагают все усилия для её ослабления, а не усиления. Свои же аналитики остаются на задворках...

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ

Раскинувшаяся на огромной территории Евразийского континента, имеющая в соседях большое количество государств, участвующая в урегулировании многих конфликтов, Россия должна иметь особую геополитику, отличающуюся от геополитики других государств. Она призвана, хотим этого или нет, играть роль своего рода геополитического моста и посредника между странами Запада и Востока, не отдавая предпочтения никакой из них. Большая мировая игра уже многие годы идёт не между Москвой и Вашингтоном, а между Вашингтоном и Пекином. В этих условиях в долгосрочной перспективе у России есть только одна возможность сохранить реальную независимость. Мы не должны избирать себе в качестве главного и единственного союзника ни США, ни Китай, ни Евросоюз. Наиболее разумный курс для Москвы – поддержание одинаково ровных отношений со всеми тремя геополитическими центрами и игра на противоречии между ними. «...Русская национальность, государственность и культура с чрезвычайной степенью резкости отражают индивидуальные особенности русского народа, принципиально отличные от индивидуальных особенностей и Европы, и Азии. Россия – не Европа, но и не Азия, и даже не Евразия. Это – просто Россия» (Иван Солоневич, «Народная монархия», стр. 11).

Россия обладает уникальными возможностями для эффективного участия в жизни Европы и Азии. Но эти возможности не защищают её от жадных взглядов на её просторы и природные богатства как раньше, так и сегодня. Высказывания о нерациональном использовании природных ресурсов Россией звучат пока со стороны неофициальных лиц, неправительственных организаций, но это не значит, что так не думают и правительства этих стран. И по сей день актуальны

слова нашего русского учёного Д. И. Менделеева: «Россия – это “особая”, непознанная и неосвоенная страна. Она представляет собой и цель, и средство для экономики многих стран. Ещё больший интерес она будет вызывать, когда многие народы реально столкнутся с результатами своей материальной деятельности, с проблемой жизненного пространства».

Поистине пророческие слова. Об этой проблеме, сохранении России, с тревогой говорят и современные русские учёные. Так, академик Г. В. Осипов на одной из конференций по проблемам безопасности России подчёркивал, что «погоня за прибылью и потреблением не может более из-за ограниченности ресурсов рассматриваться как движущая сила развития цивилизации. Каждый человек в передовых странах Запада потребляет за свою жизнь в 20–30 раз больше ресурсов планеты, чем гражданин стран “третьего мира”... Отсюда становится понятна экономическая угроза, которая реализуется в никем не отменённой борьбе США, Западной Европы, Японии и Китая за естественные богатства России».

Академик не говорит о военной составляющей только потому, что понимает: в настоящее время его могут обвинить как дома, так и за рубежом во всех смертных грехах. Но невысказанная мысль верна.

Есть разные пути использования естественных богатств, находящихся в распоряжении суверенных государств. Они разделяются на цивилизационно-договорные и агрессивно-силовые. Последнее подтверждают если не все, то многие войны в истории человечества, в том числе нападение США на Ирак... И нет гарантии, ведь никто не отменял агрессивной сущности человека, что не появится лидер, который захочет отнять у России её богатства силой оружия.

Следует отметить, что геополитическое пространство России не было подарено небом, а приобреталось Россией в результате длительной борьбы, благодаря мудрым руководителям и ценой больших потерь. На протяжении всей истории она испытывала политический нажим с разных сторон и разного содержания, начиная с тихого проникновения «варягов» в экономическую и

политическую структуру государства и кончая открытой военной агрессией. С 1055 по 1462 год история знает 245 нашествий на Русь, а также внешних столкновений. Из 537 лет, прошедших со времён Куликовской битвы до момента окончания Первой мировой войны, Россия провела в боях 334 года.

Известно, что с X по XIX век из 170 военных лет более 150 лет Россия вела войны на собственной территории. Были походы русской армии и за пределы своей территории для нанесения превентивных ударов и ведения наступательных войн, но в основном в составе коалиций государств и в интересах союзников. Только Россия смогла провести и победить в двух Отечественных войнах мирового масштаба.

При этом история государства Российского свидетельствует, что подавляющее число войн против него приходилось на период становления государственности, неустойчивого международного положения и «смутных времён», созданных не без помощи извне.

Начиная с 1917 года политическая история планеты была привязана к социальным процессам, происходящим в России. Создание принципиально новой общественной системы радикально повлияло на характер политических отношений во всём мире. К сожалению, эксперимент не удался по вине политических руководителей, а не народов. О чистоте международных отношений в этот период говорить не приходится. Многие государства самым активным образом вмешивались в дела России, пытаясь погреть руки у костра гражданской войны... Некоторые до сих пор, забыв свои долги перед Россией, требуют с неё свои барыши, а другие развиваются за счёт российского золота!

Когда закончилась «холодная война», многие западные политики откровенно признались в том, что они приложили значительные усилия для того, чтобы «уничтожить коммунизм в России». Доказательством может служить выдержка из выступления Билла Клинтона (президента США) на секретном совещании Объединённого комитета начальников штабов 24 октября 1995 года: *«Последние десять лет наша политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на*

устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачёва и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советами посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием – мы получили сырьевой придаток, а не разрушенное атомом государство.

Да мы затратили на это многие миллиарды долларов и уже сейчас близки к тому, что у русских называется самоокупаемостью. За четыре года мы и наши союзники получили различного стратегического сырья на пятнадцать миллиардов, сотни тонн золота, серебра, драгоценных камней и т. п. Под несуществующие проекты нам переданы за ничтожно малые суммы свыше двадцати тысяч тонн алюминия, две тысячи тонн цезия, бериллия, стронция и т. д. Многие наши военные и бизнесмены не верили в успех предстоящих операций. И напрасно. Расшитав идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке. Наша цель и задача в дальнейшем оказывать помощь всем, кто хочет видеть в нас образец западной свободы и демократии.

*Когда в начале 1991 года сотрудники ЦРУ передали на Восток для осуществления наших планов пятьдесят миллионов долларов, а затем и ещё такие же суммы, многие из политиков, а также военные не верили в успех дела. Теперь же, по прошествии четырёх лет, видно, что наши планы начали реализовываться. Однако это не значит, что нам не над чем думать. В России, в стране, где ещё недостаточно сильно влияние США (в этом Клинтон прав. – **В. К.**), необходимо решать одновременно несколько задач: всячески стараться не допустить к власти коммунистов, особенное внимание уделять президентским выборам.*

Нынешнее руководство страны нас устраивает во всех отношениях, и поэтому нельзя скупиться на расходы. Они дадут свои положительные результаты.

Организовав Ельцину пост президента на второй срок, мы тем самым создадим полигон, с которого никогда уже не уйдём.

Для решения двух важных политических моментов необходимо сделать так, чтобы из президентского окружения Ельцина ушли те, кто скомпрометировал себя.

Если нами будут решены эти две задачи, то в ближайшее десятилетие предстоит решение следующих проблем:

- расчленение России на мелкие государства путём межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы нами в Югославии;

- окончательный развал военно-промышленного комплекса России и армии;

- устранение режимов в оторвавшихся от России республиках, нужных нам.

Да, мы позволим России быть державой, но империей будет только одна страна – США» (газета «Новое русское слово», США).

Несмотря на то, что геополитический ландшафт после распада СССР, мировой системы социализма, Варшавского договора радикально изменился и Россия уступает по многим параметрам, внутренние процессы, происходящие на её территории, привлекают внимание всего мира. Отечественные эксперты, и особенно зарубежные, вынуждены признать, что от характера развития событий в России как ядерной державе, обладающей ещё солидным экономическим потенциалом и огромными природными ресурсами, зависит судьба всего мира.

Радикальные изменения после распада СССР резко обострили проблему использования уникального геополитического положения для реализации государственных интересов России по всему спектру жизненно важных задач. Экономический кризис и социальная нестабильность (они присутствуют и сейчас) неизбежно стимулируют попытки других государств так влиять на развитие событий в России, чтобы использовать складывающуюся в нашей стране ситуацию для решения своих национальных задач. Например, всякие «марши несогласных», которые не поддерживает народ. Но, к сожалению, и власти здесь действуют, мягко сказать, неумно.

Как известно, геополитические интересы страны формируют и её военную политику,

конечно, с учётом существующих внешних и внутренних опасностей и угроз. К сожалению, в современном мире их существует достаточно много. Их только надо увидеть и правильно оценить. В соответствии с этим и создаётся нужный военно-силовой инструмент, способный эффективно обеспечить собственную национальную безопасность страны и своих союзников. Но нужно признать, что современная военная политика, (которая вызывает удивление не только спецов, но и людей, разбирающихся в этих вопросах), проводимые реформы армии и силовых структур не соответствуют интересам России. Создаётся впечатление, что Россию не интересуют геополитические позы, а только безопасность вновь выросшей из навоза «элиты». Эта «элита» признаёт только сам термин «геополитика», который применяет к делу и без дела, без всякого содержания. А почему? Это отдельная тема.

В последнее время появляются новые теории, оправдывающие новое мироустройство. Они не отрицают геополитику как науку, даже используют в своих целях. Например, «сеть» – это новая, внедряемая силами глобализации метатехническая организация человечества, пришедшая на смену капитализму и социализму. Как следует из теории сети, отношения между высшим и низшим классами в нетеоκραтическом мироустройстве складываются по принципу «господ» и «рабов», потому что только безусловная «покорность раба делает господина истинным господином». Теория явно реакционная, я бы сказал, даже более, чем фашистская. Её положения во многом противоречат выводам геополитики, особенно тем, какие проповедовал русский геополитик А. Е. Снесарёв.

Но, несмотря на антинародную направленность этого «учения», это модное слово «сеть» всё чаще звучит в речах нашей новоявленной «элиты». Переход на сетевую организацию объявляется единственным путём спасения России, стержнем русской национальной идеи. Это обольщение является большой иллюзией, мифом «патриотов», которые, не зная своей страны, наносят ей удар, а не приносят благость.

Русский народ – это самый государственный народ, народ-богоносец, способный объединить

вокруг себя другие народы в державном строительстве, что подтверждено многовековой историей. *«Сейчас мы реально стоим перед опасностью того, что “Запад”, обещая России всякие материальные блага, остаётся слепым к национальному инстинкту народа, ибо “Запад” действовал и продолжает действовать на основании тех, почти единственных источников, какие имеются в его распоряжении...»* (Иван Солоневич, «Народная монархия», стр. 226). Уничтожению России сейчас подчинена вся мощь сети, включая военный потенциал США и других стран НАТО.

Кроме того, возникновение и расширение конфликта образующихся зон вблизи границ России, особенно южных, динамизм политических процессов в ближнем зарубежье затрудняют не только адаптацию России к новым геополитическим реалиям, но и создают прямую угрозу её безопасности.

Сегодня можно выделить три условных рубежа, блокирующих реализацию геополитического потенциала России.

Первый – это «противостояние империи» политических сил (заметьте – не народа) в некоторых бывших союзных республиках. Их действия направлены на строительство своей независимости на принципах дистанцирования от России, опору на спонсорство Запада, и прежде всего США.

Второй рубеж образуют бывшие страны социалистического содружества, сделавшие русофобию принципом своих отношений с Россией. Русофобия в обоих случаях выступает как плата за сохранение власти и повод заручиться покровительством более могущественных государств – США, Англии, Франции, Германии и т. д. Их вступление в НАТО есть добровольная сдача самого важного атрибута независимости – обороны и безопасности – на милость могущественного военного блока.

Третий рубеж образуют бывшие традиционные противники СССР, перенёвшие претензии к нему на сегодняшнюю Россию. Следуя традиционной логике конкурентной борьбы времён «холодной войны», они объективно не заинтересованы в могуществе России. Это отчётливо проявляется в активизации разведывательной деятельности на территории России, в скрытом

соперничестве между ведущими государствами мира за влияние на Россию. Например, соперничество США и Китая за Россию. Кто для нас предпочтительнее? Китай вроде друг, внешне всё замечательно. Но непросто складывается ситуация в сфере экономического и энергетического сотрудничества. Далеко до полного доверия и в военной области. И главное, граждане КНР в подавляющем большинстве воспитаны (и продолжают воспитываться) в убеждении, что Россия остаётся «территориальным должником» Поднебесной.

Если Россия будет пассивно наблюдать за развитием событий (*такая тенденция наблюдается. – В. К.*), то, подчиняясь законам геополитики, она может оказаться в нескольких качествах на мировой арене:

- буфера между соперничающими военнополитическими силами или союзником одной из мировых и региональных сил;

- пространства сведения счётов между враждующими группировками, постоянно дислоцирующимися за её пределами и на время разборок устремляющимися на территорию России;

- резерва для пополнения материальных, интеллектуальных и военных ресурсов соперничающих сторон, которые по своему развитию и активности в международной жизни вырвались далеко вперёд (*слава Богу, ещё хватило ума не ввязаться в бойню в Ираке на стороне США. А ведь они просили. – В. К.*). И другие моменты.

Будущее России во многом будет зависеть от того, как она сумеет эффективно распорядиться уникальным геополитическим и стратегическим положением, своими природными богатствами, экономическим потенциалом и культурными ценностями в интересах обеспечения безопасности и развития страны! Сегодняшняя Россия – это далеко не СССР. Мы уже давно превратились в региональную державу. А любая региональная держава выживает за счёт маневрирования и построения баланса интересов. Но, к сожалению, никто в этом не хочет признаться, и все ещё считают себя «великой державой»!

Вадим КУЛИНЧЕНКО,
капитан 1-го ранга в отставке,
публицист

ЗНАК

Кузьма Лукич заходил в дом и, не замечая меня, семилетнего мальчика, здоровался с бабкой и дедом. Ставил в угол суковатый батожок и устремлялся в горницу...

Высокий, сутулый. Он зарос густой и широкой рыже-русой бородой. Круглые, со слезой глаза, стриженная овечьими ножницами голова имела форму улья. Я не спуская глаз смотрел на Кузьму Комкова, на его нечёсаную, с проседью бороду, широкое лицо, горбатый нос и глубоко посаженные острые глаза. Пронзительная улыбка.

Садился он на лавку широко, основательно, как будто навсегда. Уставившись на деда своими колючими прозрачно-коричневыми глазами, как у филина, Лукич улыбался, спрашивал деда о колхозных делах, но разговор не налаживался. И тогда Кузьма вынимал из бокового кармана допотоптную склянку с самогоном, замысловатую и гранёную, ставил на стол. Дед мой оживлялся, приносил стаканы, и бабка начинала заводиться – ворчать так, чтобы слышал Кузьма.

– И чего ходит? – ныла бабка. – От делов отводит... Вот и ходит, и ходит...

– Мать, а мать, – по возможности ласково и сердечно просил мой дед бабку – он называл её «мать», – дай-ка нам чего-нибудь зажевать, занюхать чего-нибудь...

– Вот как сойдутся пара – лапоть да сапог, не разлей вода... И всё «дай» им! А чего я вам дам? Так вот пили бы и пили, да вот болтовня и курятина...

Бабка лукавила. «Болтовня и курятина» бывали нечасто, только на праздники: престольные или советские, и тогда бабка, покончив со всеми делами, сама уходила к соседке, не могла она терпеть подвыпившего деда, не в

меру разговорчивого и храброго. Но и в простые зимние вечера временами горницу наполнял табачный дым, зависал под потолком облаком, на полу валялись оплётанные окурки, взрывы хохота приводили бабку в трепет, терпение её раскалывалось, истощалось.

– Мужики, – растворяя дверь из кухни в горницу, совестила бабка, – мужики, ай не стыдно в чужих людях сидеть до глубокой ночи? Дайте хоть поужинать спокойно. Поди-ка, и в уборную захотели?

И тут же накидывалась на главного вино-вника сборищ, на деда:

– А с тобой, доходяга, я после поговорю! Я тебя сковородником приласкаю!

И когда страсти накалялись, ссора набирала силу драки, мужики нехотя уходили...

Но самым главным и желанным слушателем был дед Кузьма. Тут открывались самые сокровенные дела и думы. Даже и в брежневские времена, когда, по слухам, снова начали хватать за болтовню, открывались подкладки совсем не героической стороны прошлой войны. Один из таких дней особенно запомнился мне.

– ...Слыхал, что наговорили тут эти вояки? – спрашивал дед Терентий никогда не воевавшего Кузьму, случаем ли, хитростью увернувшегося от призыва. – Слыхал? – спрашивал дед после очередного сборища. – Прямо жуть берёт, герои. Когда войны и в помине нет. Языки они брали, штабы громили, кровь мешками проливали! А им было-то тогда кому двадцать, а кому и поменьше. Моему старшему и средненькому ровесники. Как же, и я понимаю, худо им было. У самого двое сыновей погибли, два брата и племянш. Да эти-то все на фронт попали когда?

– Когда? – переспрашивал Кузьма без интереса.

– Когда уже поперли немцев: сорок третий, сорок четвертый, вот когда. А вот когда от них драпали, худо им было, необстрелянным-то.

...Всё это, и приход Кузьмы Лукича в тот день в наш деревенский дом, и двух стариков-инвалидов: один – с культёй, другой – без ноги, не любивший искусственных «непослушных» протезов, а носивший самодельный, как в дупло втыкавший туда культю левой ноги, – живо вспомнилось мне теперь, когда я прочитал в газете «Неделя» за май этого года статью. Как по сердцу ударила: «Порядок клеймения». В 1942 году, 20 июля, вышел приказ Верховного командования сухопутных сил. Берлин – Шёнеберг: «Советские военнопленные должны быть клеймены особым устойчивым знаком. Знак состоит из снизу открытого острого угла, около 45 градусов и 1 см длины, на левой половине ягодицы, на расстоянии пяти пальцев от заднего прохода. Знаки делать ланцетами, какие находятся в каждой воинской части. В качестве краски употреблять китайскую тушь...»

Это был праздник, верно, День Победы, и бабка не ворчала на то, что все четверо – и Кузьма, и дед, и двое инвалидов – все были под хмельком. Она всё что-то подавала на стол, то и дело меняла щи, картошку, жёсткую жёлтую солонину с аппетитным мясом и лубяной шкуркой резала ломтиками, а я делал вид, что учу уроки.

Бабка приносила грузди ароматные, исчерна-розовые в рассоле, и пухлые оладушки. От самогона отказывалась, её неволили, силком усаживали на табуретку, она пригубила, намочила язык и замахала ладошкой: «Ну яд, как есть яд...»

В конце концов не выдержала, увела меня из горницы, отгоняя ладошками дым от самосада, затворила за нами дверь в кухню, а я прилачился с уроками на краешек подоконника. В горнице дым стоял коромыслом. Друг зья прикладывались к самогонке по единой, но неоднократно. Они перебивали друг друга, спорили, упрекали. Наконец опустела огромная диковинная склянка, и, очевидно, воспоминания о войне в тот день достигли самой высокой точки, апогея.

Василий Васильевич КИЛЯКОВ

Родился в 1960 году в Кирове. После окончания Московского политехникума работал мастером на заводе, служил в армии. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Публиковался в журналах «День и ночь», «Гостинный Двор», «Литературная учёба», «Наш современник», «Новый мир», «Огни Кузбасса», «Октябрь», «Подъём», «Юность», в газете «Литературная Россия» и других изданиях. Лауреат всероссийских литературных премий «Традиция» (1996), им. Б. Н. Полевого (1996), премий «Умное сердце» (2010), «Дойче Велле» (Берлин, 1992) и др. Обладатель «Бронзового Витязя» (2019) Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Лауреат Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» Издательского совета РПЦ (2019). Член Союза писателей России с 1996 года. Живёт в городе Электросталь Московской области.

– Ха-ха-ха, – громко смеялся дед Кузьма, – верно, верно, я вспомнил, вас тогда шестерых забрали...

– Да ты слушай, Кузя... На фронт-то забирали кого в чём: старенькие сапоги, телогрейка. В шапках, годных только на галчиные гнёзда. А в холщовых сумках за плечами – яички, сухарики, пышечки-фуишечки... Негусто. А осень была мокрая, будто небо плакало об нас, горемычных, всем было кому под сорок, а кому и больше. У меня пятеро оставались, наострили тогда сдуру. Всей деревней провожали, море слёз выплакали. Мой младшенький вцепился в меня: «Тятка, возьми меня с собой». В воен-

комате разделили всех по спискам, двое только и вернулись: Семён Таракан без ноги, да я из плена. От Сонино часов пять шёл. Доходяга, будто кровь из меня выцедили.

Двое инвалидов из соседнего села курили молча и сумрачно. Я делал вид, что тружусь над прописями, а сам напряжённо вслушивался.

– А меня бог миловал, – весело, смеясь, говорил дед Кузьма, как бы нарочно хвалясь: какой он всё же хитрый, умный, лучше всех из Выселок. – Бог миловал. Спасибо, я мужик такой ловкий...

– Ты сам себя миловал, ловчил, – оборвал его дед Терентий. – Я же один раз комиссию проходил с тобой в сорок первом. Чего ты так вырядился-то? Помнишь? Одна нога в сапоге разбитом, другая в калоше старой на верёвочках. Все норовили почище одеться, помылись в бане, а тебя как из нужника вытащили.

Мужики все загудели недовольно.

– Я тогда золотарём был...

– Да знаю, что не комиссаром. Ты и сейчас-то всё плутуешь, выгадываешь.

Мужики заговорили громко, всё больше хмелея. Пустой посуды на столе было много. Из четырёх братьев деда моего погибло двое, а дед был в плену фашистском, погибли два племянника, один пропал без вести. Словом, за дверями в горнице счёт шёл громкий, старики ошибались, поправляли самих себя, а мы с бабушкой скучно сидели в кухне и хлебали жирные щи с оладьями. Вдруг слышим – плач не плач, смех не смех... «Ну-ка глянь, чего он там, дед-то... Вот горемыка-то, – ворчала бабушка незлобиво, – чего-то выкозюливает, глянь-ка».

Дед показывал клеймо точно на том месте, как приказывал шеф Верховного командования сухопутных сил, согнувшись, а мужики смотрели и почему-то смеялись. А дед плакал и ругался. Китайская тушь уже плохо была различима на ягодице левой половины, но было заметно.

Очевидно, бабушка не знала о клейме, дед не показывал и ни в оттепель, ни после никому не говорил, а в баню ходил всегда один и после всех. И хотя вся деревня знала, что он был в плену и что его систематически таскали в районное энкавэдэ, тайну знака он не выдавал,

совестился, что ли, не хотел ли беречь душу, бог его знает. А тут, по пьянке, при долгой беседе, да ещё в такой день не выдержала душа обиды, не телёнок ведь, человек...

Сидели за плен не все. Деда только «таскали», как он говорил тогда бабушке: спрашивали всё одно и то же, записывали и бумаги сверяли.

– Ну, чего он там притих-то? – спросила бабушка, когда я вернулся в кухню. – Чего, языком корова отжевала?

И когда сама, громко закрыв печь заслонкой, раскрыла дверь и посмотрела в горницу, начала ругаться:

– Капли пить нельзя, хоть ополосни и в гроб положи, а вот неймётся. Эка надобность зад мужикам показывать?! У всех раны есть: тот без кисти, этот без ноги...

– Молчи, дура, дура стоеросовая! – озлился дед. – Ты знак посмотри, не видала же...

Бабушка уже плохо видела след далёкой беды, но и она как-то сникла, заплакала, схватила за чем-то меня за руку и увела в кухню. И, чего с ней никогда не было, вдруг налила в стакан граммов сто и залпом выпила. А выпив единым духом, вытерла уголком платка глаза и губы.

В горнице стало тихо, как будто там никого не было, хромали ходики. Через минуту-другую дед скрипучим тихим голосом сказал бабушке:

– Эй, Ильинишна, принеси-ка нам, у нас тут вся!

И бабушка, всегда ворчливая, недовольная, вспыхивавшая, словно береста на огне, от слова «вся» как-то порывисто, как молодая, снялась с лавки, мельком взглянула на причудливую склянку Кузьмы Лукича, трогательно и неловко прижимая к плоской своей груди, принесла из значки начатую когда-то бутылку очищенной настоящей сельповской водки и отдала старикам.

Всё это запомнилось зримо: и еле заметный уголок на левой ягодице деда, и угрюмый инвалид с оборванной кистью, и деревянный протез хромого с резиновой набивкой снизу...

Многое случилось и после этого за двадцать лет моей жизни, но вот этот знак... Открытый острый угол, верно, много раз подновляли, размывая тушь. А как это делали, дед рассказы-

Клеймо гитлеровской Германии

И держу страшный документ. Он испещрен аккуратными строчками, пунктами, подписями, подчеркиваниями. И один в своей комнате. Тихо, спокойно, ничего не произошло.

И вдруг я вижу: у меня дрожит рука. Я уже давно не читаю. Всплыв мой оставшийся. Но я не могу оторвать его от страшного знака на бумаге, испещренного рогушкой ужом вверх «А».

Я уже никогда в своей жизни не позавидую этого знака. И я уверен — его не позавидует ни один русский, советский человек.

Он был придуман, этот знак, в Берлине, на Баденштрассе, 51. Там помещается начальник военнопленных, находящийся в ведении верховного командования вооруженных сил Германии. Само

он делает из военнопленного своего раба, своего каторжника. Мало ему, что на военнопленного он падает землю. Он уравнивает своего пленника полностью со скотом, навеки выжигая, вытравливая на живом его тело свое фашистское тапиро!

И — да! — поменяли церемоний при этом грязном деле! Пункт третий приказа говорит, что это — «не врачебное мероприятие». Чтобы — чего доброго! — гитлеровцы не подумали, что жечь человеческое тело должны медики или санитары. Нет, нет! У Гитлера так много рабов на Восточном фронте, что санитарного персонала ему не хватает. Нет, клеймить русских пленников может всякий полицейский и любой жандарм. Не беда, что пленные при этом похоронят. Им не принимать — они все равно еле дышат.

вал со слезами, трезвый же — никогда и никому. И это, если понять его стыд, была и в самом деле глубокая трагедия человеческой души. И вот я выписал из той же «Недели» статью полувековой послевоенной давности: «Порядок клеймения таков: стянутую кожу намочить китайской тушью, потом поверхностно колоть расклеванной ланцетой. Для устойчивости знака каждые 14 дней, 4 недели, 3 месяца знак проверять и по необходимости возобновлять. Это мероприятие не должно мешать работе. Поэтому клеймение работающих провести по возможности в бараках рабочих команд или при следующей дезинфекции». Так приказал шеф Верховного командования.

Дед в послевоенные годы брал меня с собой в баню. Шли мы с ним медленно: высокий гнутый старик с полотенцем на плечах, такой немногословный и такой родимый — так и остался он у меня в памяти.

О всех ранах, рубцах и ожогах я расспрашивал его, а про знак, сделавшийся каким-то грубым наростом величиной с грецкий орех и даже схожий с этим орехом, — об этом знаке так и не спросил, не осмелился. А надо бы. Надо спрашивать, и рассказывать надо. И вспоминать об этом надо. И когда я волей судьбы был закинут в Берлин, ходил в наше трагическое время «реформ» вдоль разрисованной и разбитой Берлинской стены, вдоль сияющих супермаркетов и гаштетов, в которых пьют тягучее пиво и одобряют «продвижение НАТО на Восток», я вспоминал бедный, заставленный пустой посудой стол в моей деревне, слёзы деда и радостные возгласы Кузьмы Лукича:

— А меня бог миловал! Бог миловал!..

КОМАНДУЮЩИЙ
ПОЛИЦИЕЙ ПОРЯДКА УКРАИНЫ
— Ia —

Перевод с немецкого
Копия
4 сентября 1942 года.

СОДЕРЖАНИЕ: Обозначение клеймом советских военнопленных

Нижеследующая выдержка копии направляется служебным канцеляриям и сведениям.

Заверил: За командующего:
Обервайнхист охранной Начальник штаба:
полицейской. Подпись: МЮЛЛЕР-БРУННГОРСТ

Разослать: Всем к-рам полиции порядка, каждому по 9 экз. по —
Копия в копии

ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ.

Ап2ф 24.82 Нач. военнопленных (с) общ. (Ia) IVe № 3142/42
Берлин-Шенеберг, 20.7.1942 Баденштрассе 51.

СОДЕРЖАНИЕ: обозначение клеймом советских военнопленных.

1. Советских военнопленных следует метить особым постоянным клеймом.
2. Клеймо представляет собой расширяющийся клин открытый острый угол приблизительно в 45° с длинной стороной в 1 см. на левой половине ягодицы, на расстоянии, примерно, в ширину ладони от вагенопроходного отверстия. (A).
3. Клеймение не является врачебным мероприятием. Поэтому, а также ввиду нехватки санитарного персонала, не следует нагружать его осуществлением немецкий санитарный персонал.
4. ип.
5. Клеймению подлежат:
а) все вновь взятые советскими военнопленные в районе действий командующего вооруженными силами Востока и Украины и военного командования в Генерал-Губернаторстве во время прохождения первой санитарной обработки.
б) все остальные военнопленные в районе действий Верховного командования Украины до 30 сентября 1942 года. Доложить о выполнении приказа к 15 октября 1942 года.
6. Проведение этого мероприятия не должно мешать использованию военнопленных на работах.
7. Как только клеймо ставится, об этом тотчас же делается пометка в личной карточке 1 в столбце «особые приметы» знаком
«^» 1942 г.
8. ип.

Начальник штаба верховного командования
вооруженных сил.

По поручению: подпись.

Руководитель СС и полиции в Сталино — командир полиции
порядка —
— III —

Копии разослать названным в рассылке служебным канцеляриям.

Рассылка: командиру полиции порядка 38 экз., командиру жандармерии 10, гарнизоному руководителю СС и полиции 26.

С подлинным верно:

Лейтенант охранной полиции.
(Подпись неразборчива).

I.V.

Подпись: (ЛО03Е)

Подлость палачей

Нет более почетного звания в нашей стране и во всем мире, чем воин Красной Армии. Он принял на свою грудь, как на тяжёлую наковальню, первые удары гитлеровского молота, и немецкий молот, нанесенный для смертельного удара по всему человечеству, надломился, ударившись о могучую грудь русского народа.

Два года воин Красной Армии выдерживал чудовищное давление военной гитлеровской машины и не пошатнулся, и не ослабел духом, но с честью и самоотверженно боролся один против полчищ в технике всей Европы, и в огне войны становился ловчее, упорнее, умнее, выдержавшее и превосходнее противника, и душа воина русского делалась суровее и непреклоннее в любви к родине и ненависти к врагу.

Земля не будет вертеться вокруг фашистской оси. Немцы не будут считать себя «расой господ», распоряжаться, как в ле-

Вопли Красной Армии, доведу до нашего сведения документ германского «верховного командования вооруженных сил». Документ издан в Берлине (Берлин-Шенеберг, Баденштрассе 51) командующему «Полицией порядка Украины», а его начальником штаба неким Мюллером-Бруннгорстом направлен командиром полиции порядка для исполнения. К нам он попал подписанный неким Лозе.

Вот этот документ.

Верховное командование вооруженных сил. Содержание: обозначение клеймом советских военнопленных.

«1. Советских военнопленных следует метить особым постоянным клеймом.

2. Клеймо представляет собой расширяющийся клин открытый острый угол приблизительно в 45° с длинной стороной в 1 см. на левой половине ягодицы, на расстоянии, примерно, в ширину ладони от

Иван МАКАРОВ

Коренной житель посёлка Чернухино. В 1985 году окончил восьмилетнюю школу № 35. В 1989 году окончил Дебальцевский техникум железнодорожного транспорта. В 1989–1991 годах – служба в рядах Советской армии: ЗГВ. С 1991 года по настоящее время – машинист тепловоза в депо Дебальцево-Сортировочное. Лауреат фестиваля «Муза Новороссии – 2019».

РОДНОЙ ПОСЁЛОК

Чернухино – посёлок небольшой
С историей таинственной и древней.
Конечно, не сравнить его с Москвой...
Да и Москва слывёт большой деревней.

Чернухино – посёлок небольшой.
А для меня он центр во всей Вселенной.
О, как я тосковал в стране чужой,
Когда на службе состоял военной...

Чернухино – посёлок небольшой.
Но нет на всей Земле милее края!
Люблю родной посёлок всей душой
И за его судьбу переживаю.

ДЕТСТВО

Мальчишкой дерзким рос в семье простой,
Природа мне была подругой верной,
О, как я любовался красотой...
Дитя оврагов, жертва доли скверной.

У самого оврага дом стоял.
У нас был сад на склоне огорода...
От повседневной суеты свобода...
В саду я все невзгоды забывал.

Внизу ручей серебряный струился...
Я любовался чистотой воды;
Плескался он, журчал, о камни бился
И наполнял глубокие пруды.

В овраге всё дышало вдохновеньем,
Куда ни глянь – повсюду красота.
И восхищаясь соловьиным пеньем,
Стихи шептали юные уста.

* * *

Я хочу быть русским – извините!
Нету больше сил душой кривить.
Грязные лапищи уберите
И не смейте обо мне судить.

Мой отец приехал из Рязани
Строить шахты, поднимать Донбасс.
Наши корни в Туле и в Казани.
Так за что же ненавидеть нас?

Из Тамбова, из Орла, из Курска –
На Донбассе были все нужны.
Говорили все они на русском.
Я не вижу в этом их вины.

Сорок лет живу я на Донбассе.
Уезжать в Россию не хочу.
Учат дети мову* в школьном классе.
Дома – я их русскому учу!

* Мова – язык (укр.).

БЕЛАЯ ЛУНА

Из-за тучи выплыла белая Луна.
Где-то в электричке едешь ты одна.
Ехать тебе долго, на дворе темно,
Лишь луна бросает тусклый свет в окно.

В голове тревожных мыслей ураган:
Вдруг по электричке бродит хулиган.
Он к тебе подсядет, будет приставать...
Этой лунной ночью мне уже не спать.

Значит, не увижу я тебя во сне.
На душе тоскливо, беспокойно мне.
Это оттого, что едешь ты одна.
Оттого, что в небе – белая луна.

Игорь ЛЫСЫЙ

г. Донецк, ДНР

Член Союза писателей ДНР, член литобъединений «Логос» при Союзе писателей ДНР и «Светоч» (г. Донецк). Произведения печатались в коллективных сборниках и альманахах в Донецке (более 30 изданий), одно в Москве («Надежда счастья»), в литературном журнале «Автограф». Автор четырёх сборников стихов и прозы.

В 2018 году был награждён медалью «Доброволец Донбасса» за помощь в выявлении и задержании диверсионной группы на территории Донецка.

БЕЗЫСХОДНОСТИ НЕТ

Как однажды писал всем известный поэт:
«Безысходности нет,
Ведь всегда после ночи приходит рассвет».
Только как объяснить
Это всем, кто был ранен или убит,
Кто в подвалах испуганной мышкой сидит?
Милосердия нет,
В душах детских кровавый оставили след.
Не забыть, не простить это всё и за тысячу лет.
Поросли трын-травой
Те места над рекой, где я прежде гулял
с детворой,
Только ветер по минному полю пройдёт
порой.

Нет просвета.
Ночь взрывает снаряды, никто не уснёт
до рассвета.
Вот звезда подмигнёт, и пойму –
всё бессмысленно это.

Как комета,
Дымный след оставляет военное жаркое лето.
Нет ответа у вопроса, застрявшего в теле поэта.

Здравый смысл подключу и найду те слова,
Что по свету таскает людская молва:
Снова дети, как прежде, играют в войну,
Разрывая сознание и тишину...

ЖИЗНЬ РАЗДЕЛИЛАСЬ

Жизнь разделилась пополам рубцом военным.
И много незабытых ран обыкновенных.
И ноет сердце по ночам от тихой злости,
И моет утренний туман погостов кости.

И принесёт с собой рассвет дурные вести,
Пополнит списки о боях, «трёхсотых»... «двести».
И разорвётся тишина от мин, снарядов,
И почернеют небеса от слёз, обрядов.

Жизнь разделилась пополам рубцом военным.
И много незабытых ран обыкновенных.
Но всё ж с надеждою гляжу я миру в очи
И жду, когда ему скажу: «Спокойной ночи!»

БАРАХОЛКА

Был вчера на «развале»,
Люди жизнь продают.
Мне старушки шептали:
«Всё, что было, всё тут...»

Чьё-то милое детство:
Куклы, зайцы, букварь.
И от перхоти средство,
И волшебный фонарь.

Чьи-то знаки внимания
На картонке лежат.
Проявлю сострадание
И куплю, просто так.

Чьи-то знаки отличия
Продают за «пятак».
И хотя б для приличия
Я спрошу, что не так.

Тут тарелки, сервизы
И столовый хрусталь...
Кто-то бьётся за визы,
Кто за нефть, кто за сталь...

Ну а здесь развалили
На земле, не таясь,
Всё, что в жизни скопили,
То, что втоптано в грязь.

Был вчера на «развале»,
Люди жизнь продают.
Мне старушки сказали:
«Всё, что было, всё тут».

ДОРОГА ЖИЗНИ

Чем чаще я смотрю под ноги,
Тем реже взгляды в небеса.
Всё поухабистей дороги,
Всё меньше веры в чудеса.

Я раньше был – свободный ветер,
И ни оков, и ни границ.
Мой горизонт был чист и светел,
Жизнь с белых начинал страниц.

Но безалаберно писался
Роман, дарённый мне судьбой.
Я жил, как пел, не опасался,
Что парус сникнет над водой.

Теперь бреду, потухли очи,
Лишь боль в ногах и сердца стук.
И всё длиннее жизни ночи,
Всё ближе «Пастырь и Пастух».

Остановлюсь, сойду с дороги,
Прилягу в брошенном стогу,
И в небо отпущу тревоги...
И всё пойму, и всё смогу.

Землячок

РАССКАЗ

Состав прогромыхал по рельсам всей своей многотонной тяжестью, дыхнув на перрон железной окалиной и угольным дымком из вагонных титанов. Казалось, под ногами вместе со шпалами просела сама мать-земля. Локомотив замедлил ход, со свистом выпустил пар и начал тормозить, окутав кабину машинистов густым белым облаком. От торможения вагоны заскрипели, застучали буферами, наталкиваясь один на другой, дёрнулись и наконец застыли. Приехали!

Натрудившись на перегоне, где-то впереди у стрелки отдувался и попыхивал паровоз. Из

рубки, вытирая руки замасленной ветошью, выглянул седоусый машинист в расстёгнутом кителе и сдвинутой на затылок мятой фуражке. Опершись локтями на затёртый подоконник маленького окошечка, он без всякого интереса скользнул равнодушным взглядом по перрону, обветшавшим за время войны станционным постройкам и, как того требовала инструкция, принялся наблюдать за составом и семафором.

Двери вагонов открылись, и из них, как по команде, вышли проводницы в тёмно-синих форменных платьях и суконных беретках. За-

ученным движением, обтерев сходные рукоятки салфеткой, они выстроились на платформе лицом к паровозу, готовые помогать выходящим пассажирам.

Последних в этот раз было на удивление немного: две бабы в старых вытертых кацавейках с попарно связанными сумками, перекинутыми через плечо, невеста как оказавшиеся в скором, да представительного вида мужчина с саквояжем, в бежевом двубортном костюме и фетровой шляпе.

На перроне толкались местные. Шутка ли, московский литер пришёл, а с ним и занятная городская публика. Созерцание прибытия скорого поезда, его пассажиров, дефилирующих в пижамах вдоль вагонов, торчащих в окнах и тамбурах во время короткой остановки, входило в разряд развлечений для местных мужичков.

У баб была другая забота – расторговаться домашней снедью да сшибить лишнюю копеечку для обзаведения в хозяйстве. В общем, приход «литеры» был чем-то вроде антрепризного спектакля заезжей труппы, где одни созерцают представление в зале, другие торгуют в буфете.

Но главное, что тянуло сюда людей, – это возможность почувствовать ту большую, красивую и идеальную жизнь, которую можно увидеть лишь в киножурнале «Новости дня», который «катают» в сельском клубе по субботам.

Останавливается такой сверкающий краской «пульмановский» вагон, открываются стеклянные двери, и появляется Он – интеллигент в бежевом костюме и шляпе, живой посланец столичной, а по сути, инопланетной жизни. И мужикам, стоящим в тенишке у пивного ларька, лениво раскинувшим руки на скамейках вдоль вокзального фасада, кажется, что они не на станции Забалуйки, а где-то недалеко от Москвы, с её звенящими трамваями и бурлящим людским потоком.

Между тем около выхода из спального вагона образовалась суeta, и внимание зрителей переключилось в ту сторону.

Сверкнув золотыми погонами и стальным взглядом серых холодных глаз на скуластом лице, у выхода из тамбура показался капитан-танкист. Новая габардиновая гимнастёр-

ка, перетянутая кожаной портупеей с кобурой, галифе из синей диагонали и хромовые сапоги в гармошку – всё сидело ладно на его крепкой фигуре и говорило, что этот военный будет из кадровых.

Танкист сначала принял в руки от проводника довольно увесистые чемоданы в светлых полотняных чехлах, затем даму в фишашковом с искрой летнем пыльнике и шляпке чёрного бархата с вуалеткой. Встав на перроне, она медленно повела красивой головой с благородным профилем то в одну, то в другую сторону, словно давая себя получше рассмотреть всем любопытным.

Офицер, разобравшись с багажом, ловким движением больших пальцев согнал складки гимнастёрки назад, принял «строевую стойку» рядом со своей спутницей и тоже глянул по сторонам, но строго.

Вдруг звонкий молодой голос с удивлением и восторгом крикнул:

– Да вот они, наши-то!

Группа принаряженных деревенских, стоявшая особняком под старым ветвистым тополем, оживилась и пришла в движение. Расставив руки для объятий и троекратного, как положено, целования с радостными возгласами и родственными причитаниями она дружно двинулась навстречу прибывшему капитану.

– Братка приехал, на побывку, Митююш-кааааа!

– Ахфицер! – со значением сказал окружающим худощавый, конопатый подросток в пиджаке с чужого плеча – по всему видать, младший брат. Родня подхватила чемоданы и, поднимая стоптанными «кирзачами» пыль, повела прибывших к старой полуторке, стоявшей на привокзальной площади.

Мужики у пивного ларька солидно потыкивали «козьими ножками», развязно облокотившись на питейную стойку, провожали взглядом военного с женой и с ухмылками вслух резюмировали:

– Капитан-то, выходит, землячок?

– Ну и чаво? Видали мы всяких тут!

– Ужо за вымя-то, чай, прихватим, ишь, ферт какой!

Гостям отвели почётное место в кабине, остальные, закинув в кузов чемоданы, разместились там же, на толстой деревянной скамейке вдоль кабины.

Шофёр резко крутнул заводную рукоятку, двигатель затарахтел, постепенно набирая обороты. Кинув небрежно рукоятку на полик кабины, он подтянул за ушки сапожные голенища с отворотами так, чтобы штаны были по моде, «с напуском», и с наскака плюхнулся на затёртое до тканевой основы дерматиновое сиденье. Громко хлопнула дверца кабины, машина взревела, дёрнулась и, постанывая, покатила вперёд, туда, где от неопрятного пятачка привокзальной площади начинался просёлок, вихлястой лентой уходивший по холмам и пологим яругам куда-то за горизонт.

В кузове женский голос затянул песню, пассажиры дружно подхватили, и, залихватская, неслась она над золотеющими полями ржи, зелёным луговьем, где жевали свою жвачку бело-рыжие пятнистые коровы и стоял с кнутом на плече пастушок в старых отцовских обносках, провожая полуторку долгим пристальным взглядом.

Коровы лениво отрывали головы от сочной травы и, тщательно пережёвывая свежие мясистые стебли, равнодушно глазели, как укутанный в пыль просёлка автомобиль, где аккуратно переваливаясь через оплывшие колеи, где подпрыгивая на ухабах, бойко катился в сторону деревни Суслейка.

Стояло пятое мирное лето. Страна только-только отходила от военного лихолетья. Затягивались раны, нанесённые войной земле и людям. О погибших скорбели, но резонно рассудили, что время и силы надо отдавать живым, а павшим – память.

Послевоенное голодное время как-то сходило на нет. Насытившись сполна, молох войны уже не забирал для своей кровавой трапезы молодые жизни, да и солдаты-фронтовики возвращались домой. В хозяйстве появились крепкие, истосковавшиеся по работе руки, на селе начали строиться и даже потихоньку обзаводиться скотиной.

Работали от зари до зари, с надрывом, до изнеможения, ломая спину за трудодни. Давали план по заготовкам и хлебушек стране, но хоть и горбатили за палочки, жить стало посытнее. Деревня потихоньку оживала.

По главной суслейской улице промчались с шиком, разгоняя с дороги кур и иную живность так, что у отчего дома тормозили со «скрыпом», протяжно шаркнув лысыми покрышками по дорожной гравийной подсыпке.

На крыльце молодых уже встречала мать – высокая сухопарая изработавшаяся женщина. Она стояла в белом с мелкими цветочками праздничном платке, в выцветшей сатиновой юбке и такой же блузке в талию, сунув жилистые узловатые руки под передник и твёрдо сжав губы в ниточку.

Вокруг крыльца собрались соседи, ближние и дальние родственники, друзья детства – кто выжил в военной мясорубке, все с детьми. Шутка ли, Митюшка приехал, по местным меркам – событие вселенского масштаба. Шумела, галдела бесштанная ребячья мелюзга, бегала между ног, не вовремя затеяв игру в догонялки.

Гости вылезли из кабины и степенно, не спеша направились к матери через образовавшийся живой коридор. Обнялись. Мать с бесстрастным морщинистым лицом, суровая в своей немногословности, едва улыбнулась уголками губ. Выцветшие глаза её остановились на сыне, потом на невестке и вдруг оживились и потеплели.

Хороша Клавдея-то, ох, хороша! Дамочка видная, хоть и с городским форсом, но работающая и покладистая – свекрови не перечит. Мать оттого ещё больше уважала невестку, что она единственная имела влияние на вспыльчивый и неукротимый характер её старшего сына.

Разобрав чемоданы, Клавдия с мужем вручали родне подарки, не забыв никого. Возникла шумная толкотня. Пока родственники охали, щупали пальцами, разглядывали, приподняв на вытянутых руках, обновы и тут же примеряли, Дмитрий, осторожно раздвигая в стороны высокую крапиву и полынь, вёл жену по узкой тропинке на зады, где доходила до полного жара баня по-чёрному.

После изнурительной дороги, лёжа на осиновых полках, супруги млели от жара, глубоко вдыхая запах запаренных в кипятке пахучих трав и набросанного на полы свежего сена. Истекая обильно потом, охаживали друг друга свежими берёзовыми вениками, вышибая вон накопившуюся за прошедшие годы усталость и тяжесть житейских забот.

Тем временем на крытом дворе потихоньку собирались гости. Детвора бегала стайками и щебетала уже где-то в палисаднике. Во дворе клохтала куры, и среди них гордо, по-хозяйски расхаживал весь радужный петух, присматривая очередную избранницу для топтания.

Мать, подволакивая правую ногу, вышла на скрипучий крытый мост и тихим голосом пригласила всех за стол. Приглашённые входили, склоняясь под невысоким дверным косяком, здоровались куда-то в горничное пространство и рассаживались вдоль стола на широких лавках по старинному чину и ряду. Старики, снимая кепки, украдкой крестились на образа и протискивались в передний конец стола, поближе к красному углу. Изба наполнилась запахом махорки, дёгтя и тем особенным духом, который исходит от крепкого работающего мужика.

Женщины садились со стороны прохода, чтобы в случае чего помочь хозяйке. Они все как одна были одеты в лёгкие цветастые платья, скроенные уже из послевоенного ситца. Как ни старалась сельская швея, скромный фасон никак не мог скрыть выдающиеся дамские прелести. От молока, свежего хлеба и здоровой деревенской жизни они были крупные, налитые и нескромно просились наружу на всеобщее обозрение.

Когда все расселись, вышел Митрий с Клавдией, раскрасневшиеся после бани, пахнущие мятой и шалфеем. Гости одобрительно удивлённо выдохнули. Клавдия, голубоглазая жгучая, коротко стриженная брюнетка с римским профилем, с клипсами в ушах и в ярком крепдешиновом платье по фигуре, походила на артистку из трофейной кинокартины. Ничего не скажешь – «ахфицерша» как есть, по всем статьям!

Митька сверкал золотистыми погонами, орденами, медалями и скрипел новой португезией, приводя в восхищение деревенских пацанов, которые торчали в открытых окнах, облепив все подоконники. Старики, поглядывая на его медальный «иконостас», одобрительно кивали. Не подвёл, значит, родственник, сдюжил!

Мужики в предвкушении возлияния все как один сидели с прямыми спинами, словно проглотили аршин, играли желваками на скулах и сдержанно переговаривались между собой. Их половины, пристроившись напротив, с другой стороны стола, со значением поглядывали на своих благоверных.

Первые тосты пошли, что называется, «колом». Пили за Сталина, партию и Победу. Слово держал Митрий. Он говорил чётко, ясно, с долей митингового пафоса, но мысли были законченными, слова понятными, хоть и подпустил он толику философских «загогулин». От его сухого металлического голоса и этой властной военной чеканности по спинам присутствующих дружно побежали мурашки, а за столом воцарилась тишина. Потом помянули павших родственников и односельчан. Бабы, как водится, всплакнули, но не в голос, а потихому – в платочек, ныне повод другой – радостный. Дальше покатилося легче. Среди «казёнки», выставленной для праздничного вида, водрузили ведро браги, и гульба пошла по высшему разряду.

Застолье достигло своего апогея. Мужики уже захмелели, но, понукаемые жёнами, соблюдали приличия – держали суслейскую марку. Когда обсудили в подробностях всех родственников, и ближних, и дальних, разговоры незаметно выдохлись. Собираясь с мыслями, вспоминали, что ещё не сказано о прошедшей с последней встречи жизни, и потому примолкли.

В этой внезапно наступившей тишине сильный Нюркин голос затянул «Реченьку». Чистый и высокий, он звенел, переливался, переполнял небольшое пространство горницы, рвался наружу. Казалось, в его тонах и полутонах были заложены все краски и сила окружающей русской природы. С припева песню подхватила Нянька-Полька – дородная грудастая баба, – Макаровна и Салопея. Они то

раскладывали мелодию на голоса, то пели в унисон, а младшая сноха уверенно вела свою партию к финальному аккорду.

Песня бередила воспоминания о довоенной жизни, ворошила всё наболевшее за прошедшие трудные годы. Слова проникали в душу, как будто голыми пальцами брали за самое сердце и трогали тот нерв, который пронизывал всю их нелёгкую жизнь. Мужики сидели потупившись, пряча за напускным равнодушием волнение и налившиеся влагой глаза.

А песни уже подхватили остальные женщины. Никто не учил их пению, но данный природой слух, способность тонко чувствовать переживаемое и горе, накопившееся за прошедшие годы, – всё вкладывалось в эти звуки и слова.

Песня лилась вольно, широко являя вдруг всю внутреннюю свободу русского человека, которую не задавить ни голодом, ни войной, ни нуждой. Русский человек может показать и внешнее смирение, что греха таить, где-то приспособиться, пригнуться, но он всегда будет оставаться самим собой, со своим внутренним миром, который ни нарушить, ни изменить не под силу никому.

Песни сменяли одна другую... Иногда, пропустив лафитник водки или кружку браги, слова подхватывали мужики, и тогда у песен появлялся совсем другой, густой и рокочущий, оттенок.

Замолкли так же внезапно, как и начали. Удивлённые сами своей песенной красотой и совершенством, засмеялись, загалдели. На исходе гульбы Антонина с бабами затянула «Лучинушку». Мужики по-прежнему сидели молча, кто откинувшись на тесаную стену, кто облокотившись на стол и подперев кулаком щёку. В глаза друг другу смотреть избегали, чтобы не показать своё волнение и не смущать соседей-застольников. Только дед Вахромей не таясь вытирал слёзы, седая борода лежала на груди и скрывала дрожащие губы. И то сказать, трёх сыновей забрала война, и кабы не дочка да внуки сыновьи, замотала бы его тоска и боль сердечная до смертушки.

Вечор по обычаю гурьбой пошли по деревне с гармоникой и частушками. Незамужние

девчата ловко отплясывали перед гостями, притаптывая баретками траву вдоль тропинки. Заходили в родственные дворы, кланялись, уважали пропущенной величальной стопкой самогонки с тарелки и шли дальше.

Гульба закончилась далеко за полночь.

Солнце уже вовсю шарило по закоулкам крытого двора и начало заглядывать в углы избы. Митька без гимнастёрки и галифе, в одном исподнем спал на печи, как когда-то в детстве. У печного очелка хлопотала мать, ухватом передвигая на шесток чугунок с томлёной полбой и топлёным молоком. Клавдия, встав вместе с матерью ни свет ни заря, ушла на ферму за молоком и ещё не вернулась. На улице доходил издававший виды лужёный самовар и дуром голосил давешний петух. Соседка Антонина принесла свежее испечённый хлеб, и его аромат сделал воздух в избе густым и сытным.

Дверь, испуганно визгнув, с грохотом распахнулась, наотмашь ударившись в сени о стену сруба. В проёме стоял сосед – Кривой Сычав – в растерзанной рубахе, с синяком под глазом и сукровицей на губе. Переставив ногу через порог и не обращая внимания на мать, подгребавшую в загнеток угли, он громко и истерично крикнул:

– Митька, порецкие наших на речке у перехода бьют! Слышь, Митька?!

Но капитан лежал, откинув руку в сторону, бездыханный, как ратник на половецком поле.

– Тревога-а-а-а-а!

Митька соскочил с печи.

– Что, каво?

Сидя на лавке, он мотал головой, словно пытался стряхнуть дурман похмелья. От вида сукровицы и побоев на друге детства глаза его налились кровью, кончики ушей покраснели, а сам он вдруг стал похож на молодого, готового боднуть бычка.

Метнувшись в спальню, схватил портупю, перепоясался ремнём и кинулся из избы вон, грохнув ещё раз дверью, да так, что висевшая на стене шайка сорвалась с гвоздя и со стуком покатила к выходу вслед за ним. Мать успела только охнуть и, всплеснув руками, присела на край табурета.

Вывав на ходу из кобуры наган, Митька прямо со ступенек пальнул в воздух. Сычав сиганул под крыльцо и затаился. А капитан в яростном кураже, не помня себя, уже рысью бежал к юру, который пупком торчал над излучиной реки и с которого сам переход был виден как на ладони. Достигнув макушки холма, он ещё раз пальнул и, выругавшись по-чёрному, по-матерному, ринулся вниз, где уже завязывалась драка.

У воды задирались «застрельщики» – подростки. Пока они, приплясывая, пихали друг друга локтями и навешивали с нахлёсту тычки, с обеих сторон подтягивалась «тяжёлая пехота» – взрослые мужики, иные с дрекольем.

В крайней кучке суслейских, что направлялась к переходу, Митьку сперва не признали. Увидев человека в белом исподнем, размахивающего пистолетом, сначала трусцой, постепенно перешедшей в лёгкий аллюр, бросились вперёд от греха подальше, по пути побросав колья. Что им взбрело в голову – непонятно, но кто-то диким голосом завопил:

– Тикайте, братцы, там НКеВеДе с наганом!

Почему и откуда взялась эта НКеВеДе, разбираться не стали, и все, кто шёл впереди, ускорили шаг, а когда задние пробегали мимо, без оглядки присоединились к ним. Страх, как зараза передавался от одного к другому, постепенно охватил всех бегущих.

Митька пальнул ещё раз, подкрепив страхи перепуганной толпы и доведя её рысистый бег до галопа. Суслейские плотным клубком катились вперёд к берегу реки и с разгона врезались в нестройные ряды своих противников. Те, смятые напором охваченной ужасом толпы, дрогнули, попятнулись и наконец тоже побежали.

Митька сверкал белками глаз и водил наганом поверх голов. Когда суслейские признали Митьку в белом белье, волнение только усилилось. Забыв все обиды и о чём была потасовка, драчуны с воплями «бешена-а-ай!» наперегонки бросились к переходу. Жерди мостка, не выдержав тяжести людей, обломились, и часть драчунов попадали в речку. Остальные, видя, что путь на противоположную сторону отрезан, с разбега попрыгали прямо в ледяную воду.

Противоположный берег был высокий, с крутыми глинистыми берегами. Обе деревни давно перемешались и представляли собой однородную ошалевшую массу. Мужики пробовали карабкаться вверх по склону, но соскальзывали обратно вниз, падали в студёную стремнину, барахтались и наконец, поняв тщетность усилий в поисках выхода, толпой кинулись вдоль реки, будоража и взбаламучивая её кристальную чистоту.

Митька, считая, что это все порецкие, гонял их вниз и вверх по течению, паля из нагана поверх голов. От толпы потихоньку откалывался то один, то другой, нырял под ракиты или в камыши. Но под кустами и в камышах места уже не хватало, и оставшиеся продолжали дружно шлёпать стопами по поверхности воды, высоко и неуклюже задирая коленки.

Клавдия шла с фермы, неся бидончик с молоком. Статная, высокая, не шла, а парила. Царица, да и только. Увидев впереди бегущую мать, забеспокоилась: «Не случилось ли чего?»

Женское чутьё её не обмануло.

– Главдея, беги, Митюшка на Суслейке с наганом погнал всех и палит. Пресвятая Богородица! – Мать перекрестилась.

Клавдия передала матери бидон и трусцой, по-бабьи раскидывая сзади ноги, засеменила в сторону реки.

– Спаси и сохрани нас, заступница, – пробормотала мать, ещё раз перекрестилась, и было не совсем понятно, кого она имела в виду: то ли саму Богородицу, то ли Клавдию...

Под ракитовым кустом рябой Пантелей, стоя по пах в ледяной родниковой воде, прикрывался ветвями, подтягивая их руками поближе к себе. Его колотил озноб. Рядом жался вихрастый одноглазый заводила из порецких. От холода у него начало сводить те части тела, которые находились ниже пояса. У обоих не попадал зуб на зуб, но выходить опасались. Митька метался по противоположному низкому берегу и не своим голосом орал, что порешит всех и сам сгинет «за-ради воинского порядка и дисциплины во вверенной ему деревне».

– С Курской такого страху не терпел, – пробормотал вихрастый, потирая пальцем чёрную

повязку на том месте, где когда-то был глаз. – Чёрт бы его побрал, вашего землячка. Ети его в душу. Какое бодафово споганил.

– Клавки, Клавки нет, куды запропала?! – причитал Пантелей. – Покуда не придёт, будем здесь хорониться.

– Что, и правда пальнуть может?

– Этот всё может. В давешний приезд тоже палил, порядок, вишь, наводил в клубе, нелёгкая ему в печень. Так Коське Тияпину прямо в зад как есть засадил. И умудрился же, подлец, сразу оба полу...опия прострелить и кость не задеть.

– По всему видать – «Ворошиловский стрелок»... – глубокомысленно заметил одноглазый. – Чай, контуженнай?

– Не-е-е, он не контуженнай, здесь случай хуже, он, сколь его помню, всегда такой был. От рождения...

– А сказывали, танкист... – с досадой проскрипел чей-то тенорок из камышей чуть поодаль. – Танкисты, чай, люди техникие, степенные, а вашему живорезу, с энтаким-то запалом, в аккурат у Будённого в коннице шашкой махать!

– Где ж Главдея-то? Святые угодники... – Пантелей нетерпеливо заёрзал коленками. – Оскопит ведь, оскопит, стервец, вода-то – чисто лёд!

Клавдия выбежала на берег и увидела мчущуюся в неглубоком русле толпу мужиков, парней и пацанвы. Вода в реке кипела. Митька кричал военные слова вперемешку с матерными и вдруг заорал, чтоб выходили строиться!

Мужики кто пригнувшись, а кто на карачках, мокрые и уже остывшие от драчливого задора, соскальзывая по рывтинам илистого дна, выползали на построение, цепляясь руками за прибрежную траву.

– Живо, холера вам в бок! – Митька пальнул, мужики зашевелились быстрее.

Вдруг кто-то тронул Митрия за плечо. Он обернулся. Сзади стояла жена и молча смотрела на него, укоризненно покачивая головой. Митька осёкся и как-то сник. Словно пелена спала с его замутнённого разума. Он молча обвёл взглядом мужиков, которые уже нача-

ли потихоньку строиться в две шеренги. С их прилипших к телу рубах и обвислых мокрых порток ручьями стекала вода, успев образовать под каждым небольшую двусмысленную лужу.

– Пойдем, – жена взяла его за локоть, – у матери каша поспела.

Митька посмотрел с удивлением на свои кальсоны так, как будто впервые увидел этот род одежды, потом на наган в руке, снова обвёл колючим, цепким, придирчивым взглядом строящихся на берегу драчунов. Наконец он молча спрятал наган в кобуру и, притихший, поплёлся за женой, на ходу подтягивая сваливающееся исподнее.

Она шла впереди, не оборачиваясь, откинув чуть назад округлые открытые плечи, приподняв красивую голову, и, казалось, невидимым магнитом увлекала его за собой. Портупея под тяжестью оружия свисала с талии, и кобура с раскачки била Митьку по ягодице и ниже. Пройдя с десятков шагов, он ещё раз подтянул кальсоны, прыгая на одной ноге, вытащил из пятки колючку. Потом, что-то вспомнив, взъерошил свои пепельного цвета волосы, повернулся к опешившим мужикам, которые продолжали стоять в две шеренги на берегу Суслейки, и по-военному металлическим голосом, похожим на выстрел из танковой пушки, гаркнул:

– Вольно, ра-а-а-азойдись! – И вперевалочку понуро потащился вверх по косогору, куда поднималась по тропинке Клавдия.

Гуляли ещё два дня. Оставшееся до отъезда время сыновья правили палисадник и ограду вокруг родового дома, перестилали на крыше подгнивший тес. Сын, старший сын приехал!

Натрудившись за день, вечером Митрий с удовольствием омылся по пояс родниковой водой из ведра, время от времени с наслаждением прихлёбывая её, сладенькую, мелкими глотками через край. Он тщательно мылил шею и под мышками диковинным для деревни «Земляничным» мылом, фыркал, окатившись из ведра, и в завершение тщательно обтирался льняным, шитым петухами полотенцем. Приливавшая от этого кровь багровила на его спине рваные шрамы, они набухали и стягивались «в гузку».

Митрий не спеша натянул белую исподнюю рубаху на жилистое тело и, сев, на скамейку перед воротами, прикрыв глаза, вдыхал, подрагивая крылышками ноздрей, тёплый чистый воздух, в котором был запах свежего скошенного разнотравья, отцветающей на задах лебеды, овина и всей деревенской жизни.

Усталость приятной истомой растекалась по телу до самых кончиков пальцев. Вспомнился отец – высокий, сутуловатый, степенный мужик. От его одежды пахло душистым табаком-самосадом, конской упряжью и ситными калачами. Это возвращался запах его детства, безмятежного и такого невероятно далёкого.

Клавдия старалась не нарушать мужнего покоя. Она молча поставила рядом на скамейку крынку парного молока с краюхой мягкого чёрного хлеба и ушла в избу вечерять с матерью и братьями. Побывка подходила к концу.

На вокзале Дмитрия с женой провожала, почитай, вся родня. Клавдия стояла на перроне, как всегда, красивая, величественная и спокойная. Мать на вокзал не поехала. Простились по обычаю у околицы. Перекрестив троекратно сына и невестку на дорогу, она ещё долго стояла у плетня, прикрывая кончиками платка рот и время от времени поднося их к уголкам глаз. Последние слёзы иссохли давно, и вытирала глаза она по инерции, повинуюсь скорее природному бабьему инстинкту.

Полуторка с сыном и провожающими скрылась за дальним урманом, а она всё стояла и стояла, заложив под передник иссохшие плетистые руки. Через какое-то время женщина медленно развернулась и, чуть склонив голову набок, не спеша заковыляла к своему дому, подгребая песок правой изувеченной ногой. Такая уж ты, материнская доля: встречать, провожать и терпеть...

Выправив в кассе плацкарту, Митрий шёл по перрону туда, где должен остановиться спальный вагон. У пивного ларька, как обыч-

но, толкались, постукивая кружками, порецкие и ещё какие-то залётные мужики. Ожидали обратной «литеры».

Когда капитан поравнялся с ними, порецкие, словно по команде, подобрались, выпрямились. Митрий посмотрел на них, как бы сквозь. Порецкие, а глядя на них, на всякий случай и остальные, приподняли кепки и чуть наклонились вперёд:

– Наше вам, Митрий Северьяныч, со всем почтением!

Митька, сверкнул стальными узко посаженными пронзительными глазами, приложил ладонь к фуражке и молча прошёл дальше, туда, где стояла его красавица Клавдия.

– Что за «крендель с маком»? – поинтересовались залётные, надевая головные уборы.

– Землячок наш, ети его во все нелёгкое. – сказал кто-то из местных.

Потом помолчал, громко прихлебнул пивка и, подняв глаза к небу, с подобострастным восторгом добавил:

– Стро-о-огай!

Подошёл литерный на Москву. Заскрипев тормозами, состав остановился. Первой в вагон поднялась Клавдия и с площадки тамбура с улыбкой помахала родне. Капитан-танкист закинул туда же заметно полегчавшие чемоданы и ловко заскочил сам. Провожавшие зароптали, бабы, прощаясь, вразнобой заголосили. Паровоз запыхтел, проскальзывая колёсами по рельсам и выкидывая пар из форсунок. Состав дёрнуло, раз, другой, третий. Потом, как будто отпустив вожжи, он плавно покатился на северо-запад, время от времени поскрипывая на стрелке металлическими тягами, туда, где большие города бурлят суетной, пёстрой и всё же какой-то пресной жизнью. **А**

Владимир СЕРЯКОВ

В 1981–1983 годах проходил военную службу в Ворошиловграде

Валерий РУМЯНЦЕВ

Михаилу Анисценко

Тебе снилось не раз перед смертью:
Чтобы сбросить с души тяжкий груз,
Ты бежишь от пустой круговерти
Из России в Советский Союз.

А вдогонку – свистящие пули.
Раз свистят – значит, вновь пронесло.
И ещё не сегодня задует
Твою свечку вселенское зло.

Ты ещё должен сделать так много.
Столько замыслов ждёт свой черёд.
Но всё более жизни дорога
Под ногами скользит, словно лёд.

Всё сильнее колотит в грудь ветер,
Не давая свободно вздохнуть.
Всё земное, за что ты в ответе,
Разрывает дрожащую грудь.

Вдруг удар – пуля всё же достала.
Закружился разорванный свет.
Ты успел лишь подумать устало:
Вот и кончился этот сюжет...

Ты очнулся. Явь рвёт сон на части.
Только грудь продолжает дрожать.
И вокруг шёпот слышится: «Мастер,
И от нас ты хотел убежать?»

Ненаписанных строчек буклеты
И забытых сюжетов куски
Проплывают дымком сигареты
Сквозь туман неумной тоски.

И мерцает в квадрате тумана
Прошлых жизней гремучая смесь.
Оживают герои романа,
Чтоб остаться сегодня и здесь.

Оживают и вновь исчезают:
Никому они здесь не нужны.
Понапрасну лишь сердце терзают,
Хоть душе почему-то важны.

В полумраке холодного дома,
Словно змеи, сплелись времена.
Галерея титанов и гномов
Тех же вечных вопросов полна.

Ты во сне был убит не случайно –
Был уже предreshён твой уход.
Часто сны раскрывают нам тайны,
Что явь прячет под слоем забот.

Дни прошедшие памяти сито
Заставляет кружить пред тобой.
Сколько было чаш жизни испито!
А вполне бы хватило одной.

Сквозь туманы и вьюги Отчизны,
Сквозь забот мимолётных пыльцу
Для чего-то бежишь ты по жизни,
Словно слёзы бегут по лицу.

Ты ведь мог прилепиться к кормушке
И в чиновничьей жить суете.
Кто загнал тебя в эту избушку,
Бросив здесь умирать в нищете?

Ты ушёл, ни о чём не жалея,
Отпустив своё слово в народ.
Кто душой за Россию болеет,
В твоих строках поддержку найдёт.

И слетит шелуха с дней вчерашних.
И душа вдруг сумеет понять:
Умирать за Россию не страшно.
Страшно – против неё умирать.

Александр САВЕНКОВ

г. Горловка, ДНР

Родился в 1964 году в Горловке. Океанолог, шахтёр, строитель. Работал в Крыму, на Каспии, в Прибалтике, Москве, Донецке. Пишет стихи с 33 лет, начинал с авторской песни после службы в армии, до этого в литературной деятельности замечен не был. Лауреат премии им. П. Беспощадного. Лауреат премии к 100-летию Н. Тряпкина.

В настоящее время живёт в родном городе.

* * *

Небо рушилось на дома,
Камни брызгали ало...
Так хотелось сойти с ума
И не получалось.
Накрывала и кровь, и боль
Жирная копоть...
Так хотелось, чтоб мир – любовь,
А не окопы.
Искорёженной жизни ось
Просто вырвут, как жало...
Запрягай, мужичок, «авось»,
Трогай помалу.

* * *

Тёмные шторы в спальне
Цвета корней маниока:
Близкое стало дальним,
Родное – далёким...
В белом квадрате стрелки
Бегло спешат по кругу
Монументально-мелким
Шагом, и всякий угол
Между большим и малым,
Разницу опрокинув,
Месит в горсти трёхпалой
Огненных судеб глину.
И, обжигая кожу
И обжигая душу,
Ловит её безбожник,
Собственной кровью тушит.

* * *

Дни на крови из бывшего восстали:
Сталь разрывает морок:
Люди сбиваются в пёстрые стаи –
Невыносимо порознь.
В дни на крови,
дни коротких наречий,
Правды в краюху с ближним
Преполовиненной, чтобы на плечи
Век свой взвалить и выжить.

* * *

Бывает так, и было так, и будет:
Внезапность, очертив незримый круг,
Тасует судьбы на зеркальном блюде,
Как мишуру на ледяном ветру...
Ещё покоен дом, и дети рядом,
И ужин на столе горячий, но
Смерть за спиной стоит
с холодным взглядом
И смотрится в разбитое окно...
И треснет время в деревянном чреве,
И протечёт забвением имён,
И дочке будет пять, а сыну – девять
Отныне до скончания времён.

* * *

Затишье... в оцеплении минут,
Когда ничто не рвётся и не жалит,
Ты слушаешь живую тишину
Везде: в доме, на улице, в подвале,
Ты слушаешь её до немоты,
До хруста пальцев, до ушного звона
И чувствуешь: меняются черты
И тишина становится иконной.

К ПОСЛЕДНЕМУ ЗВОНКУ

Хороший день, до одури простой:
Цветёт сирень, слеза судьбу не точит,
И греются ежи у блокпостов,
И школьный сторож
 драит колокольчик...
Над городом, распаханном в боях,
Врастают души в голубиность рая,
И бродит ветер с запахом дождя
Дворами мая...

* * *

К неблагословенному благу,
Как мытарь, растративший мыто,
Второй уже проклятый август
Считает убитых...
Людей выключают из света
Без окрика, без заминки,
И снова сутулятся где-то
В безмолвном угаре поминки
Без гнева, без плача, без требы...
Помилуй нас, Христе Иисусе!
Кочует по впалому небу
В степи подорвавшийся бусик...
Глядят из него виновато
Бескрылые ангелочки,
И облачка сладкая вата
Всё тоньше, и тоньше, и тоньше...

* * *

Время течёт, оба времени:
Горнее и земное...
Свет мой становится теменью,
Чтоб оставаться со мною,
В сердце течёт оскоминой
И отлетает дымом,
Чтоб на последней отмели
Камнем осталось имя.

* * *

Война, брат, война...
На небесной таможне –
Аншлаги!
Прогоркла земля...
И даже ромашки
Цветут осторожней
На минных полях...

ПОСЛЕ

Полночь ввязалась в бой:
Громче да глуше
Бреет солдатский бог
Наголо души...
Перепроверь, комбат,
Рыжий чертяка,
Веру в окопах, сегодня на ад
Будет атака...
Выжившие сыны
Станут, цедя минуты,
Клочьями тишины
Сны затыкать под утро.

* * *

Вьётся над чёрной башней
Белый от жара воздух...
Вот я и стал вчерашним,
Травам по капле роздан,
Пахнут горелым житом
Спаса пустые дали,
Вот я и стал убитой
Мыслью о генерале,
Чтоб не мечтать ревниво

Стать рядовым обратно...
 Боже, какое чтиво –
 Трупные эти пятна
 На васильковом поле
 После ночного боя...
 В сердце былинка колет
 И не даёт покоя.

НОЧНЫМИ ОБСТРЕЛАМИ

...Ибо воды дошли до души моей.

Пс. 68

По-рыбачьи в шальную воду
 Отпускает закат людей
 Плыть раскатами, слушать воздух,
 Тосковать о ночной звезде...

Льётся млечный по листьям хмеля,
 Взгляд иконками льнёт к стеклу,
 И сочится сквозь жабр щели
 Свете тихий в твоём углу.

Александр СУРНИН

г. Краматорск – г. Луганск, ЛНР

Поэт, прозаик, переводчик, концертирующий автор-исполнитель.

Член Союза писателей ЛНР, инициатор издательского проекта «Большой Донбасс».

БЕЗЫМЯННОЙ СЕСТРЕ

Позволь, сестра, печалью поделиться.
 Час ночи. Сумрак. Водка на столе.
 А за окном – не Петербург, не Ницца,
 А маленькая личная столица –

Луганск. Луганск... Лишь муха на стекле,
 Пытаясь оживить пейзаж знакомый,
 Ползёт куда-то по своим делам...
 Всё это называется – я дома.
 В природе – ночь, а в голове – бедлам,
 А время – не смешалось, но – сместилось.
 В смещение без малейшего труда
 Я вижу пред собою города,
 В которых мне дышалось и любилось;
 Число их – тьма, а в них – мои друзья,
 А у друзей – всегда открыты двери,
 Лишись я их – поверь, сестра моя,
 На свете горше не было б потери.
 А нынче я один. И ночь не в ночь.
 Не страшно спать, но гнусно просыпаться.
 Запой не сможет от тоски помочь,
 А значит, снова нужно собираться
 И уезжать. Куда? В какую даль?
 Кому свою поведаю печаль?
 Тебе, пожалуй, боле никому.
 И, снова окунувшись в кутерьму,
 Вернусь – и вспомню, как забытый сон,
 Тот миг, когда оживший телефон
 Сказал мне: «Как я рада! Это ты?»
 Вот так, сестра, сбываются мечты.
 Да что мечты... Мечты сладки, как мёд.
 Мёд есть – и нет. Один пустой горшок.
 Споткнулся с ним – и черепки вразлёт...
 А знаешь, вот бы было хорошо
 Уехать на край времени – и там
 Построить дом – о нет! – построить храм
 И долгою зимой колоть дрова,
 Сидеть у печки и искать слова,
 Ни от кого дверей не запирасть,
 Чтоб смог с дороги к нам зайти любой,
 Поставить в доме кресло, стол, кровать
 И жить до смерти рядышком с тобой.
 Мечты, мечты... Прости меня, сестра.
 Всё тот же за окном фонарь скрипит.
 В такую пору лишь поэт не спит,
 Ещё злодей, пожалуй... Будь добра,
 Налей мне чаю, погаси свечу.
 Фонарь ослеп в преддверии утра.
 Я много мог сказать, но – промолчу.
 Мне сумрачно. Согрей меня, сестра.

* * *

А хочешь, придумаем песню,
В которой не будет ни слова,
В которой рассвет-кудесник
Умчит нас от мира земного
Туда, где на звёздных качелях
Качаются спящие дети,
Где нет суеты и смерти,
А только любовь и веселье.

А хочешь, придумаем сказку,
В которой не будет сюжета,
В которой с тобой без опаски
Пойдём босиком на край света,
Со всеми невзгодами сладим,
Отыщем от счастья ключи,
А после, как водится, свадьба
И пир на весь мир прозвучит.

А хочешь, придумаем пьесу,
В которой лишь мы – и ветер.
Под птичью хоральную мессу
Рванёмся сквозь степь на рассвете,
Качнувшись верёвкой на рее,
Нам вцепится в плечи ковыль...
А хочешь, придумаем быль?
Но это гораздо сложнее...

ОБРЫВОК НОСТАЛЬГИИ

Е. И.

...Так долго были вместе, что успело
Смениться лето осенью. Зима
Сама пришла потом. Не в этом дело.
Направо – Брест, налево – Колыма,
А между ними – мы, чуть ближе к Бресту;
Везде желанны и везде не к месту,
Поскольку неуместность – Божий знак,
Присущий лишь блаженным
и влюблённым.

Мы не были нигде определённо,
А просто были рядышком. Вот так.

Так долго были вместе, что закаты
Пред нами отгорели сотню раз
Иль около того. Мы тем богаты,
Что дорого ценили каждый час,
Боясь его растратить на безделье.

Часы слагались в дни, а дни – в недели,
И, неделимы, шли мы дням вослед,
И в этих днях нам вместе было сладко.
Всё просто – словно детская загадка.
И тривиально – как её ответ...

СМЕРТЬ ПУШКИНА. БРЕД

Nathalie, Nathalie... Тонкой жилкой у горла
Твоё имя пульсирует. Более нет
Ничего. Чьи-то руки подняли проворно,
К экипажу несут... Окровавленный след
Оборвался – поехали. Медленно, право,
Сквозь метель мы ползём,
не касаясь земли...

Всё – метель, всё – туман, дым,
поэзия, слава –
Всё сместилось, осталось
одно – Nathalie.

Ах, как глупо – с размаха под пулю,
как в воду!
Что же далее – нежить, забвение,
тлен?!

Отчего, Nathalie, воспевал я свободу?
Несвобода милей – обольстительный плен
Твоих рук, твоих уст, поцелуев, объятий
И сладчайшие попытки семейных утех,
Что порою, бывало, казались проклятьем...
Я оковы пытался разгрызть, как орех,
И, стряхнув их, бежать... Но – куда?

Для чего же?

Nathalie, Nathalie, mon l'amoure, bel ami,
Как я был неразумен, родная... О Боже!
Хоть пред смертью меня Ты прости

и пойми

И, поняв, окажи мне последнюю благодать –
С высоты, о которой и думать не смей,
Ты прочти моих мыслей

презренную пакость

И позволь у неё на руках умереть,
А когда я усну, и от мира отрину,
И взлечу, растворяясь в блаженной дали,
Ты не дай позабыть мне единое Имя –
Жизнь мою, боль мою, Nathalie, Natha...

ОДНАЖДЫ ИЛИ НИКОГДА

1.

Николай ИВАНОВ

Ах, каким бравым красавцем был ротный! И знал ведь, знал это. Пользовался! Глаза – бабья смерть! Тонкие, чётко очерченные губы. Чуб из-под шапки. Не под два метра дылда, но в строю всегда на правом фланге. Ямочка на щеке, которой он в начале офицерства стыдился как рудимента мальчишества, но которая, оказывается, притягивала женские взоры, из-за чего теперь приходилось бриться чаще, чем можно было бы.

Но сегодня всё это отошло на второй план.

Капитан убивал всех новой формой. В роте знали о приказе Сталина перейти на погоны, да только какое может быть переодевание, если полк форсировал Северский Донец и ломал оборону немцев уже на Украине как раз в обозначенные Верховным главнокомандующим сроки – с 1 по 15 февраля 1943 года.

Снабженцы тем не менее хотя и в предпоследний день, но провернулись в указанное в приказе время. Грузовики с боеприпасами часами бились лбами в запретительные флажки регулировщиц на слабосильной переправе, а тыловики, подмаслив коменданта парой комплектов новой формы, вне очереди перегнали свои полуторки с тюками на правый берег.

Как капитан подмасливал уже вещевую службу – припасённым спиртом, ямочкой на щеке или своими фирменными папиросами «Север», – то осталось тайной, но он первым переоделся в новенькую гимнастёрку со стоячим воротником, без вечно топорщившихся карманов на груди, перепоясавшись ремнём с пряжкой в два зубца. И погоны – чисто белогвардейские,

с посеребрёнными звёздочками, шелковистым просветом по центру и малиновыми кантами по краям – легли гореть на плечи. Укрепили они наконец ему и вечно спадавшую с плеч портупею. Глядеть – не налюбоваться. Потому капитан и сновал, несмотря на жуткие февральские ветра с реки, среди разрушенных домов без шинели, демонстративно хвалясь обновкой.

Ради чего совершался зигзагообразный променад под перестрелки-аплодисменты врага, стало ясно, когда ротный оказался в сельской больничке, отданной санитарному отделению.

Из медицинского тут остались только две кушетки, на которых дремали в ожидании отправки в медсанбат раненые. Для первого дня боёв за Донбасс по потерям совсем неплохой результат. И даже не потери это, а издержки от элементарного отсутствия боевого опыта у новобранцев, потому что берег прикрывали итальяшки, так и не научившиеся воевать.

Санитар Егор Лукич, по достижении 60-летнего возраста переведённый сюда из пехоты, подхватился, прикрывая столик с распотрошённым НЗ, выданным на период наступления, – буханкой мёрзлого хлеба, двумя селёдками, щепотью сахара. Вознамерился начать доклад, но ротный, согреваясь папиросой из трофейного портсигара с ратушей на крышке, остановил:

– Где начальство?

– На переправе, – кивнул усами Лукич в сторону Северского Донца. Усы его – всем усам усы, как будто вознамерился переплюнуть Будённого. Смешно, что при этом немец беспрерывно бьёт из совхоза имени Ворошилова. Вот ведь как кривобоко сошлись на Донбассе имена из времён Гражданской войны на войне Отечественной!

– У Гречихина?

– Ему плечо задело. «Юнкерсы» утром... – оправдал начальницу санитар. Измазанная в извёстке его телогрейка красноречивее всего говорила о налёте фашистов: бойцы зайцами перескакивали остатки известковых заборчиков, укрываясь за ними то с одной, то с другой стороны, в зависимости от захода самолётов. – Товарищ капитан, а нам погончики такие... Когда?

– Такие погончики всех ждут там, – капитан кивнул через окно на меловые горы под белым снегом, над которыми клубились чёрные дымы невидимых пожаров. Комполка на последнем совещании доложил, что итальянцев спешно сняли с фронта, заменив хотя и потрёпанными, но отборными немецкими частями. А с этими не забалуешь... – Ко мне обоих.

Провожая взглядом петляющего по тропке старого солдата, капитан уже с позиций обладателя новенькой формы оценил его довоен-

ное обмундирование. Как умудрялись в нём ходить, воевать да ещё карточки в нём домой посылать? В новой, конечно, гнать врага веселее. Только предстоящая атака принесёт уже серьёзные потери, и после Сталинграда об этом говорится, к сожалению, привычно. Так что и переодевать бойцов резона не видел. Плюс в дополнение к будущим потерям раненых переодедут в госпитале. Худо-бедно, с миру по нитке, а в роте образуется обменный фонд...

Словно извиняясь перед списанными со счетов бойцами, протянул обладателям кушток по папиросине. «Север» – это не самосад крутить. А вообще раненым на войне везёт, у них у единственных стопроцентный шанс уцелеть в предстоящем бою, всего-навсего эвакуировавшись в тыл. Правда, переправа пока работает в одну сторону...

Протёр запотевшее окошко, усмехнулся, нервно прикурил новую папиросу: влюблённая парочка поднималась от реки, дурашливо толкалась на узкой тропинке. Замыкавший колонну Егор Лукич окликнул лейтенанта, передал ему непонятно откуда взявшийся леденец на палочке. Гречихин, тронув его губами, протянул Вере. Та, прикрыв глаза, сняла сладкий поцелуй своими...

Капитан затуманил стекло дымом, поработал плечами, разгоняя стылость. Какой же он был дурак, переманив санинструктора из соседней роты. Сейчас вспоминается: начала перевязки она как раз с Гречихина, с первого дня на фронте собиравшего царапину и перевязки. Доперевязывались. Учит же пословица: подальше положишь, поближе возьмёшь...

Подчинённые, не зная, что за ними наблюдали, по-детски схитрили, войдя в больничку поодиночке.

– Младший сержант Верба по вашему приказанию...

Капитан молча указал ей на стул, принявшись расхаживать в ожидании лейтенанта. Не подиум, конечно, вместо красной ковровой дорожки полосатые домотканые половики, но есть возможность оценить, кто чего стоит. Ну вот что можно найти в Гречихине? Дуры бабы...

У появившегося конкурента рука висела на бинтовой перевязи, потому чести не отдал, попытался лишь щёлкнуть каблуками валенок. Только нет на них каблук, товарищ лейтенант. И попытка достаточно смешна для офицера.

Остановился рядом с мешковатым от плохо подогнанной формы подчинённым, в довершение ко всему шмыгающим красным носом. Хорошо ещё, что не рукавом его вытирает...

– Что на переправе?

– Заливаем брёвна водой, товарищ капитан. Сапёры дают прогноз, что к ночи мороз усилится, схватит настил, и по нему даже танки смогут переправиться.

– Чего сопливишь?

– Соскользнул в прорубь...

Стала понятна мешковатость формы, одетой явно с чужого плеча. Но зато капитан получил неожиданный козырь разлучить парочку:

– Тебя на реке заменит второй взвод. Сам садишься на его позиции в центре, – капитан выудил из-за спины полевую сумку-планшет, с непривычки ремешком задев и оттопырив погон. Бережно поправил его под завистливыми взглядами подчинённых. Указал Гречихину на карте будущую позицию рядом с криницей. Перевёл взгляд на командира отделения: – Младший сержант Верба, вы продолжаете контролировать людей на переправе. Егор Лукич, – сразу же выудил попытавшегося незаметно прошмыгнуть за топчаны санитара, чтобы не последовало просьб и возражений от санинструктора. – На период наступления держись с третьим взводом лейтенанта Гречихина. Вопросы? Нет вопросов. По местам. Младший сержант, проводите меня.

Насколько же велика сила армейского приказа, если заставляет женщину не просто беспрекословно провожать мужчину, но и считать это должным. А под взглядом командира, элегантно пропускающего даму вперёд, ещё и не обернёшься на остающихся.

Сразу за дверью капитан вновь распахнул сумку, но теперь уже для того, чтобы достать погончики. С двумя лычками. Улыбнувшись, заложил между ними шоколадку – это тебе не леденец на палочке. Протянул презент:

– Держи. У тебя у первой. После меня.

– Спасибо, товарищ капитан! И вправду красиво. И за шоколадку. Только разрешите мне в боевые порядки...

– Твоё место на переправе. Вон, целые лейтенанты в прорубях купаются.

Вновь не дожидаясь ни благодарностей, ни возражений, ни новых просьб, побежал в штабную хату. Всё же колюч ветер с Донца, и одними погонами с папирской от него не укрыться.

Не успел взвод Гречихина перетечь в наступе выдолбленные в мёрзлой гальке окопы второго взвода, над головами наступающих закружила «Рама». Вернейший признак того, что через полчаса, после анализа полученных с неё фотоснимков, немцы пойдут в атаку. Собственно, не для того гитлеровское командование и меняло итальянцев, чтобы отсиживаться в окопах. Пробежавший по траншее молоденький политрук поздравил роту с началом освобождения Советской Украины, а потом, словно лично присутствовал на совещании у фюрера, торопливо пересказал и его указания для своих генералов: без мощностей Донбасса поднять германскую военную экономику на данный момент не представляется возможным, а потому угольный бассейн не сдавать русским ни при каких условиях. Прорвавшиеся части сбросить снова в Северский Донец.

– Держимся, братцы. Впереди столько угнетённых советских людей, которых нужно освободить, – уговаривал политрук, сам пока ещё никого не освободивший.

Немцы не изменили своим традициям: через тридцать минут после пролёта «Рамы» серое небо заволокли фашистские самолёты, ненасытно и нескончаемо высыпая, словно из подола, на изрытый оврагами правый берег и наводившуюся переправу бомбы. Заработала артиллерия, уже гарантированно предвещающая контратаку. На правом берегу Северского Донца сходились приказ Гитлера и политбеседа политрука...

Ротный поймал в окуляр бинокля Гречихина. Лейтенант, хлопая, как оглохший тетерев, перебитым крылом на перевязи, нарезал бойцам сектора обстрела. Всё правильно,

правильно всё делал, только пораньше бы это завершить. Да, не вовремя, чуток некстати прошла смена позиций. Но на войне всего не предугадаешь, враг тоже двигает фигурки на шахматной доске. А Гречихин, если сопли на рукав не станет наматывать, выстоит. За его спиной, чёрт побери, Вера Верб!

Но не вовремя!

– Телефонист, за мной, – прокричал Бубенец и в мизерный просвет между разрывами бросился на позиции лейтенанта. Если тому защищать санинструктора, то ему, комроты, держать переправу, без которой Краснодон не взять.

Немцы словно ждали его рывка, обрушили на позиции роты новый шквал огня. Последнее, что капитан увидел, перед тем как его накрыло каменисто-снежным разрывом с ошмётками перил от ведущей к кринице лесенки, – это упавшего на дно воронки лейтенанта Гречихина...

2.

Незнаемая, суматошная жизнь больницы с броуновским движением людей в коридорах заставляла Максима прижаться к стене. И вовремя, потому что сзади послышалось залихватское:

– Лыжню!

Медсестричка промчала на каталке больного, время от времени подтягиваясь на руках и сама катаясь вместе с пациентом.

– Стой, – вдруг вскрикнул тот, приподнявшись на локтях.

Санитарочка упёрлась ногами в пол, но груз всё равно протащил её комариный вес несколько метров.

– Назад! – потребовал больной.

Неумолимый тон заставил девушку повиноваться.

– Стой!

– Что случилось? – наконец смогла испуганно спросить она у больного.

– Я не изучил схему эвакуации при пожаре, – тот указал на стену с плакатом.

– Зачем?

– А если во время операции случится возгорание? Вы же все разбежитесь! А как мне выбираться?

Санитарочка заулыбалась вслед за операционником, дала шутке пожить несколько мгновений и вновь толкнула каталку:

– Лыжню!

Из перевязочной, словно после допроса, с заложенными за спину руками и под конвоем медсестры вышел старик. «Заключённый» едва двигал ногами, и Максим, чувствуя себя совершенно инородным телом, позволил «арестантской» парочке отойти подальше. Отодвинулся лишь от расположившейся рядом на стульях шустрой бабёнки, подкармливавшей из спрятанной в пакет кастрюли взлохмаченного, плохо выбритого мужичка:

– Чего воротить нос?

– Я тебе что, петух – каждый день пшено клевать? Хоть бы мяска разок принесла.

– Значит, кобель, раз мяса хочется. Попробуй, точно похороню у входа на кладбище, чтоб всем бабам даже мёртвый под юбки заглядывал.

– Тебя послушать, то достался тебе муж...

– Ты сам себе достался. Ешь, с больничной еды и цыплёнок подохнет, не то что петух.

– Так всё равно на кладбище гонишь.

– Погоню, когда сама захочу. Ты ещё не всё пшено доел. А за него утлочено!

Уловив просвет в коридоре, Максим продвинулся ещё на два дверных проёма. Больше не получилось – навстречу стремительно шёл врач, за развешивающимися полами халата которого хвостиком мелькал то с одной, то с другой стороны лысенький мужичок.

– Не три, а четыре вещи должен сделать за свою жизнь человек. И четвёртое – это убить строителя!

– Но тут же всё по плану, – мотало в разные стороны «хвостик» с распухшей папкой в руках.

Строителю не давал оторваться замыкавший инспекцию медбрат с коловоротом на плече, больше похожим на ручку от огромного чемодана. Незнакомый, причудливый и страшный инопланетный мир, в котором от тебя ничего не зависит. Первый раз Максим был здесь на профилактическом осмотре три года назад, сразу после приезда из Донецка, а последний – для получения медсправки в

училище. Лучше бы и дальше не знать этих стен, если бы не нужда проведать деда. Да ещё и предстоящая встреча напрягала, потому что тот просил прийти его одного...

Врачебно-строительная троица скрылась у стоматолога, и Максим очередным рывком достиг поста дежурной. Спрятавшаяся за стойкой маленькая седая головка, венчавшая грузное тело с широченными, поглотившими стул бёдрами, кивала прилипшей к уху телефонной трубке:

– Во-во, болезни всю жизнь собираем, а вылечить хотим от одного укола... И не говори. У нас тоже – нет бы лежали больные, а то сплошь жалобщики на плохое питание...

Опережая Максима, за стойку перевалился, став на цыпочки, мужичок с перебинтованной рукой:

– Скажите, на рентген талончик или живая очередь?

– Утром сидели все живые, – кивнула головка с трубкой, сумев не потерять нить разговора с собеседницей: – Она дожждётся, когда мои тараканы поженятся с её тараканами, и вот тогда точно вззоет сто раз до обеда! Что вам, молодой человек? – нашла паузу для демонстративно зависшего над столом Максима.

– Извините, как мне попасть в хирургическое отделение? Дедушка лежит, Бубенец Иван Михайлович. Туда нужен пропуск?

Дежурная соизволила посмотреть список, впервые подняла глаза:

– Слаб ваш дедушка. Вы того... думайте... По этому переходу за каталкой, там вправо, на этаж выше, потом прямо, – корабельным штурманом проложила курс до цели.

Посчитав миссию выполненной, вернулась к подруге:

– Во-во, в деревню надо осьминогом приезжать, работы на каждый шупалец хватит...

Главврач был прав насчёт строителей – Максим изрядно поплутал, прежде чем отыскал нужное отделение.

Перед ним, едва не сбив, из кабинета урологии вынес себя на распахе двери верзила в лопнувших от старости кроссовках. Подмигнув отпрянувшему Максиму, пропел:

– Любимый город может спать спокойно...

Осмотрел запись в медкнижке, издали поцеловал её и, словно по палубе корабля, закачался к выходу.

Больше Максима ничего не задерживало, не отвлекало, не возвращало назад. Понаблюдав за кошками, белками, сидевшими на дереве под окном, и открыл коридорную дверь с нарисованным скальпелем. И сразу получил в живот удар каталкой: «лыжница», освободившись от клиента-пациента, неслась обратно, ухитряясь набирать эсэмэску в телефоне. Вспомнились анекдоты о блондинке за рулём.

– Ой! Простите. Больно?

Максим был рад даже этой малой задержке и успокоил девушку улыбкой: это ли проблема. Хотя и у него особо их нет – всего лишь навестить деда.

– Вы, наверное, к Ивану Михайловичу? Он ждёт с утра. Давайте провожу, – ничего не поняв из желаний посетителя, повела за собой, как классный руководитель первоклассника в нужный класс. – Ваш дедушка для такого возраста и полостной операции просто молодец... Ему, как ветерану войны, могли выделить и отдельную палату, но тут мы сами перестраховываемся, чтобы больные по-соседски приглядывали друг за другом. Вот, сюда.

– Ну, здравствуй, дед! Как командуют на прыжках из самолёта, первый пошёл!

– Привет, Макс, – приподнял тот худую, опоясанную венами руку. Может, даже и не в приветствии, а чтобы указать на стул рядом с тумбочкой. Он такой, он всегда и во всём командир... Чубчик спутался от пота, надо бы расчесать. Губы втянулись в рот, превратившись совсем в ниточку. Эх, дед-дед... А как был всегда красив и подтянут в форме! – Карту принёс?

Максим открыл пакет, где вместе с гостинцами лежала истрёпанная, подклеенная на сгибах географическая карта. Купить её пришлось после переезда в Россию, когда деда стали приглашать на встречи по пять раз на день в училища, школы и даже детские сады. Ещё бы – освобождал Краснодон, поднимал тела молодогвардейцев из шурфов. Контужен, дважды ранен. Дослужился, пусть и в военкомате,

до полковника. Имеет три ордена и наградное оружие. Одного этого хватило бы на десяток ветеранов, а он прихватил себе для биографии ещё и совсем близкую историю – войну на Донбассе. Не ветеран, а легенда. Впрочем, никто и не говорит иного.

Дед оказался слаб настолько, что рука второй раз не смогла подняться, команда последовала глазами и голосом:

– Открой.

Словно меха в гармошке, Максим развернул по сгибам карту с нанесёнными на неё красными стрелами и синими зубчатыми окружками обороняющихся фронтов и армий. Поверх среза проследил за взглядом деда, который словно прощался со своей фронтовой судьбой.

– Мне, наверное, уже пора... туда, – вдруг произнёс дед. Указал взглядом сначала на карту, на которой самолично рисовал обстановку 1943 года и где остались многие его подчинённые, потом на капельницу – как итог нынешнего своего состояния.

Вернулся с процедур маленький худенький сосед. Увидев в палате гостя, деликатно кивнул и отправился на прогулку по коридору. Дед заторопился:

– Спасибо, что пришёл. Я... я, наверное, не лучшим был дедом, держал тебя в ежовых рукавицах. И тебя, и отца твоего, и бабушку... Неправильно это.

– Да что ты, дед. Я худого слова от тебя ни разу...

– Но и ласкового тоже... Вот лежу и вспоминаю – не дом, а казарма какая-то была. Всё по струнке, по распорядку, с неизменными наказаниями... Хотел как лучше, чтобы порядок был, чтоб людьми выросли... Чтобы ты офицером стал.

– Буду. Уже на второй курс перевели.

– А бабушка Вера перед смертью тебе ничего особенного не говорила? – поинтересовался своей, далёкой от забот внука проблемой. При этом отвернул голову, чтобы, если прозвучит утвердительный ответ, не смотреть в глаза гостю.

– Наказывала беречь тебя.

Дед облегчённо покашлял – так машинально страдают по сигарете заядлые курильщики. Но ему категорически запрещено даже смотреть в сторону табака...

– А знаешь, почему возникают новые войны? – похоже, дед готов был говорить о чём угодно, лишь бы оттянуть разговор, ради которого попросил приехать Максима. Таким же образом тот сам искал причины, задерживаясь перед дверью со скальпелем. Как там медсестричка, кого катает по коридорам? – Мы теряем на неё иммунитет. И первыми это сделали мы, ветераны. В какой-то момент мы все превратились в маршалов. Выучили названия фронтов, дивизий, мы из книжек знали, кто куда наступает и почему, владели планами немцев, американцев и точно описывали реакцию на всё это Сталина. А про соседа по траншее забыли. Как дымится на морозе кровь из ран – не рассказывали. Молчи! И война постепенно стала не так страшна, она превратилась в игру на картах, – скосил глаза на свою, которая горбилась на полу у ножки кровати.

– Дедуль, успокойся, – Максим впервые дотронулся до бледной руки с жёлтыми от табака пальцами. Сколько раз они хватали за ухо, привычно сворачивая в самокрутку... Деду оказалось приятным прикосновение родного человека, и не будь вторая рука под капельницей, наверняка бы положил сверху свою ладонь.

Но просьба внука не остановила, а придала силы продолжить.

– Надо сказать... Нам, Максим, стало казаться, что если мы не покажем масштаба войны, то вроде как бы и сами не герои. И в какой-то момент у нас в воспоминаниях потерялись конкретные люди. И в первую очередь те, кто остался лежать в земле. Мы их как бы предали...

– Мы их поднимаем, – не согласился Максим. – Наш отряд только за эту весну поднял под Великим Новгородом останки двадцати трёх бойцов. Трёх опознали. Во время отпуска я с ними опять пойду.

– Ты молодец, – может, впервые в жизни похвалил дед внука. – Вот я и хочу... Покурить бы.

– Нельзя.

– Сам знаю. Я хочу, чтобы ты разыскал и поднял ещё одного. Лейтенанта Гречихина. Карту.

Максим принялся вновь распутывать собранную наспех схему, дед наизусть попросил найти конкретную точку:

– Квадрат 17, по «улитке» 5.

Для курсанта-десантника цифры координат – как для таксиста адрес по навигатору: вот квадрат-улица, вот «улитка»-дом.

– Изгиб Северского Донца. Выше по оврагу – криничка. От неё тропинка к вершине холма, сейчас там памятник.

– Вижу, – нашёл под центральной стрелой жирную точку чёрным фломастером Максим.

– Молодец, – не к добру снова не поспешил на похвалу дед.

Пусть и не легка на помине, с небольшой задержкой, но в дверь просунулась «лыжница». За ней пижамной тенью прошмыгнул на свою долгожданную койку уставший слоняться по коридору без дела и возможности присесть сосед. Плоско улёгся под простыней – на такого можно ненароком и присесть. Видать, родственники и пшена не носят, не то что мяса.

– Извините, я поменяю капельницу, – санитарка перезащёлкнула трубочку на новый флакон, ещё раз с молчаливой мольбой попросила прощения у Максима за произошедшее и одновременно за предстоящее: – У нас начинается тихий час, больше нельзя тут находиться. Прощайтесь.

Дед дождался её ухода, скосил взгляд на невидимого соседа и сбавил голос:

– Где-то там была воронка. Я её не нашёл, когда ездил на открытие памятника.

Не по-медсестрински – широко, с правом от главврача, вновь распахнулась дверь палаты. Он и заполонил собой весь проём. Посмотрел на часы, через плечо, за которым наверняка птенчиком жалась провинившаяся «лыжница». Максим встал.

– Там лейтенант. Гречихин. Найди его, – едва слышно от упадка сил, растроченных эмоций и чтобы не дошли слова до посторонних, торопливо сообщил дед. – Я думал, бабушка сказала... Тогда я скажу – это твой настоящий

дед. Ты с отцом по роду Гречихины. Не Бубенец. Но я старался, всю жизнь старался ради вас... Но так просто сложилось. Война. Прости. Всё!

– Всё! – громогласным эхом повторил главврач. Не будь перед ним ветеран войны, наверняка разнёс бы палату за нарушение режима. Точнее, ответственных за него.

Максим, до конца не осознав услышанное, со смятой картой направился к выходу. Ему уступили дорогу, но не из особой уж вежливости, а чтобы не мешал расположиться в палате целой группе людей в халатах, включая строителя и медбрата с коловоротом.

– Кыш, кыш, – отогнала Максима, как непослушную курочку, прячущаяся за спины взрослых санитарка. Оглушённый новостью, Максим машинально показал ей язык, заставив замечать с открытым ртом и поднятыми руками.

3.

Припомнила это на похоронах.

Уже отгремел над свежей могилой воинский салют, положенный ветеранам войны и старшим офицерам. Прошёл не совсем ровно, наверняка сформированный из второго или третьего состава, взвод из почётного караула, но не под знаменитое и традиционное «Прощание славянки», а под фронтовую песню «Поле, вдоль берега крутого, мимо хат...». Максим даже подпел несколько строчек – «В серой шинели рядового шёл солдат»... Несколько отставников, с которыми общался по ветеранским делам полковник Бубенец Иван Михайлович, долго поправляли ленточку на своём венке: уж что-то, а стопку на поминальном обеде фронтовика заслужили. Не дождавшись приглашения от родных, издали кивнули им и скученно пошли с кладбища, припоминая, сколько и чего стоит у них своего в комнатке Совета ветеранов.

Оставшись в одиночестве, отец в извинении развёл руками перед Максимом:

– Не успели. Жалко.

– Чего не успели? – не понял тот. Всё вроде честь по чести...

– Квартиру получить. Как ветерану должны были дать, – пояснил ему, как неразумному. –

Теперь, конечно, вычеркнут из очереди. Но я всё равно схожу. Пусть хотя бы меньше комнат, но в память о нём... Они виноваты, это они медлили, а не отец торопился... умереть.

– Батя, о чём ты!

Уловив нотки неодобрения от сына, отец усмехнулся, чтобы не остаться единственно виноватым:

– А ты думаешь, твоё поступление в училище при таком конкурсе тоже само с неба свалилось? Деду говори спасибо.

У Максима опустили руки. Это что, улыбочки абитуриентов при поступлении, обзывавших его «Дедов внук», они оправданны? Сам по себе он ничего не стоит?

Захотелось присесть, но у свежих могил лавочек не бывает. Защищаясь, выпалил главное, о чём не знал, когда и как поведать отцу. И надо ли вообще! Но здесь легло одно к одному:

– Он мне не дед.

Отец недоумённо поднял седую голову: ты отказываешься от своего рода?! Но Максим пошёл до конца:

– И тебе не отец. Мы Гречихины, а не Бубенцы. «И Гречихины бы не думали о квартире на похоронах», – добавил про себя.

В памяти легко всплыло, как отец однажды заехал на своей гаишной машине домой прямо со службы, стал хватать ведра, тазики, топорик, поторапливая домашних:

– Быстрее. Лося на трассе сбили.

И вернулся с дежурства счастливый и с мясом...

Сейчас он замер, потерянный, боясь уточнений, которые могут окончательно разрушить мир, в котором жил. Видеть отца, всегда правильного и знающего, что делать, растерянным, потерявшим опору в жизни, было невыносимо, и Максим отвернулся. От дальних могил, уже с лавочками и оградками, ему махнула рукой девушка. Ошиблась? Фигурой напоминает санитарочку из больницы. Она? Чего хочет?

Неслышно отступил на несколько шагов, оставляя отца наедине с крестом. Медсестра, уловив момент, поспешила навстречу. Да, это точно оказалась она – по-восточному выпирающие скулы, сделавшие миндалевидными глаза,

заострённый носик над улыбчивыми губами. Из вновь отмеченного – обтянутая водолазкой и показавшаяся большой для её росточка грудь, скрываемая в больнице халатом. И короткая стрижка, освобождённая из-под марлевой хирургической беретки.

– Здравствуйте. Мои соболезнования, – первой заговорила медсестра.

Максим кивнул.

– Я была рядом в его последние минуты... Меня Наташа зовут.

– Максим.

– Я знаю. Дедушка сказал. Он просил передать вам это, – она достала из сумочки портсигар.

Максим машинально открыл его и тут же захлопнул – вместо папирос там были уложены доллары. Наташа опустила глаза, выдавая себя, что тоже открывала эту своеобразную записку и знает о её содержимом. Но оправдываться или объясняться не стала, пояснила лишь:

– Сказал, это на поездку. Куда и какую, не успел... Он спокойно умер. Просто перестал дышать. Я его держала за руку.

Боясь, что собеседница объяснит его удивление «кладом» страхом перед нежелательным свидетелем, Максим на этот раз демонстративно открыл портсигар, просмотрел деньги. Посчитал нужным оправдаться:

– Просил в Краснодар съездить.

– В Краснодар? Где молодогвардейцы? – встрепенулась девичья чёлка, опережая хозяйку. – Как интересно! Столько слышала. Я бы поехала, – помечтала, потом посмотрела на портсигар: – Просто у меня столько денег нет.

– В 7:06 дети ещё спят, – простил Максим её наивность, имея в виду время отправления электрички на Москву. Обернулся на отца.

Тот медленно брёл к выходу. Отличавшийся в свои 70 лет молоджавостью, сейчас со спины он выглядел именно на свой возраст – опущенные плечи, мелкий шаг, склонённая на грудь седая голова. То, что не окликнул, не позвал сына при уходе, лишь подтверждало норму жизни в их семье – каждый сам по себе. И за себя. Но это неправильно. Нельзя оставаться в одиночестве при живых родных.

– Извините, Наташа, но... Спасибо за... – Приподнял портсигар. Не уточняя и сам не определившись, то ли за него, то ли за содержимое. А скорее, что находилась с дедом до последней его минуты.

Для приличия пару раз обернувшись на остающуюся в одиночестве среди надгробий медсестричку, побежал догонять отца. Тот снова никак не воспринял Максима, похоже, все окружающие были сейчас ему в тягость. Он был погружён в свои мысли, которые ставили с ног на голову всю прошлую жизнь. Да ещё всё рассказано внуку, а не ему. Значит, точно не сын...

Максим отстал, и отец снова не обернулся, не заметил исчезновения рядом с собой человека. А вот Максиму, наоборот, показалось трудным остаться в одиночестве. Обернулся на Наташу. Та успокоительно кивнула: я рядом! А хочешь, ускорю шаг. Дай волю, возьмёт, как деда, по-сестрински за руку. Так успокаивала и его баба Вера, когда дед не позволял выйти на улицу со своим наградным пистолетом. Не мог понять: если не показывать оружие другим, то мало кто поверит на слово, что дед – настоящий герой!

Максим так и не определился – побыть в одиночестве, догнать отца или доехать до города в компании с медсестрой. Крикнет «Лыжню!» – все пробки рассосутся.

– А у меня отгулы, – оправдала свою и беззаботность, и наличие свободного времени Наташа.

– Я в центр, – так же нейтрально сообщил и Максим. Если по пути – доедут вместе, нет – никто никого ни к чему не принуждал. А в центре есть магазин военной одежды, куда ему точно надо заглянуть.

Несмотря на обоюдную деликатность, дальнейший разговор не склеился. Медсестра просто присутствовала рядом, не навязываясь и не отвлекая, и Максим вновь погрузился в произошедшее. Что и как могло сложиться у них в семье, не будь деда? Как бы сложилась судьба у бабы Веры, у отца? У него самого? Иную жизнь

представить оказалось сложно, практически невозможно, потому никакого осуждения в сторону деда не испытывал. И это неожиданно обрадовало, потому что он продолжает считать Ивана Тимофеевича своим дедом. Хотя настоящий лежит где-то на берегу Северского Донца, не успев ни увидеть сына, ни получить лейтенантских погон, ни узнать о победе. Отцу под старость лет смириться с известием тяжелее, родная кровь от незнакомого лейтенанта Гречихина к нему перешла напрямую, а вот течь её заставили по чужим венам-фамилиям-отчества. Могли бы со временем сказать, конечно. Понял бы. Может, даже поблагодарил бы, что Иван Тимофеевич не оставил маму одну, усыновил сироту и ни разу не попрекнул этим. Да, своеобразен был, жёсток и резок, но ведь благородно собрал доллары, чтобы доехать до того, кто погиб у него на глазах...

Наташа дождалась, пока он вышел из Венторга, по выражению лица удостоверилась, что спутник купил то, что хотел. Вскинула чёлку: ну, всё? До свидания? Максиму почему-то стало стыдно за деньги, которыми облагодетельствовал его дед, а он не делится. Ведь Наташа могла бы и промолчать, оставить записку себе – кто бы узнал? Он отцу ведь пока тоже ничего не сказал. И не уверен, надо ли говорить? Лучше после поездки отдаст то, что останется. А Наташе можно и нужно хотя бы конфет или мороженое купить. В благодарность. Зазывало музыкой посидеть в своём уюте кафе, но это надолго, а отец один...

Зато за углом кафе открылся цветочный ряд с банками и ведёрками, охраняемый часовыми-старушками. Взгляд притянули огромные яркие пионы, Максим без торга расплатился курсантскими отпускными и протянул букет медсестре. Продавщицы заулыбались, словно цветы подарили им, но через мгновение стали зазывно выискивать новых покупателей: торгующая живёт не проданным товаром, а предстоящей сделкой. **А**

Окончание в следующем номере

ВОЕНИЗИРОВАННЫЕ УЧЕНИЯ

Военизированные учения имеют большое значение для патриотического воспитания молодёжи, подготовки её к службе в силовых структурах Российской Федерации. И особенно актуальны в период ограничений, связанных с коронавирусной инфекцией (COVID-19). Актуальность подобных занятий сохранится и после снятия режима самоизоляции.

Областная Федерация рукопашного боя совместно с партнёрами приступила к реализации социального проекта по патриотическому воспитанию граждан. Проводился подготовка молодёжи к службе в силовых структурах нашей Родины при поддержке Фонда Президента Российской Федерации и информационной поддержке Общественной палаты Тамбовской области.

Первое мероприятие проекта – это военизированные учения. Учения проводятся на базах, расположенных в Мичуринском, Первомайском и Тамбовском районах, с ребятами из военно-спортивных клубов области. Более подробно расскажем об учениях, которые прошли

на берегу канала реки Цны в парке семейного отдыха «Ромашково». В них принимали участие воспитанники Моршанского спортивного клуба «Коловрат» (руководитель – Валерий Александрович Медведев). Ребята научились организовывать себе ночлег в палатках, шалашах из подручных материалов. Ознакомились с процессом выживания в сложных условиях. Увидели, как изготовить удобный и практичный фонарь, который можно эксплуатировать в непростой метеорологической обстановке. Им был продемонстрирован экономичный портативный самовар для двух человек, изготовленный из консервных банок. Проводились занятия по гребле на шлюпках. Всему этому их обучал руководитель автономной некоммерческой организации «ЦРВТ на байдарках и каноэ в Тамбовской области "Гидросфера"» Александр Александрович Мусиенко. Ребята ещё занимались военно-прикладными видами спорта, силовой подготовкой. В будущем у этой группы запланирован шестидневный сплав по реке Цне. **А**

«АЛЕКСАНДРЪ»

 alexlib.ru